UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324781 4

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/sliepaiababochka00solo

Ѳ. СОЛОГУБЪ.

СЛѢПАЯ БАБОЧКА.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.
1918.

LIBRARY
JAN - 9
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3470
T4 S4

Типографія „ЗЕМЛЯ" Москва,
1-я Мѣщанская, 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Жена умнаго человѣка	5
Отрава	21
Самый сильный	51
Крутильда и семь другихъ	62
Мышеловка	71
Сказка гробовщиковой дочери	79
Голосъ крови	89
Прачка съ длинною косою	102
Солнышко	110
Самый темный день	116

ЖЕНА УМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

Когда Николаю Ивановичу Складневу исполнилось тридцать лѣтъ, онъ нашелъ, что ему чего-то не достаетъ. Обдумавши внимательно свое положеніе холостого человѣка, получающаго достаточное и на двоихъ жалованье, онъ рѣшилъ, что ему пора жениться. И съ того часа, какъ рѣшеніе было имъ принято, онъ въ разговорахъ со своими знакомыми развивалъ эту мысль со свойственною ему убѣдительностью. Не даромъ же онъ былъ учитель, — онъ любилъ и умѣлъ поговорить, преимущественно на умныя темы.

Складневу казалось, что онъ красивъ и уменъ. Въ этомъ убѣждало его зеркало. Немножко кривое, но все же недурно отражало интеллигентное лицо и пряди темно-русыхъ волосъ на чрезвычайно умномъ лбу.

Его пріятель, чиновникъ контрольной палаты, Никодимъ Матвѣевичъ Сѣтьюловскій, говаривалъ ему басомъ:

— Ты, Колюханъ, человѣкъ головной, мозговикъ, лобъ-человѣкъ. Я любъ-человѣкъ, нашъ управляющій ловъ-человѣкъ, а ты, братъ, Колюханъ, лобъ-человѣкъ.

Складневъ поправлялъ очки, смотрѣлъ самодовольно, и говорилъ:

— Ума въ себѣ я не отрицаю. Ложною скромностью не зараженъ, и противъ очевидности спорить не стану,—не нахожу нужнымъ. Но въ опредѣленіи основной черты моего характера, ты, дружище Никовѣичъ, ошибаешься. Если бы я былъ таковъ, я бы не ходилъ съ тобою въ такія мѣста.

Такія мѣста — какой-нибудь трактирчикъ, чистая половина.

Складневъ говорилъ:

— Я—человѣкъ увлекающійся. Теперь я учитель, а въ будущемъ году, можетъ быть, я въ Адисъ-Абебѣ на розовыхъ слоновъ охотиться стану. Ты меня, Никовѣичъ, еще не знаешь.

Сѣтьюловскій улыбался, облизывалъ толстымъ и краснымъ, изъ-за красныхъ и толстыхъ губъ, языкомъ сѣроватую на черныхъ густыхъ усахъ пивную пѣну, и говорилъ упрямо:

— Нѣтъ, Колюханчикъ, ты разсудочно натаскиваешь на себя увлеченія. Ты—дипломатъ, хитрюга, проныра, лобовикъ. Тебѣ прямая дорога въ министры заграничныхъ финансовъ.

Сѣтьюловскій не вѣрилъ Складневу, а дамы иногда вѣрили. Иныя простодушныя съ восхищеніемъ смотрѣли на него, когда онъ говорилъ:

— Я, знаете, не люблю этой вашей прѣсной жизни. Мнѣ бы охотникомъ въ преріяхъ быть.

А у самого типично-интеллигентный видъ, какъ бы еще обострялся при этихъ словахъ.

Теперь къ этимъ мечтамъ о преріяхъ онъ вдругъ прибавлялъ слова:

— Мнѣ надо жениться.

— Зачѣмъ же дѣло стало?—спрашивали его.

— Ну, это, знаете ли, не такъ-то просто.

Поправитъ очки, и смотритъ. На очкахъ оправа стальная, но онъ смотритъ такъ важно, что очки кажутся золотыми.

И принимался долго и подробно разсказывать, какая нужна ему невѣста.

— Я самъ—человѣкъ увлекающійся, стало быть, мнѣ нужна невѣста разсудительная и спокойная, которая могла бы удерживать меня отъ излишнихъ увлеченій.

II.

Долго присматривалъ невѣсту Складневъ. За нѣсколькими начиналъ ухаживать, и отмѣнялъ. Все чего-нибудь не доставало. Катя Сорванцова — смѣшлива, Лена Билкина—плаксива, Зоя Изызбина—болтлива, Маня Башенная—молчалива.

Наконецъ на вечерѣ у директора гимназіи познакомился Складневъ съ новою учительницею, Валентиною Петровною. У нея было круглое лицо, сѣрые добродушные глаза и очень мягкая улыбка. Складневу она понравилась, и онъ рѣшился присмотрѣться къ ней, какова-то изъ нея обѣщаетъ быть жена.

И вотъ, присматриваясь, обнаружилъ онъ въ ней многія симпатичныя ему черты. Оказалось, что ей нравятся тѣ же книги, какъ и ему. Что она не любитъ кинематографа. Что она очень хорошо катается на конькахъ. Что она весьма недурно играетъ на фортепьяно. Что у нея пріятный голосъ. Что она любитъ пѣть малороссійскія пѣсни.

Количество симпатичныхъ чертъ увеличивалось. Несимпатичныхъ не замѣчалось. Сомнительная была только одна, —когда Складневъ начиналъ говорить длинно и краснорѣчиво, Валентина Петровна иногда взглядывала на него съ недоумѣніемъ, потомъ опускала глаза, и слегка усмѣхалась. Изъ-за этого Складневъ однажды имѣлъ даже объясненіе съ Валентиною Петровною.

— Чѣмъ я навлекъ вашу насмѣшку?—иронически спросилъ онъ.

Валентина Петровна смутилась, покраснѣла, отвела глаза въ сторону.

— Какъ вы могли это подумать, Николай Ивановичъ? —сказала она.—Я и не думаю надъ вами смѣяться.

Складневъ говорилъ:

— Я уже не первый разъ замѣчаю, что, когда я начинаю развивать какую-нибудь мысль, болѣе или менѣе меня интересующую, или пытаюсь возможно болѣе убѣдительными доводами обосновать какое-нибудь положеніе, то вы начинаете улыбаться. Такъ какъ я считаю васъ особенно въ высшей степени дѣльною и симпатичною, то я не могу оставить безъ вниманія такого вашего отношенія ко мнѣ, и потому счелъ нужнымъ объясниться, и прямо поставить вамъ вопросъ, что же именно усматриваете вы смѣшного въ моихъ словахъ. Самъ для себя отвѣтить на этотъ вопросъ я не сумѣю, потому что откинувъ въ сторону ложную скромность, я не усматриваю въ моихъ разсужденіяхъ ничего глупаго и смѣшного. Но человѣку свойственно заблуждаться, и со стороны, вообще, лучше видно, а потому я и рѣшаюсь предложить этотъ вопросъ вамъ, въ надеждѣ, что вы разрѣшите мое недоумѣніе.

Валентина Петровна нѣсколько разъ пыталась прервать рѣчь Николая Ивановича, но онъ говорилъ безостановочно, какъ заведенный, и уже наконецъ Валентинѣ Петровнѣ стало казаться, что онъ никогда не кончитъ. Ей опять захотѣлось смѣяться, и она съ трудомъ удерживалась отъ улыбки. Къ счастью, Складневъ наконецъ замолчалъ, и тогда Валентина Петровна принялась доказывать, что она улыбается безъ всякаго злого умысла и безъ желанія надъ кѣмъ-нибудь смѣяться, а только потому, что она чувствуетъ себя весело и пріятно. Складневъ не совсѣмъ повѣрилъ ея словамъ, но рѣшилъ, что обижаться не стоитъ, и что улыбка Валентины Петровны, хотя и неумѣстная, показываетъ только ея малую привычку къ серьезнымъ и умнымъ разговорамъ.

Составивъ свое мнѣніе о Валентинѣ Петровнѣ, — достаточно умна, достаточно красива, достаточно спокойна, годится, пожалуй, быть его женою,—Складневъ сталъ провѣ-

рять свое мнѣніе, мнѣніемъ другихъ. Онъ систематически освѣдомлялся, какъ относятся къ ней ея сослуживцы, начальство, ученицы, родители ученицъ, знакомые, общество вообще, прислуга. Ну, что-же, всѣ хорошо отзывались,—милая, веселая, простая, любезная, хорошая учительница, славный товарищъ, превосходный человѣкъ. Всѣ любятъ.

Закончивъ кругъ своихъ наблюденій и справокъ, Складневъ почувствовалъ даже нѣкоторую гордость.—вотъ какъ пріятно обстоитъ дѣло съ его невѣстою. И наконецъ признался въ любви ей, впрочемъ, сначала не ей самой, а своему пріятелю Сѣтьюловскому. Сидя въ трактирчикѣ за пивомъ, онъ обстоятельно разсказалъ ему исторію своего знакомства съ Валентиною Петровною, подробно изложилъ результаты своихъ собственныхъ наблюденій, собранныя о ней справки, и закончилъ рѣшительнымъ выводомъ:

— Мы съ нею пара.

Сѣтьюловскій недовѣрчиво покачалъ головою, и спросилъ:

— Почему?

— По контрасту, — объяснилъ Складневъ.—Я—увлекающійся человѣкъ, она—разсудительная. Я наклоненъ къ расточительности, она бережлива.

Сѣтьюловскій возражалъ:

— Нѣтъ, вы другъ къ другу не подходите. Ты ее заѣшь своею рефлексіею, раздавишь своею разсудительностью, заговоришь своими рѣчами. Она съ тобою не будетъ счастлива.

— Ну, ужъ объ этомъ я позабочусь.—самодовольно сказалъ Складневъ.—А теперь намъ пора уходить. Никовѣичъ, сегодня, кажется, твоя очередь платить.

— Нѣтъ, увлекающійся человѣкъ, наклонный къ расточительности, — насмѣшливо говорилъ Сѣтьюловскій, — я прошлый разъ платилъ, теперь плати ты.

Складневъ не спорилъ, потому что зналъ, что Сѣтьюловскій говоритъ правду. Но ему было досадно, что не удалась его маленькая хитрость, и что ему не придется сбе-

рѣчь нѣсколько гривенниковъ, которые могли бы пригодиться въ его бюджетѣ, въ виду предстоящихъ свадебныхъ расходовъ.

III.

Складневъ сталъ ухаживать за Валентиною Петровною. Онъ дѣлалъ все, что полагается въ этихъ случаяхъ, все, что онъ зналъ объ этомъ изъ книгъ и изъ собственныхъ наблюденій. Валентина Петровна относилась къ своему ухаживателю съ робкимъ недоумѣніемъ. Ея друзья уже поздравляли ее съ одержанною надъ сердцемъ Складнева побѣдою. Они находили, что это для нея очень хорошая партія. А сама Валентина Петровна не знала, что и думать. Она не могла понять, нравится ли ей Складневъ или нѣтъ. Всѣ его хвалили, отзывались о немъ съ уваженіемъ и съ сочувствіемъ, и она не могла сказать противъ него ничего, но ей какъ-то неловко было думать, что онъ въ нее влюбленъ. Но если не влюбленъ, такъ зачѣмъ же ухаживаетъ?

Наконецъ, однажды Складневъ пришелъ къ ней съ рѣшительнымъ намѣреніемъ. При первыхъ же его словахъ Валентина Петровна почувствовала такой испугъ, что у нея задрожали ноги. Она заплакала и заговорила сбивчиво:

— Благодарю васъ, я не ожидала, извините, это такъ внезапно, позвольте мнѣ подумать до завтра, я теперь не могу.

Складневъ пожалъ плечами, и сказалъ, стараясь скрыть свое неудовольствіе:

— Я не понимаю, о чемъ тутъ думать. Мы такъ подходимъ другъ къ другу, что даже странно было бы сомнѣваться относительно нашей супружеской жизни. Но я понимаю ваше волненіе, и готовъ итти навстрѣчу вашимъ желаніямъ, отложить до завтра рѣшеніе этого вопроса, а теперь удаляюсь.

Едва захлопнулась за Складневымъ выходная дверь, какъ Валентина Петровна бросилась къ своему столу, и то-

ропливо, дрожащими руками, разбрызгивая чернила по бумагѣ, написала Складневу письмо, рѣшительный отказъ. Ея ноги еще дрожали, и сердце усиленно билось, когда она позвала молоденькую Кушу, прислуживавшую ей дочь ея квартирной хозяйки, и отдала ей письмо со строгимъ наказомъ итти сейчасъ же, отдать письмо въ собственныя руки Складнева, сказать, что отвѣта не надо, и немедленно итти домой. Въ неизъяснимомъ волненіи провела она полчаса, не находя себѣ мѣста, и успокоилась только тогда, когда Куша вернулась и разсказала, что отдала письмо самому Николаю Ивановичу. Тогда Валентина Петровна, припоминая все случившееся сейчасъ, удивилась и своимъ слезамъ, и своему испугу. Ничего же не было страшнаго, или обиднаго,—посватался, что жъ такое!

IV.

Ни съ чѣмъ нельзя сравнить то чрезвычайное удивленіе, съ которымъ прочиталъ Складневъ письмо Валентины Петровны. Онъ хотѣлъ было итти къ Валентинѣ Петровнѣ немедленно, чтобы объясниться и уговорить ее не отказываться отъ своего счастья, но, обдумавъ положеніе, рѣшилъ отложить это до завтра.

На другой день онъ опять пришелъ къ Валентинѣ Петровнѣ. Она почему-то была готова къ его посѣщенію, и разговаривала съ нимъ очень спокойно. Складневъ убѣждалъ ее долго и краснорѣчиво, но Валентина Петровна стояла на своемъ. Складневъ ушелъ ни съ чѣмъ.

Нѣсколько дней онъ чувствовалъ себя выбитымъ изъ колеи. Не зналъ, что дѣлать. Искать другую невѣсту? Но ни одна изъ знакомыхъ дѣвушекъ не казалась ему въ такой же мѣрѣ подходящею для него невѣстою, какъ Валентина Петровна. Онъ пытался завязывать новыя знакомства, но нигдѣ не находилъ ничего подходящаго. Очевидно было для него, что Валентина Петровна должна стать его женою. Онъ возложилъ надежду на время, и понемногу опять началъ ухаживать за Валентиною Петровною.

Ровно черезъ три мѣсяца онъ повторилъ свое предложеніе. Первый разъ это было зимою, теперь весна, другой сезонъ, другія должны быть настроенія. Все должно быть по другому, и потому Складневъ сдѣлалъ свое предложеніе въ уединенной аллеѣ городского сада, въ бесѣдкѣ, изъ которой открывался очаровательный видъ на рѣку и на поля за рѣкою. Но и на этотъ разъ Валентина Петровна ему отказала.

Для Складнева утѣшительно было то, что теперь Валентина Петровна не плакала и не пугалась, а говорила спокойно. Складневъ рѣшился не терять надежды.

Прошло еще три мѣсяца, опять было шестнадцатое число, какъ и тѣ два раза, но уже было знойное лѣто, и Складневъ съ Валентиною Петровною сидѣли на опушкѣ лѣса, на большомъ стволѣ поваленной бурею старой березы. Другой сезонъ, другая обстановка, другія настроенія, —и рѣчи должны быть другія. Въ третій разъ Складневъ придумывалъ новую форму брачнаго предложенія. Теперь бодрыя, оптимистическія ноты звучали въ его голосѣ,—но и это не покорило Валентину Петровну. Она была весела, и уже даже не смущалась, и говорила спокойно:

— Николай Ивановичъ, вы—очень милый человѣкъ, и я васъ сердечно уважаю, но почему же вы думаете, что я должна быть вашею женою? Въ городѣ есть барышни, которыя въ васъ влюблены.

— Кто же, напримѣръ?—съ любопытствомъ спросилъ Складневъ.

— Я вамъ скажу это,—отвѣчала Валентина Петровна, —но не теперь. Теперь вы только вѣдь изъ любопытства это спрашиваете. Но развѣ вы сами не замѣчаете, кто на васъ засматривается?

Валентина Петровна взглянула на свои маленькіе часики, и воскликнула:

— Однако, какъ мы съ вами здѣсь загулялись! Пора домой.

Она поспѣшно вышла на дорогу, Складневъ шелъ за нею, и ему было досадно, что разговоръ кончается такъ странно, прозаично, безъ всякаго волненія.

Валентина Петровна, придя домой, призадумалась. Нѣсколько дней она ходила задумчива, неопредѣленныя мечтанія разнѣживали ее, а по ночамъ ей снились тревожные сны. Потомъ какъ-то случайно она вспомнила, что предложенія Складнева повторялись ровно черезъ три мѣсяца,— въ январѣ, въ апрѣлѣ, въ іюлѣ. Вспомнила, что даже въ одно и то же число каждаго мѣсяца. Перебрала три будущихъ мѣсяца,—августъ, сентябрь, октябрь,—и засмѣялась про себя, подумавъ, что, навѣрное, шестнадцатаго октября Складневъ придетъ въ четвертый разъ, осенью.

«Но я ни за что за него не выйду», —рѣшила Валентина Петровна, и на этомъ успокоилась. Перестала думать о Складневѣ. И въ эти три мѣсяца Складневъ мало утомлялъ ее своими ухаживаніями. Рѣшилъ поразить ея воображеніе своею холодною сдержанностью.

V.

Но вотъ и октябрь. Погода ненастная, дождливая. На улицахъ грязно и мокро, въ домахъ уныло. Больше сплетенъ и злословія, чѣмъ во всякое другое время, и кажется, что никто никого не любитъ. Кажется, что никого и не за что любить.

Валентина Петровна чувствовала себя какою-то непріютною и оброшенною. Въ городѣ знали, что Складневъ уже нѣсколько разъ сватался къ ней,—Складневъ не дѣлалъ изъ этого секрета, разсудивъ, что ему выгоднѣе представить дѣло въ своемъ собственномъ освѣщеніи, чѣмъ ждать, какъ освѣтитъ этотъ случай Валентина Петровна, если вздумаетъ разсказывать о немъ. И всѣ въ городѣ сочувствовали Складневу, и не одобряли поведенія Валентины Петровны. Ея друзья даже посмѣивались надъ нею, называли ее разборчивою невѣстою. И очень совѣтывали не отвергать

Складнева,—ужъ такой хорошій человѣкъ! Особенно по нынѣшнимъ временамъ, когда люди такъ неохотно женятся, и когда дѣвицамъ такъ часто приходится такъ и не найти случая выйти замужъ. Но Валентина Петровна на всѣ убѣжденія отвѣчала:

— Не вижу никакой надобности выходить замужъ. И особенно за Складнева.

— Да вѣдь хорошій человѣкъ?

— Хорошій, не спорю.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Да не хочу.

Ближайшій другъ Валентины Петровны, маленькая, веселая учительница, Катя Лакатина говорила:

— Ну, это, матушка, капризъ. Онъ по тебѣ сохнетъ, можно сказать, а ты капризничаешь. Надо же быть милосердною и сжалиться надъ его страданіями.

Катя смѣялась,—но она всегда и надо всѣмъ смѣялась. Смѣялась не отъ насмѣшливости, а отъ веселости и отъ большого запаса сочувствія къ людямъ.

Вотъ настало и шестнадцатое октября, и Складневъ четвертый разъ пришелъ къ Валентинѣ Петровнѣ все съ тѣмъ же. И это былъ самый сѣрый и дождливый день, какихъ еще ни одного не было въ ту осень. И никогда въ жизни еще не было Валентинѣ Петровнѣ такъ тоскливо, какъ въ этотъ день. Вся ея жизнь представлялась ей въ мрачныхъ краскахъ. Родные, казалось ей, забыли ее, друзья приходятъ къ ней только для того, чтобы весело поболтать за чашкою чая,—а въ трудныя минуты жизни не поможетъ никто. Всѣ любятъ ее, потому—что любить такъ просто и легко, такъ выгодно и прятно, и такъ всѣми похваляется, но вѣдь эта, выражаемая ласковыми словами, любовь, никого ни къ чему не обязываетъ. Можно быть всѣми любимымъ и умереть съ голоду на улицахъ милаго, пріятнаго города, гдѣ живутъ такіе ласковые и привѣтливые люди. Всѣ любятъ, и никто не подойдетъ близко, близко, какъ свой.

Вернувшись изъ гимназіи домой, Валентина Петровна не занялась тетрадками ученицъ, какъ всегда. Она сѣла къ окну, и принялась глядѣть на улицу. Ни о чемъ не думала, и даже не знала, что ждетъ кого-то.

И онъ пришелъ. Когда она увидѣла на улицѣ его зонтикъ, пальто и калоши, все новое и очень хорошее, ей стало не то смѣшно, не то стыдно чего-то.

Завершая кругъ сезоновъ, полилась плавная, убѣдительная рѣчь, по-осеннему журчащая. Валентина Петровна даже и не слушала. Она думала о своей жизни, и мысли въ ея головѣ складывались тоскливыя. Наконецъ, прервавши Складнева на полусловѣ, она тихо сказала ему:

— Я согласна, Николай Ивановичъ.

Складневъ поморщился; онъ не любилъ, чтобы его перебивали. Но сейчасъ же рѣшилъ, что сердиться не надо. Надо радоваться,—цѣль его достигнута. И онъ съ самодовольствіемъ подумалъ, что человѣкъ умный и съ характеромъ добьется того, что захочетъ.

Вечеромъ Валентина Петровна долго думала о томъ, что ожидаетъ ее въ новой жизни. Поплакала не мало. Но какъ же ей быть? Страшила возможность одинокой жизни. И свадьба была, какъ выходъ въ жизнь полную, спокойную, увѣренную. Томило сознаніе недолжнаго въ томъ, что она согласилась,—вѣдь она же не любитъ этого человѣка. Но что же, что же ей дѣлать?

VI.

Ну, вотъ и повѣнчались. Стали жить вмѣстѣ. Какъ-то странно переломилась жизнь Валентины Петровны. Сидя за обѣденнымъ столомъ противъ своего мужа, и слушая его нескончаемые разговоры, она не могла отдѣлаться отъ страннаго ощущенія, что все это—не настоящее, что это—только пока, и что жизнь начнется когда-то потомъ. Но никакой жизни настоящей такъ и не начиналось. Были без-

конечные разговоры, чрезвычайно умные, необыкновенно интеллигентные, и тошные, ахъ, какіе тошные!

Все чаще и чаще съ боязливымъ недоумѣніемъ смотрѣла Валентина Петровна на своего мужа. Все холоднѣе и печальнѣе становились ея глаза. И Складневъ уже начиналъ быть недоволенъ странною молчаливостью жены.

Но вотъ она забеременѣла. Складневъ рѣшилъ, что ея странности объясняются этимъ, и успокоился.

Валентину Петровну совсѣмъ не радовало это пробужденіе въ ней новой жизни. Ей какъ-то холодно было думать о томъ, что у нея будетъ сынъ отъ этого умнаго, милаго, разговорчиваго человѣка. И она стала совсѣмъ тихая и очень спокойная, — такъ какъ-будто ей было все равно. А мужъ по-прежнему изводилъ ее своими разсужденіями. Всякій случай изъ жизни рождалъ въ немъ неодолимую потребность къ словоизверженію. Всякое вновь входящее въ жизнь обстоятельство ему надо было подвергать продолжительнымъ обсужденіямъ.

Незадолго передъ родами возникъ вопросъ о томъ, гдѣ рожать.

— А развѣ не дома?—съ удивленіемъ спросила Валентина Петровна.

— Дома не гигіенично,—отвѣчалъ Складневъ.

И онъ долго и подробно объяснялъ женѣ, почему дома не гигіенично, и какъ хорошо рожать въ спеціально приспособленныхъ для этого заведеніяхъ. Это онъ связывалъ съ общимъ вопросомъ объ измѣненіяхъ жизни, которыя созданы успѣхами наукъ и техники, а такъ же все возрастающею сложностью потребностей и средствъ къ удовлетворенію этихъ потребностей.

Валентина Петровна сначала спорила съ нимъ. Потомъ скоро споры эти утомили ее. Ей стало все равно.

«Все равно,—думала она иногда,—хоть бы совсѣмъ не жить. Все равно!»

Когда такимъ образомъ вопросъ былъ рѣшенъ принципіально, какъ любилъ выражаться Складневъ, присту-

пили къ обсужденію того, какое именно родовспомогательное заведеніе выбрать. Валентинѣ Петровнѣ было все равно, —если не дома, такъ хоть у самого чорта. Но Складневъ не могъ отнестись легкомысленно къ такому важному вопросу. Сидя передъ слушавшей его съ закрытыми глазами Валентиною Петровною, онъ подробно и обстоятельно разбиралъ достоинства и недостатки всѣхъ извѣстныхъ въ томъ городѣ учрежденій этого рода.

— Ахъ, да мнѣ совершенно все равно!—сказала Валентина Петровна.—Куда ты хочешь, туда я и поѣду.

— Какъ же можно такъ относиться! — возражалъ Складневъ. — Для правильныхъ и легкихъ родовъ весьма существенное значеніе имѣетъ, помимо объективныхъ данныхъ, а, весьма возможно, и не менѣе ихъ, самочувствіе роженицы. Стало быть, мы должны позаботиться не только о томъ, чтобы лѣчебница была хороша сама по себѣ, но и чтобы она тебѣ нравилась. Поэтому ты не можешь относиться безучастно къ такому важному дѣлу, какъ выборъ лѣчебницы.

Валентина Петровна ужъ и не спорила, но все-таки относилась безучастно. Складневъ пожималъ плечами, и говорилъ женѣ со сдержаннымъ упрекомъ:

— Я не понимаю тебя. Конечно, если тебя это затрудняетъ, я могъ бы и самъ выбрать лѣчебницу, но какъ же намъ быть, если она тебѣ не понравится! Правда, я приму въ соображеніе твои вкусы и привычки, на сколько я ихъ успѣлъ узнать въ такое короткое время,—но я не могу ручаться, что, что-нибудь покажется тебѣ неудобнымъ. Если я тебѣ представляю подробныя данныя о всѣхъ порядочныхъ лѣчебницахъ, то мнѣ совершенно непонятно, почему ты не хочешь сдѣлать между ними выбора, и слагаешь эту тяжелую отвѣтственность всецѣло на одного меня.

— Мнѣ все равно, — уныло повторяла Валентина Петровна,—вези меня, куда хочешь.

Складневъ опять пожималъ плечами, разводилъ руками, показывалъ всѣ умѣренные знаки удивленія, но не по-

вышалъ голоса, и не дѣлалъ ничего некорректнаго. Валентина Петровна смотрѣла на него, и вспоминала, что онъ всегда сдержанъ и вѣжливъ, никогда ни на кого не кричитъ, не стукнетъ рукою, не хлопнетъ дверью, — ни при какихъ обстоятельствахъ не позволитъ себѣ выйти изъ себя. Сѣрая, шершавая, липкая скука обволакивала душу молодой женщины. Она смотрѣла въ окно, и молчала.

Наконецъ, Складневъ выбралъ родильный пріютъ доктора Асланбека. Въ городѣ этотъ пріютъ очень хвалили. Это стоило не дешево, но Складневъ рѣшилъ, что въ важныхъ обстоятельствахъ жизни не стоитъ жалѣть денегъ.

VII.

Случилось то, что случается иногда и дома, и въ спеціальныхъ лѣчебницахъ. Валентина Петровна родила благополучно, новорожденный оказался крѣпкимъ и здоровымъ мальчикомъ, и слабое подобіе радости въ первый разъ за этотъ годъ отразилось на лицѣ Валентины Петровны. Она чувствовала себя хорошо, но на третій день къ вечеру температура внезапно поднялась, и черезъ двое сутокъ Валентина Петровна умерла.

Складневъ былъ очень удивленъ,—такъ неожиданно послѣ такихъ благополучныхъ родовъ! Онъ разговаривалъ съ врачами, и все добивался узнать, отчего именно умерла его жена, были ли какіе-нибудь недостатки и оплошности ухода за больною? иная ли была причина? Никто ничего положительнаго сказать ему не могъ. Говорили только, что это случается при наилучшихъ условіяхъ и при самомъ тщательномъ уходѣ, что есть какой-то процентъ, въ который и попала Валентина Петровна.

Кончилась одна жизнь, началась другая. Жену надо было хоронить, ребенка воспитывать. Но такъ же его воспитывать?

— Я этого не знаю,—говорилъ Складневъ,—я не привыкъ къ дѣтямъ, ребенокъ будетъ мнѣ мѣшать.

И рѣшилъ отдать ребенка на воспитаніе, даже не взялъ его изъ лѣчебницы.

— Куда же мнѣ съ нимъ возиться!—говорилъ онъ доктору Асланбеку.—Вы докторъ, знаете, какъ это дѣлается, я на васъ вполнѣ полагаюсь. Ребенка надо отдать въ надежныя руки, въ приличную и порядочную семью, — надѣюсь, что мнѣ не придется платить за это слишкомъ дорого.

Ребенка устроилъ, для жены купилъ хорошее мѣсто на кладбищѣ при мѣстномъ монастырѣ. Оказалось, что у Валентины Петровны было много друзей въ городѣ. Многіе шли за гробомъ, много людей было на кладбищѣ. Надъ могилою Валентины Петровны говорили рѣчи, — популярный въ городѣ адвокатъ, какъ представитель родителей ученицъ Валентины Петровны, и учитель словесности, ея сослуживецъ. И тотъ, и другой въ своихъ рѣчахъ съ большимъ сочувствіемъ говорили о неутѣшномъ горѣ ея мужа. Сочувствіе Складневу понравилось, но слова о неутѣшности показались ему неумѣстными. Какой-то уколъ самолюбію былъ въ нихъ. Онъ думалъ, что такія слова были бы умѣстны только въ томъ случаѣ, если бы умеръ онъ, а Валентина Петровна осталась. Неутѣшная вдова—понятно, неутѣшный вдовецъ—странно. Еще если бы они долго прожили вмѣстѣ, и онъ былъ бы старъ и слабъ, то, въ крайнемъ случаѣ, можно было бы принять эти слова. Теперь же это казалось Складневу цвѣтами краснорѣчія.

Дѣвочки принесли много цвѣтовъ. Онѣ тоже смотрѣли на Складнева съ сочувствіемъ и съ сожалѣніемъ. Да и всѣ, кто былъ на кладбищѣ, сочувствовали Складневу, и очень жалѣли его,—и эта атмосфера всеобщихъ сожалѣній все болѣе и болѣе раздражала Складнева.

Могилу засыпали, наскоро крестъ поставили, могильный холмъ исчезъ подъ многоцвѣтною розсыпью цвѣтовъ. Стали расходиться. Друзья и знакомые окружили Складнева, и стали его утѣшать. Складневъ сказалъ:

— Я вамъ очень благодаренъ, господа, но повѣрьте, что я не нуждаюсь въ утѣшеніяхъ. Конечно, я считаю, что мой

бракъ съ Валентиною Петровною былъ очень удаченъ, и мы оба чувствовали себя очень хорошо, но отсюда до трагической неутѣшности—дистанція огромнаго размѣра.

Толпа вокругъ Складнева начала рѣдѣть. Складневъ, не замѣчая этого, продолжалъ разглагольствовать:

— Конечно, я очень жалѣю о той роковой случайности, которая унесла въ могилу эту молодую жизнь и эту богато одаренную натуру. Не сомнѣваюсь, что, если бы она осталась жива, то моя жизнь съ нею въ будущемъ была бы во всѣхъ отношеніяхъ пріятна. Но въ настоящій моментъ, считая своимъ долгомъ всегда быть искреннимъ въ выраженіи своихъ чувствъ, я долженъ сказать, что въ примѣненіи къ моему настоящему душевному состоянію выраженіе неутѣшное горе представляется мнѣ чрезмѣрнымъ преувеличеніемъ. Мы не такъ долго жили вмѣстѣ съ Валентиною Петровною, и потому я еще не успѣлъ настолько привыкнуть къ ней, чтобы разрывъ связанныхъ съ нею ассоціацій могъ причинить мнѣ значительныя душевныя страданія.

При этихъ его словахъ и тѣ, кто еще оставался около него, отвернулись, заговорили громко, стали расходиться. Складневъ досадливо пожималъ плечами, онъ не привыкъ, чтобы его не дослушивали. Сѣтьюловскій взялъ его подъ руку, и повелъ къ выходу.

Жена адвоката Вереснева проводила его удивленными глазами, и сказала стоявшему рядомъ съ нею доктору Асланбеку:

— Я не знала, что онъ такой.

— Какой такой?—жизнерадостно улыбаясь, спросилъ Асланбекъ.

— Такой тупой,—сказала Вереснева.

— Ну, зачѣмъ такъ рѣзко!—возразилъ подошедшій къ нимъ адвокатъ Вересневъ.—Не тупой, а просто ужъ слишкомъ интеллигентный человѣкъ. Все разбираться во всемъ привыкъ.

ОТРАВА.

I.

Волнуясь сдержанно и прилично, Скрынинъ ходилъ взадъ и впередъ по застекленной и уже утромъ жаркой верандѣ. Его волненіе выражалось только въ пожиманіи узкихъ плечъ, въ ироническихъ усмѣшкахъ блѣдноватыхъ губъ, въ преувеличенной томности негромкаго голоса.

Елена сердитыми глазами смотрѣла на мужа и прижималась къ спинкѣ углового плетенаго диванчика, словно ей было холодно. Ея темно-синіе глаза казались почти черными, и брови были такъ нахмурены, что казались, и безъ того густые, вдвое гуще.

Они ссорились, какъ часто это бывало въ послѣдніе два года. Поводъ къ ссорѣ былъ ничтоженъ, и черезъ пять минутъ непріятнаго разговора уже оба позабыли, изъ-за чего это началось. Мужъ былъ, какъ всегда, безукоризненно и отвратительно правъ. Елена, по обыкновенію, капризничала, и всѣ слова ея были жалкими и неумными.

Скрынинъ спросилъ, уже не первый сегодня разъ:

— Я не понимаю, чего же ты, Елена, наконецъ, хочешь!

Иронической взглядъ, пожиманіе плечъ вкривь, такъ, что лѣвое плечо становилось гораздо выше, презрительно-

томный голосъ,—все, что уже давно почти до бѣшенства раздражало молодую женщину. Она судорожно уцѣпилась пальцами за локотники диванчика, такъ что они протяжно заскрипѣли.

Съ тихою злобою, едва удерживаясь отъ крика, Елена говорила:

— Что я хочу? О, вопросъ очень умный, какъ все, что вы говорите.

— Не вижу никакой прелести въ томъ, чтобы говорить глупости,—возразилъ Скрынинъ.

— По вашему, я въ этомъ вижу прелесть. — говорила Елена.—Ну да, я—глупая, глупая. Чего я хочу? Отъ васъ, отъ себя, отъ жизни,—чего хочу? Какъ же я могу это знать!

— Кто же другой за тебя это можетъ знать?—иронически спросилъ Скрынинъ.

— Тотъ, кто спрашиваетъ, — рѣшительно отвѣчала Елена.

И глаза ея гнѣвно засверкали, когда она говорила:

— Тотъ, кому я отдала зачѣмъ-то мою жизнь, какія-то права на меня. Даромъ отдала, чтобы онъ ничего не зналъ обо мнѣ. А я что-жъ! мечусь, какъ слѣпая бабочка. И что будетъ со мною, не знаю. Обколачиваюсь объ тебя, какъ о каменный столбъ.

— Благодарю за лестное сравненіе!—иронически кривя губы, сказалъ Скрынинъ.—Чрезвычайно образный способъ выраженія! Похожа на бабочку, нечего сказать!

Онъ окинулъ жену презрительнымъ взоромъ: едва одѣтая, растрепанная. Какъ вскочила съ постели, кое-какъ набросила что-то на себя, кое-какъ подколола шпильками волосы, такъ и вышла сидѣть сюда, гдѣ всякій, вошедшій въ садъ, можетъ увидѣть ее. Очень опустилась за послѣднее время,—думалъ Скрынинъ.—Совсѣмъ за собою не слѣдитъ.

Скрынинъ прежде говорилъ объ этомъ Еленѣ. Теперь же онъ старался и не замѣчать всего этого безпорядка, чтобы не возникло лишнихъ непріятностей. Доволенъ былъ уже и тѣмъ, что при гостяхъ и въ людяхъ Елена подтягивалась.

Елена знала, что въ эту минуту думаетъ о ней мужъ. Презрительно и злобно смотрѣла на него. Онъ весь былъ въ бѣлой фланели, точь въ точь одѣтъ, какъ на рисункѣ лѣтняго выпуска англійскаго журнала мужскихъ модъ.

Елена говорила:

— Не могу понять, гдѣ у меня были глаза, когда я выходила за васъ замужъ. Вы не живой человѣкъ, вы—ходящая и разсуждающая машина, вы — какой-то отвлеченный, надуманный кѣмъ-то интеллигентъ. Душно мнѣ съ вами, воздуху для моей души не хватаетъ.

Елена засмѣялась хрупкимъ, слишкомъ звонкимъ смѣхомъ. Сдѣлала надъ собою усиліе, чтобы не смѣяться, и продолжала:

— Все почему-то на память стихи приходятъ:

«Душно въ Кіевѣ, какъ въ скрынѣ.
Только киснетъ кровь»...

И вдругъ вскочила и закричала истерически:

— Вы, Николай Константиновичъ, дождетесь того, что я васъ убью, отравлю, зарѣжу!

И бросилась бѣжать въ садъ, порывистымъ толчкомъ распахнувъ стеклянную дверь. Скрынинъ, пожимая плечами, смотрѣлъ вслѣдъ за нею. На его желтое лицо, легло кислое выраженіе, и отъ крыльевъ горбатаго носа къ угламъ тонкогубаго рта, протянулись вялыя складки. Но, не давая себѣ времени распускаться въ ненужныхъ размышленіяхъ, онъ дѣловито взглянулъ на карманные часы, позвонилъ, распорядился, чтобы приготовили экипажъ, и пошелъ въ свой кабинетъ собирать бумаги для поѣздки въ городъ.

II.

Елена добѣжала по хрупко-песочнымъ дорожкамъ до ограды сада. Съ разбѣгу оперлась руками и грудью о невысокую изгородь. Испуганными, зоркими глазами смотрѣла на рѣдкія, убывающія подъ солнцемъ радужки росинокъ на

скошенномъ лугу и на деревья недалекаго лѣса, мглисто-синеватаго. Сердце билось быстро, въ головѣ настойчиво повторялись все однѣ и тѣ же самоукорныя мысли:

«Зачѣмъ я это ему сказала? Надобно было молчать, въ себѣ таить, носить мысль, какъ ребенка. Теперь онъ, пожалуй, вздумаетъ беречься, и я ничего не смогу сдѣлать. Да, еще и Пасходинъ можетъ проболтаться. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я ему это сказала»!

Наконецъ Елена рѣшилась поправить дѣло, — пошла мириться съ мужемъ. Шла тихонько, улыбаясь солнцу, радовалась левкоямъ благоуханнымъ и бездыханно-яркимъ макамъ и думала:

«Достаточно сказать ему нѣсколько ласковыхъ словъ, и онъ мнѣ повѣритъ. Себѣ повѣритъ, не мнѣ. До сихъ поръ воображаетъ, что неотразимъ,—и пусть воображаетъ».

III.

Скрынинъ уже готовъ былъ ѣхать въ городъ,—въ этомъ году у него и лѣтомъ были въ городѣ какія-то очень интересныя дѣла,—когда въ его кабинетъ вошла Елена, Скрынинъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ,—онъ уже приготовился къ тому, что придется уѣхать, не повидавшись съ женою.

У Елены было нѣжное и виноватое выраженіе лица, и потому она казалась теперь невинною и молодою, какъ до свадьбы. Скрынинъ обрадовался,—онъ не любилъ ссоръ,—и лицо его озарилось улыбкою, почти не кислою.

Елена подошла къ нему близко, положила на его узкое, костлявое плечо тонкую загорѣлую руку, глянула прямо въ его темные большіе глаза съ фіолетовыми подглазниками своими невинно-синими глазами, и голосомъ разсудительнаго ребенка заговорила:

— Николай, не дуйся, пожалуйста.

— Но я и не дуюсь,—возразилъ было Скрынинъ.

Но Елена тотчасъ же перебила его:

— Пожалуйста, не спорь. Нельзя постоянно спорить.

Ты знаешь, что я тебя люблю. Ты самъ всегда начинаешь первый...

— Елена это ты начинаешь.

— Пожалуйста. не спорь. Ты доводишь меня до того, что я сама не помню, что говорю. Пожалуйста, ты не вздумай, что я серьезно хочу тебя убивать.

— Да я и не думаю.

— Нѣтъ, ты скажи, неужели ты считаешь меня способною на это?

Скрынинъ отвѣчалъ смущенно:

— Ну, что ты. Елена! Конечно, я этого не думаю. И не имѣю никакихъ основаній для этого.

— Какъ никакихъ!—возразила Елена, хмурясь.—А мои собственныя слова?

— Елена,—сказалъ Скрынинъ,—ты въ послѣднее время раздражаешься по пустякамъ.

— О, пустяки!

— У тебя нервы въ самомъ ужасномъ, и невозможномъ состояніи. Тебѣ необходимо серьезно лѣчиться, положительно необходимо.

Какъ всѣ люди безъ темперамента, Скрынинъ наибольшую убѣдительность рѣчи полагалъ въ механическомъ повтореніи словъ.

Елена опустила глаза. Лицо ея приняло упрямое выраженіе. Она безнадежно сказала:

— Ну, что же мнѣ лѣчиться! Это безполезно. Хоть бы одинъ ребенокъ у меня былъ. Тогда бы у меня и нервы были въ порядкѣ. Ты самъ это знаешь.

Скрынинъ пожалъ плечами и заторопился уѣзжать. Елена опять стала нѣжною и ласковою, и сказала:

— Не будемъ ссориться. Нѣтъ и нѣтъ, и не надо. Меньше заботъ.

Когда Скрынинъ сѣлъ въ коляску, и лошади пошли съ мѣста легкою, спорою рысью. Елена стояла у калитки въ саду и темными отъ ненависти глазами смотрѣла на уносящуюся плавно въ дымно-синеватомъ облакѣ пыли коляску.

IV.

Такъ Елена ненавидѣла мужа, того самаго человѣка, въ котораго молодою дѣвушкою страстно влюбилась, котораго любила нѣжно и преданно,-и съ которымъ благополучно прожила нѣсколько лѣтъ. Причинъ для ненависти не было, —такъ думали всѣ близкіе, вся многочисленная родня его и ея. Бракъ былъ счастливъ,—такъ думали всѣ знакомые.

Одно развѣ, что дѣтей не было. Въ первые годы замужества Елена и не хотѣла имѣть дѣтей,—это мѣшаетъ выѣздамъ и свѣтскимъ утомительнымъ удовольствіямъ. Потомъ ей захотѣлось дѣтей,—хоть одного р бенка. Уже ей показалось, что это очень забавно и занятно, и даетъ въ свѣтѣ какую-то особенную значительность. Но дѣти не рождались.

Наконецъ, уже Елена начала думать, что Скрынинъ на то и рожденъ, чтобы стать послѣднимъ въ своемъ родѣ. Черты сухой душевной безплодности все яснѣе для Елены обнаруживались въ немъ. Онъ казался ей похожимъ на смоковницу, не давшую плода во-время и за то изсохшую.

Ревновать его Еленѣ не приходилось. Онъ былъ одинаковъ со всѣми знакомыми дамами и дѣвушками. Никакихъ другихъ причинъ къ неудовольствію она тоже не могла бы назвать.

Скрынинъ дома былъ милъ, нѣженъ и корректенъ, въ людяхъ былъ со всѣми вѣжливъ, внимателенъ и корректенъ, въ службѣ и въ дѣловыхъ отношеніяхъ былъ отлично поставленъ, удачливъ и корректенъ. Не за эту же всегдашнюю и неизмѣнную корректность ненавидѣть человѣка!

А между тѣмъ именно эта корректность, эта сдержанность превосходно воспитаннаго человѣка и была тѣмъ свойствомъ, на которомъ сосредоточились Еленины ненавидящія чувства. Стоило ей закрыть глаза и представить себѣ Скрынина во всей его блистательной безукоризненно-

сти,—въ его всегда безукоризненномъ костюмѣ, съ его безупречными манерами, съ его безспорною всегда и во всемъ правотою,—и тотчасъ ненависть начинала больно и жутко сжимать ея сердце, болью чисто тѣлесною отзываясь въ немъ.

Какъ отчетливо научилась она представлять себѣ Скрынина! Бѣлизна фланели на его лѣтнемъ костюмѣ, матовость свѣтло-сѣрой обуви, ровный лоскъ двухъ одинаковыхъ полушарій гладкой прически по обѣ стороны діаметральнаго пробора, брилліантинъ подкрученныхъ кверху усовъ, аккуратная лопаточка черной бородки, непомѣрно-точная гармонія галстука всему прочему, лоснящійся кнутъ элегантной тросточки на прямоугольномъ сгибѣ локтя,—о, постылое, постылое!

Глаза бы не видѣли этой томности движеній, этой матовости горбоносаго лица, этой усталой ласковости взгляда! Уши бы не слышали этихъ томныхъ, упадающихъ интонацій, этой легкой, вкрадчивой походки! Чтобы не быть на него похожей, хотѣлось дѣлать рѣзкія движенія, румянить щеки, смотрѣть жестоко, говорить громко, ходить стуча каблуками, шаркая подошвами, одѣваться кое-какъ, на зло ему! Чтобы ничто въ ней ему не нравилось, чтобы все раздражало, чтобы и онъ чувствовалъ эти бѣшеные укусы злобы. Пусть ненавидитъ, пусть теряетъ голову отъ ненависти, пусть убьетъ!

Лучше не жить! Ей или ему,—лучше не жить. И пусть другой всю жизнь радуется, что освободился,—если только послѣ такой ненависти можно радоваться.

Такая ненависть! Убила бы, убила бы! Увидѣть бы трупъ, сдѣланный ею изъ этого человѣка,—о, какъ забилось бы тогда ея сердце!

Мечта о смерти мужа цѣлый годъ томила Елену, какъ мечта объ избавленіи отъ тягостнаго кошмара. Все сильнѣе день ото дня злоба давитъ грудь,—сбросить бы, сбросить бы эту тяжелую ношу! Такъ облегченно вздохнетъ грудь, истомленная тѣсными сжатіями голодной злобы!

V.

Съ настойчивостью маньяка Елена цѣлый годъ придумывала средства достать сильно-дѣйствующій ядъ. Револьверъ у нея былъ издавна,— подарокъ въ дѣвическіе годы отъ одного мрачно настроеннаго родственника. Онъ всегда хранился Еленою въ полной боевой готовности. Но къ этому способу убійства Елена не хотѣла прибѣгать. Ей было тошно думать о томъ, что ее посадятъ на жесткую скамью подсудимыхъ, что кто-нибудь изъ бывавшихъ въ ихъ домѣ товарищей прокурора станетъ говорить о ней дерзкія слова, и что мужики-присяжные, вздыхая и сопя въ душной, непріятно-пахнущей залѣ, будутъ смотрѣть на нее, какъ на злую бабу, которая убила мужа изъ шалой ярости. Развѣ всѣ эти люди могутъ понять то, что творится въ Елениной душѣ!

Достать ядъ,—вотъ что стало Елениною мечтою. Она долго уговаривала знакомаго милаго врача, доктора Заражайскаго.

— Револьверъ у меня уже есть,—говорила она,—а вы, докторъ, дайте мнѣ ядъ.

Заражайскій удивлялся и спрашивалъ:

— Зачѣмъ это вамъ понадобилось, милая Елена Алексѣевна? Вашъ Николай Константиновичъ ни за кѣмъ, какъ будто не ухаживаетъ, стало быть, разлучницы у васъ нѣтъ. Кого же вы травить собираетесь?

— Это мнѣ надо для себя, докторъ,—говорила Елена, —вѣдь я же вамъ говорю, для себя.

Заражайскій посмѣивался, поглаживалъ густую черную бороду и говорилъ:

— Не смѣю этому вѣрить, дражайшая Елена Алексѣевна, —хоть убейте, не смѣю вѣрить. Жизнь вамъ очаровательно улыбается, домъ у васъ — полная чаша, какъ говорится, мужъ васъ на рукахъ носитъ... Отъ такой жизни, какъ показываетъ статистика, обыкновенно травятся.

— Счастье можетъ пройти,—говорила Елена,—я его не переживу, моего счастья. Какъ же мнѣ тогда быть? Прикажете мнѣ подъ трамвай броситься? Но вѣдь это ужасно больно!

— У васъ есть револьверъ,—отвѣтилъ докторъ,—чикъ! И готово.

— Но я боюсь стрѣлять,—возражала Елена. — Если неудачно выстрѣлить, это тоже будетъ довольно безрадостная исторія. Только ядъ вѣрно дѣйствуетъ.

— Ну, это зависитъ отъ дозы.

— Вы мнѣ укажете дозу, дорогой докторъ. Я васъ умоляю, милый, добрый докторъ, — дайте мнѣ яду на черный день. Я спрячу его, и буду хранить, и у меня будетъ та радость, что всегда, въ любой моментъ, если жизнь станетъ для меня нестерпимою, я смогу легко и спокойно уйти изъ нея.

Какъ Бога, молила усмѣхавшагося Заражайскаго, плакала горько, на колѣняхъ передъ нимъ стояла. Наконецъ Заражайскій согласился. Въ самомъ началѣ этого лѣта, наканунѣ отъѣзда на дачу, Заражайскій принесъ въ маленькомъ стекляномъ флакончикѣ бѣлый порошокъ.

Елена усиливаясь казаться совершенно спокойною, разсматривала странный подарокъ. Пробка притерта, тонкимъ пузыремъ затянута, толстою ниткою по пузырю перевязана, на этикетѣ черепъ изображенъ и надпись ядъ крупными буквами. Флакончикъ вставленъ въ картонный футлярчикъ, и на футлярчикѣ надпись: «Хранить въ сухомъ мѣстѣ». Все очень серьезно.

Хотя они были одни, Скрынича не было дома, но все-таки Заражайскій говорилъ тихо, озираясь боязливо по сторонамъ:

— Ну вотъ, Елена Алексѣевна, принесъ вамъ опасную игрушку, взялъ грѣхъ на душу. Цѣлую семью отравить можно. Смотрите, милая барынька, не подведите вы меня. Вотъ принесъ, старый дуракъ, а у самого душа не на мѣстѣ. Вотъ ужъ истинно говорится, что женщина сильнѣе

чорта. Нѣтъ, вы не смѣйтесь, это такъ. Гдѣ чортъ не можетъ соблазнить человѣка, туда онъ шлетъ очаровательную даму, —и дѣло въ шляпѣ.

Елена слушала, и становилась все тревожнѣе. Въ суетливыхъ движеніяхъ Заражайскаго и въ его торопливомъ полушопотѣ Елена чувствовала какое-то лукавство. Она рѣшила въ самомъ скоромъ времени провѣрить Заражайскаго, —отравить его ядомъ дачную дворовую собаку.

Проснувшись рано утромъ отъ необыкновеннаго ощущенія тишины и свѣжести за уже открытымъ горничною окномъ, Елена принялась за флакончикъ. Долго билась съ притертою пробкою. Кое-какъ открыла. Взяла большую щепотку бѣлаго порошка, закатала его въ хлѣбный шарикъ, и, проходя мимо Полкановой будки, дала Полкану шарикъ. Почувствовавъ на своей рукѣ влажное и горячее прикосновеніе Полканова языка, Елена поспѣшно пошла изъ воротъ усадьбы. Долго гуляла она въ паркѣ, почти одна,—настоящій дачникъ, гуляющій и ухаживающій, въ этотъ часъ еще спитъ.

Вернулась домой, заглянула къ Полкану,—Полканъ хоть бы что. И завтра, и послѣ-завтра Елена ходила къ нему навѣдываться,—здоровехонекъ.

Елена долго плакала отъ безсильной злости и отъ досады.

VI.

Наконецъ уже въ серединѣ лѣта Еленѣ удалось добыть то, что ей такъ долго мечталось.

На одной изъ сосѣднихъ дачъ одиноко житъ молодой, но уже унылый пессимистъ. Онъ былъ литераторъ, считалъ себя геніальнымъ и терзался тѣмъ, что люди не замѣчали его геніальности. Неудовлетворенное самолюбіе диктовало ему не очень складныя, но очень сердитыя критическія статьи. Разговаривая со знакомыми дамами, унылый литераторъ намекалъ недвусмысленно, что на-дняхъ лишитъ себя жизни.

— Я всегда имѣю наготовѣ ядъ,—говорилъ онъ.

Милыя, довѣрчивыя дамы ахали и умоляли его остаться въ живыхъ. Эти нѣжныя дамскія уговоры были главною прелестью жизни унылаго литератора.

Фамилія его была Пасходинъ, а въ мысляхъ Елениныхъ, онъ носилъ длинный титулъ «Тоска и скука». Долго Елена не обращала на него никакого вниманія. Но какъ-то разъ, встрѣтясь въ паркѣ, они разговорились.

Пасходинъ заговорилъ о самоубійствѣ. По жесткимъ интонаціямъ его голоса и по змѣиному блеску тяжело уставленныхъ глазъ Елена догадалась, что у Пасходина есть настоящій ядъ. Сладострастіе опасности почуяла она въ словахъ Пасходина. Тогда она преодолѣла свое отвращеніе къ унылому литератору и принялась спасать его.

Каждый день съ утра начиналась та же скучная канитель уговоровъ.

— Вы—такой молодой, такой талантливый. Жизнь ваша такъ нужна для общества и для искусства. Вы такъ красивы, такъ достойны любви. Наконецъ, я не хочу,—слышите ли? —не хочу, чтобы вы умирали. Умирать теперь, когда вся жизнь передъ вами,—что за безуміе! Отдайте мнѣ вашъ ядъ, я его выброшу.

Утромъ, днемъ, вечеромъ. Чтобы выслушивать всѣ эти очаровательные уговоры, Пасходинъ каждый день приходилъ къ Скрынинымъ завтракать или обѣдать, играть въ теннисъ или читать новый романъ.

Сохранить свою жизнь онъ кое-какъ согласился. Но отдать ядъ! Долго отпѣкивался Пасходинъ. Наконецъ, Елена осторожно сказала:

— Если вы потеряли вашъ ядъ, то я очень рада.

Пасходинъ вспыхнулъ. Она ему не вѣритъ! И на слѣдующій же день онъ принесъ ядъ. Видно было, что его захватило желаніе показать ядъ и позабавиться болѣе сильною степенью страха и сочувствія. Можетъ быть, онъ и не хотѣлъ отдавать ядъ. Да Елена почти вырвала флаконъ у него изъ рукъ и унесла къ себѣ въ спальню. Пасходинъ устремился за нею, но она передъ самымъ его носомъ за-

хлопнула дверь и задвинула задвижку. Когда черезъ нѣсколько минутъ она вышла къ Пасходину, у нея было веселое, оживленное лицо.

VII.

Вотъ, у Елены въ рукахъ ядъ. Опять такой же красивый флаконичикъ и такой же сахарно-бѣлый порошокъ. Можетъ быть, опять обманъ? Ну, что же, испытать не трудно.

На этотъ разъ быстрая судьба Полкана доказала дѣйствительность яда. Прислуга дивилась, кому понадобилось отравить Полкана. Нѣсколько ночей провели тревожныхъ, ожидая нашествія грабителей. Поторопились завести новаго сторожевого пса. О Полканѣ потужили, да и позабыли. Дольше всѣхъ память о Полканѣ горька была Еленѣ.

Бѣдный, невинный Полканъ, рабъ и другъ преданный и вѣрный, всю свою собачью душу влагавшій въ служеніе властямъ кормящимъ! О, противные люди! Вамъ нельзя вѣрить на слово, васъ надобно постоянно провѣрять.

VIII.

На другой же день Пасходинъ пришелъ къ Еленѣ и принялся клянчить. Уставя въ Елену тяжелый взглядъ («Точно Грушницкій»,—подумала Елена). Пасходинъ заговорилъ патетическимъ тономъ:

— Елена Алексѣевна, отдайте мнѣ мой ядъ! Я не хотѣлъ отдавать вамъ мой ядъ. Вы воспользовались минутою моей слабости. и вырвали у меня изъ рукъ мой ядъ. Это недостойно интеллигентной женщины. Если бы вы были мужчиною, я бы сказалъ вамъ, что вы поступили нечестно. Отдайте мнѣ мой ядъ! Я не могу жить безъ моего яда.

Елена сначала слушала молча, потомъ засмѣялась, посмотрѣла на Пасходина прищуренными глазами, и сказала:

— Неужели вы будете глотать эту мерзость?

Пасходинъ пожалъ широкими, тупыми плечами, точно отъ холода поежился, и молвилъ томнымъ голосомъ, противно похожимъ въ эту минуту на голосъ Скрынина.

— Отдайте мнѣ мой ядъ!

— Что это вы все однѣ и тѣ же слова повторяете!—сказала Елена.—И что вамъ ядъ? Вѣдь это же ужасно неэстетично—глотать какой-то порошокъ, точно соль или сахаръ. Я думала, что это дѣлается какъ-нибудь красивѣе. Порошокъ прилипнетъ къ губамъ, къ языку,—противно.

— Я не буду глотать мой ядъ,—отвѣчалъ Пасходинъ,—у него противный вкусъ. Я растворю его въ какомъ-нибудь винѣ, въ мадерѣ или въ токайскомъ,—лѣчебное токайское, шесть рублей за бутылку,—и выпью чашу яда. Отдайте мнѣ мой ядъ!

— Я не могу этого сдѣлать, — сухо сказала Елена,—я выбросила вашъ ядъ.

Пасходинъ поблѣднѣлъ.

— Куда? куда вы его бросили?—съ боязливою тоскою спрашивалъ онъ.

— Въ рѣку, — сказала Елена. — Ходила гулять, и выбросила.

И она засмѣялась громко и неудержимо, забавляясь испугомъ Пасходина.

— Что вы сдѣлали!—воскликнулъ онъ.—Вы отравили всю воду. Теперь мы всѣ умремъ.

Съ того дня цѣлую недѣлю Пасходинъ пилъ только минеральную воду и ничего не ѣлъ, кромѣ привезенной изъ города разной сухомятки.

Зато Елена теперь узнала, какъ слѣдуетъ употреблять ядъ. Надобно растворить его въ винѣ. И надобно сдѣлать это такъ, чтобы ей самой не пришлось пить этого вина, и чтобы никто другой, кромѣ Скрынина, его не выпилъ. И вотъ оказалось, что это не такъ-то легко устроить.

Дома Скрынинъ пилъ мало вина; пилъ то же вино, что и Елена. Пилъ иногда передъ обѣдомъ немного водки, но не каждый день, а по настроенію, и больше при гостяхъ, такъ что водка могла попасть кому-нибудь другому. Притомъ же, если отравить цѣлый графинъ, зная наперед, что чужихъ въ тотъ день не будетъ, то потомъ трудно вылить

быстро оставшееся въ графинѣ, когда въ ядѣ уже не будетъ надобности и когда придется уничтожать улики. Если растворить ядъ въ небольшомъ количествѣ водки, на днѣ графина, то водка, пожалуй, помутнѣетъ и дастъ осадокъ.

Елена ждала случая. Сегодняшняя ссора съ мужемъ и внезапно вырвавшаяся у нея угроза, казалось ей, заставляютъ ее быть особенно осторожною.

IX.

Въ тотъ самый день, когда Елена утромъ ссорилась съ мужемъ, потомъ она, въ яростно-знойный часъ послѣполуденный сидѣла въ лѣсу на высокомъ, кустарниками поросшемъ, берегу быстрой рѣчки. Елена уже съ самаго начала лѣта облюбовала это мѣсто, верстахъ въ трехъ отъ дачи. Сюда никто изъ дачниковъ не ходилъ. Сюда и быстроногіе мальчишки, деревенскіе и дачные, почти никогда не забредали,—мѣсто было далекое и ни для кого не приманное, даже для маленькихъ босоногихъ шалуновъ, которые, впрочемъ, только кажутся быстрыми и подвижными, а на самомъ дѣлѣ точно вросли въ родную землю невидимыми корешками.

Скоро стало милымъ для Елены это мѣсто, эта очарованно-дикая чаща. Такъ милымъ стало, что иногда Елена думала:

«Должно быть, это не спроста. Навѣрное, здѣсь случится со мною что-нибудь значительное. Счастливое? доброе? —не знаю. Вѣрнѣе, не доброе и не злое,—что-нибудь стихійное и настоящее, болѣе подлинное, чѣмъ вся моя всегдашняя жизнь».

Часто уйдетъ сюда Елена, и сидитъ часа два, три, мечтая невинно и страстно по-дѣвически и опять ощущая въ себѣ непорочную, таинственно-жесткую душу дѣвочки.

Рѣка мчитъ пѣнистыя волны, плеща ихъ о прибрежные камни. Прохлада поднимается отъ рѣки, болтливой, но все же тихой. А въ лѣсу сладкій духъ и легкій, и вѣчная дре-

мота жизни безъ сознанія. Надъ рѣкою воздухъ прозраченъ и струистъ, въ лѣсу мглисто и нѣжно-зелено. И все во всемъ такъ очаровательно невинно.

Успокоеніе легкое и забвенное, разымчивый хмѣль покоя,—вотъ чѣмъ сладостно было это мѣсто для Елены. Но сегодня Елена и здѣсь не почувствовала обычнаго лѣснаго успокоенія. Чары лѣсныя сегодня стали необычайно тревожны. Внятная злость щемила Еленино сердце,—та странная степень злобы, которая похожа на голодъ.

Охвативъ колѣни руками, Елена сидѣла на мшистомъ берегу, покачиваясь взадъ и впередъ. Глаза ея были темны. Она смотрѣла на деревья за рѣкой и, не видя ни одного изъ нихъ, шептала злымъ голосомъ:

— Отравлю! Отравлю!

Странное дѣло,—злоба обыкновенно искажаетъ человѣческія лица, и даже красивое лицо дѣлаетъ безобразнымъ, отвратительнымъ. Елена же, и злая, была очень красива въ этотъ день, хотя особенною красотою никогда не отличалась. Все, и дикій блескъ ея темно-синихъ, почти черныхъ глазъ, и яркій румянецъ смугло-загорѣлыхъ щекъ, и ея рѣзко-заломленныя, стройныя, голыя руки, и красивый покрой одежды немного небрежной, все въ Еленѣ восхитило бы всякаго, кто бы ее здѣсь увидѣлъ. Восхитило бы даже самаго закоснѣлаго хулигана.

Въ этотъ несчастный день какъ разъ нашелся хулиганъ полюбоваться одичалою красотою Елены.

X.

Какой-то чуждый природѣ звукъ вывелъ Елену изъ ея задумчивости. Въ то же время она почувствовала на себѣ чей-то противно-клейкій взглядъ. Елена вздрогнула и обернулась.

Недалеко отъ нея, выдвинувшись изъ-за куста, стоялъ молодой человѣкъ въ грязной и изорванной одеждѣ, самъ очень грязный, до черноты загорѣлый и почему-то очень

веселый. Елена не успѣла испугаться, и съ любопытствомъ всматривалась въ молодого оборванца. Даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ отмѣтила для себя, что ничего страшнаго нѣтъ. Очень красивый парень, гораздо красивѣе всѣхъ тѣхъ городскихъ молодыхъ людей, съ которыми была знакома Елена: у тѣхъ ея знакомыхъ были или вялые мускулы, или тупыя лица. А съ этого хоть статую лѣпить,—дневного, ликующаго бога. На губахъ его зажглась улыбка, солнечно-радостная, и, казалось, что отъ нея должно пахнуть розами. За улыбкою сверкали звѣрино-бѣлые зубы.

Елена подумала:

«Вотъ бы его одѣть какъ слѣдуетъ, и съ нимъ поиграть въ теннисъ».

Еленѣ стало весело.

Парень подошелъ къ ней медленно, улыбаясь такъ же все широко,—совсѣмъ близко подошелъ, и остановился у ея ногъ, топча рѣдкій мохъ громадными, темными, какъ первозданная земля, ступнями. И не розами отъ него запахло,—потомъ и лукомъ. Но и это не было Еленѣ противно.

Елена, улыбаясь, спросила оборванца:

— Что тебѣ надо? Что ты тутъ стоишь?

Парень захохоталъ, поискалъ слова.

— Шельма! Сахарная!—сказалъ онъ, наконецъ.

Елена нахмурилась, строго посмотрѣла на него, сказала:

— Да не для тебя.

— Захочу, и для меня будешь, тварь бѣло-сахарная,—отвѣчалъ оборванецъ.

Онъ задышалъ часто и порывисто. Елена вскочила на ноги, и въ ту же минуту оборванецъ накинулся на нее, лѣвою рукою обхватилъ спину, а правою толкалъ въ плечо, стараясь повалить ее. Елена отбивалась и кричала что-то. Оборванецъ, хрипя и дыша тяжело, говорилъ ей:

—Кричи, кричи,стерьва, никто не услышитъ.

И вдругъ закричалъ жалобно и тонко:

— Да не кочевряжься, размилашечка! Развѣ я тебѣ не человѣкъ? Ай ты не баба?

Сквозь страхъ и остервенѣніе борьбы, смѣхъ протиснулся въ Еленину душу, и съ нимъ дикая, звѣриная радость торжествующаго тѣла. Елена вдругъ почувствовала сладкое, томительное безволіе. Она опустила руки, упала на мохъ, отдалась на волю безумнаго случая, точно въ рѣку головою впередъ бросилась.

Красивое, звѣрино-знойное лицо склонилось надъ Еленою. Глаза ея отразились въ черной бездонности чужихъ, близкихъ глазъ. Рѣзкій запахъ дурманящимъ облакомъ обвилъ ее. Въ сладостной, жуткой истомѣ Елена схватила голыми руками грязную, жесткую шею молодого босяка.

— Милый, милый!—шептала она.

XI.

Когда страсть погасла въ немъ и въ ней, они сидѣли рядомъ на землѣ, и разговаривали. Какъ-будто были близки другъ другу. Елена жаловалась на постылаго мужа, босякъ на то, что отъ деревни отбился, а въ городѣ работы найти не можетъ. Елена говорила нѣжно-звенящимъ голосомъ, называла босяка множествомъ, нѣжныхъ именъ и ласково гладила его по жесткимъ взъерошеннымъ волосамъ,—а онъ говорилъ хриплымъ сильнымъ голосомъ, пересыпалъ свои слова непристойною бранью и называлъ Елену странными кличками, то размилашка, то стерьва; только эти двѣ клички и употреблялъ. Такъ какъ слово стерьва, онъ выговаривалъ съ мягкимъ знакомъ послѣ р, то оно, очевидно, казалось ему очень любезнымъ и совершенно пригоднымъ для выраженія нѣжныхъ чувствъ.

Елена сказала:

— Мнѣ пора итти домой. Но я не хочу такъ съ тобой разстаться. Я для тебя что-нибудь сдѣлаю, помогу тебѣ пристроиться. Ты приди сюда завтра въ это же время. Я принесу тебѣ денегъ, и вообще подумаю, что можно для тебя устроить.

Парень усмѣхнулся широко. Спросилъ:

— А ты не врешь? Не обманываешь?

— Зачѣмъ же мнѣ тебя обманывать!—возразила Елена.

— Зубы заговариваешь, чтобы я тебя отпустилъ,—объяснилъ парень. — Боишься, что придушу. Одеженку оберу, продамъ пропью.

Елена засмѣялась.

— Не пугай.—сказала она,—я тебя не боюсь, ничуть. Ты —не звѣрь, и душить меня тебѣ не за что. Одеженки на мнѣ не много, самъ видѣлъ, и продать ее тебѣ негдѣ, сразу попадешься.

— Чего не продать!—сказалъ парень.—Продать всегда можно.

— А водки я тебѣ сама завтра принесу, — продолжала Елена.—Ты мнѣ нравишься. Ты—молодой, красивый. Я непремѣнно хочу вывести тебя въ люди. Непремѣнно приходи сюда завтра.

Парень развалился на травѣ.

— Ладно, ужъ приду,—важно сказалъ онъ.—Только ты смотри, стерьва, не вздумай сюда людей привести. Меня не спапаешь, я хитеръ, а сама получишь ножомъ въ брюхо.

Елена опять засмѣялась.

— Ужъ больно ты грозенъ!—сказала она.

— Вотъ и грозенъ!—куражась, говорилъ парень.—Нашему брату съ бабой валандаться нечего, придушилъ, да и дѣло съ концомъ. Ну что, отпустить, аль душить?

— Отпусти, миленькій,—сказала Елена, цѣлуя парня.

— Проси милости, стерьва!—закричалъ босякъ.—Въ ноги кланяйся!

Елена покорно и неторопливо поклонилась въ ноги босяку, и повторила:

— Отпусти, миленькій. И на одеженку не зарься, грошъ тебѣ за нее дадутъ, я завтра принесу гораздо больше.

Босякъ заставилъ Елену еще нѣсколько разъ кланяться ему въ ноги, далъ ей цѣловать свою грубую грязную руку, —Елена все это дѣлала покорно, и это ощущеніе рабской покорности нравилось ей.

Наконецъ босякъ сказалъ:

— Ну ладно, такъ и быть, помилую. Иди, а завтра водки принеси побольше. Не придешь, на днѣ моря найду.

Елена еще разъ, уже по своей волѣ, поклонилась въ ноги босяку и сказала:

— Спасибо, миленькій, что отпустилъ, на одеженку мою не позарился. Такъ завтра не забудь притти.

Потомъ поцѣловала его въ губы, и пошла отъ него прочь. Отойдя нѣсколько шаговъ, остановилась, обернулась и крикнула:

— Миленькій хорошій бы изъ тебя старецъ вышелъ.

Засмѣялась и побѣжала. Парень хохоталъ и выкрикивалъ грубыя слова.

XII.

Вечеромъ, сквозь тюлевыя занавѣски Елениной спальни процѣживался желтовато-розовый свѣтъ. Въ озареніи этого успокоеннаго свѣта, напоминающаго о томъ, что въ этотъ часъ уже «ангелы-хранители бесѣдуютъ съ дѣтьми», Елена всыпала Пасходинскій ядъ въ бутылку съ принесенною ею водкою. Елена смотрѣла, какъ медленно таяли въ синевато-прозрачной жидкости тонкіе кристаллики яда. Легкій загаръ ея лица казался нѣжнымъ въ лучахъ успокоеннаго свѣта. На лицѣ ея лежала такая задумчивая, кроткая заботливость, точно это была нѣжная мать, приготовляющая вкусный напитокъ для любимаго ребенка.

Елена вспомнила, какъ босякъ въ лѣсу называлъ ее стервою. Она улыбалась, точно вспоминала изысканно-свѣтскій комплиментъ молодого дипломата. И думала она:

«Ну, развѣ же я и въ самомъ дѣлѣ не стерва? На каторгу бы меня! Или на эшафотъ, подъ ножъ гильотины,— отрубили бы мнѣ голову, чтобы вся моя кровь хлынула на землю! Да не узнаютъ люди, ничего не узнаютъ».

Когда истаялъ послѣдній кристалликъ яда, Елену вдругъ потянуло выпить этотъ отравленный напитокъ. Она подне-

сла горлышко бутылки къ губамъ, и стала медленно приподнимать ея дно. Но едва только слащавая, жгучая жидкость смочила Еленины губы, Еленѣ стало противно и страшно. Она поставила бутылку на столъ, и стала прислушиваться къ своимъ ощущеніямъ.

Горло ея сжималось, ноздри трепетали отъ противнаго запаха, ноги дрожали. Если бы не стулъ близко, Елена упала бы на полъ.

Она сидѣла, прижимаясь къ спинкѣ стула, смотрѣла прямо передъ собою напуганными глазами и думала, что уже отравилась, и что сейчасъ умретъ.

Но это непріятное ощущеніе судороги въ горлѣ скоро прошло. Только еще сердце долго продолжало биться быстро и неровно.

XIII.

На другой день послѣ завтрака Елена собралась на свою обычную уединенную прогулку. Она повязала голову краснымъ шелковымъ платочкомъ и, поглядѣвшись въ зеркало, нашла, что это къ ней очень идетъ. И точно, въ платочкѣ она была чрезвычайно мила. Въ руки Елена взяла плетеную корзинку съ дужкою и съ прикрѣпленною веревочками крышкою. Въ этой корзинѣ еще съ вечера были припрятаны Еленою жареная курица въ бумажкѣ, свертокъ съ пятькомъ маленькихъ свѣжепросольныхъ огурцовъ и бутылка отравленной водки. Еще разъ кинувъ на себя взглядъ въ зеркало, Елена улыбнулась своему отраженію и отправилась въ лѣсъ.

Скрынина въ тотъ день съ утра не было дома, — все дѣла, и все неотложныя! А Пасходинъ въ послѣднее время не приходилъ ни къ завтраку, ни къ обѣду: Елена перестала уговаривать его не убивать себя, и уже онъ сталъ думать, что у нея дурной характеръ и холодная душа. Никто не мѣшалъ сегодня Еленѣ. И по дорогѣ не встрѣтился ей ни-

кто надоѣдливый и привязчивый, кто бы могъ вздумать провожать ее. Впрочемъ, по той дорогѣ, которою ходила въ лѣсъ Елена, дачники не прогуливались.

Такой же былъ опять ясный день, какъ и вчера. И душа Елены была спокойна. Ни о мужѣ, ни о босякѣ Елена почти совсѣмъ не вспоминала. Почему-то вставали въ ея памяти картины изъ милаго дѣтства.

Когда Елена подходила къ своему любимому мѣсту въ лѣсу, какое-то невнятное движеніе въ кустахъ заставило ее чутко насторожиться. Чувствовалось, что кто-то тамъ таится, ждетъ, подстерегаетъ. Но страхъ, охватившій Елену, былъ только мгновеннымъ. Она догадалась, что это—ея вчерашній другъ, что онъ самъ боится ея предательства, и что никого другого здѣсь нѣтъ.

Елена крикнула громко и весело:

— Ау, миленькій, гдѣ ты? Выходи, я одна.

Нѣсколько минутъ продолжалось осторожное молчаніе. Наконецъ, убѣдившись, что Елена никого съ собою не привела, босякъ вышелъ изъ-за кустовъ. Такой же веселый, какъ вчера. Онъ хохоталъ и хрипло говорилъ, безпрестанно ввертывая скверныя словечки:

— Притрепалась, стерьва. Не надула, размилашечка. Ишь ты! Ай меня полюбила, стерьва? Ну и баба!

— Какъ не полюбить, миленькій! — весело говорила Елена.—Вотъ, и сама притрепалась, и водочки тебѣ принесла, и курицу.

Босякъ захохоталъ отъ удовольствія, выкрикнулъ нѣсколько чрезвычайно крѣпкихъ словъ, и такъ сильно шлепнулъ со всего размаху ладонью Елену по спинѣ, что она ахнула и упала.

— Эхъ, ты, размилашка, отъ пинка валишься! — крикнулъ босякъ, нагибаясь къ Еленѣ.

Она не ушиблась,—оперлась локтями въ мягкую землю. Корзина выпала изъ ея рукъ, но ничто изъ корзинки не вывалилось,—крышка ходила туго.

Оборванецъ повернулъ Елену за плечи лицомъ вверхъ, и облапилъ ее. И опять, счастливая насиліемъ, Елена затрепетала въ объятіяхъ молодого оборванца.

XIV.

Оборванецъ отошелъ, и стоялъ въ сторонѣ, искоса поглядывая на Елену. Она сѣла, и дрожащими пальцами поправляла прическу.

— Ну, гдѣ жъ водка?—сипло спросилъ босякъ.—Принесла, такъ подавай.

— Сейчасъ дамъ,—сказала Елена.—Вотъ, возьми.

Открыла корзинку, достала бутылку, протянула ее босяку. Тотъ радостно пошелъ было къ Еленѣ, но вдругъ остановился, нахмурился, рѣшился покуражиться. Лицо его приняло надменное выраженіе, и онъ закричалъ визгливо и сипло:

— Стерьва, порядка не понимаешь! Въ ноги кланяйся, проси умильно: государь мой, удалъ добрый молодецъ, прими винцо казенное отъ рабы твоей, изволь, сударь, выкушать на доброе здоровьице.

Елена встала, улыбаясь, и сказала:

— Миленькій, какъ же я кланяться стану, коли у меня бутылка въ рукахъ? Ты бы бутылку сперва взялъ.

— Давай,—съ дѣловитымъ видомъ сказалъ босякъ.—Ну, кланяйся.

Елена поклонилась ему въ ноги, проговорила, стоя на колѣняхъ, подсказанныя ей слова, еще разъ поклонилась и, не поднимаясь съ колѣнъ, смотрѣла на босяка. Онъ проворно и ловко вытащилъ грязными пальцами пробку изъ бутылки. Нюхнулъ, и опять блаженная улыбка засіяла на его губахъ, и лицо его стало дѣтски ласковымъ. Онъ говорилъ:

— Эхъ, хорошо! Догадалась, что принести, стерьва полоротая! Уважила. Ну, что на колѣнкахъ стоишь? Поклонялась, и будетъ. На, выпей.

Онъ поднесъ бутылку къ Елениным губамъ. Елена упала на землю, и захохотала. Она лежала на спинѣ, раскраснѣвшаяся, и смотрѣла не отрываясь на босяка.

— Ну, чего ржешь? — спросилъ онъ. — Что-то ты ужъ больно весела. Не колочена живешь, набалована, размилашка.

— Я не пью водки, глупый,—говорила Елена, вытирая на глазахъ слезинки, выступившія отъ смѣха.—На что мнѣ водка? Я и такъ живу веселая.

— Не пьешь? — недовѣрчиво сказалъ босякъ.—Ну и дура. Да ты хоть пригубь.

Елена вспомнила вчерашнія ощущенія. Сказала.

— Да я бы пригубила, коли велишь, только боюсь, голова болѣть будетъ.

Босякъ подумалъ, и рѣшилъ:

— Ну, не хочеть, и не надо. Кума пѣша, куму легче. Не пьешь, мнѣ больше останется. Чѣмъ закусить-то? Огурчика свѣже-просольнаго не захватила?

Елена сѣла, поправила воолсы. Потомъ достала со дна корзины свертокъ съ огурцами. Посмотрѣла на босяка. Его солнечная улыбка ужалила ее жалостью, мгновенною и острою. Она сказала негромко:

— И ты бы, милый, лучше не пилъ водки.

— Для чего не пить?—спросилъ босякъ.—На то она и водка, чтобъ ее пить. Водки не пить, такъ это что жъ и будетъ! Не жизнь, а купоросъ.

— Водка—ядъ,—усмѣхаясь, тихо говорила Елена.

Босякъ захохоталъ.

— Ну, отъ такого яда не окачуришься,—весело сказалъ онъ.—Только всѣ внутренности проспиртуешь, такъ что и смерть не возьметъ.

— А все-таки лучше не пей, — повторила Елена.—Сначала съѣшь чего-нибудь.

Елена вынула изъ корзины курицу, и принялась развертывать ее.

— Вотъ дура баба!—крикнулъ босякъ.—Сама принесла, да сама,—не пей. Стерьва!

— Вотъ съѣшь курицы,—говорила Елена.

Парень поднесъ бутылку къ губамъ, запрокинулъ голову, и жадными глотками отпилъ сразу почти половину бутылки.

— Ухъ, славно обожгло!—пробормоталъ онъ.—Крѣпкая водка, правильная!

Елена глянула снизу на его лицо. Оно быстро наливалось кровью. Глаза расширились очень. Выраженіе блаженнаго удивленія на его лицѣ быстро переходило въ гримасу недоумѣнія и злобы. И уже не солнечная улыбка,—страшная судорога перекашивала губы.

Елена опустила глаза. Достала изъ корзины салфетку, ножи, вилки. Удивилась, замѣтивъ, что пальцы ея дрожатъ.

Босякъ рѣзко вскрикнулъ:

— Что? Дьяволъ!

Елена взглянула на него. Багрово-красное лицо, перекошенное болью и страхомъ, было свирѣпо и жалко, и нельзя было долго смотрѣть на него. Хватаясь за животъ и охая, парень сѣлъ на траву. Бормоталъ невнятно:

— Ты, стерьва, что за водку мнѣ дала? Гдѣ ты такую водку брала?

Елена отвѣчала напряженно-спокойнымъ голосомъ:

— Говорила тебѣ, не пей, сначала съѣшь чего-нибудь. На пустой желудокъ, да сразу полбутылки выпилъ. Конечно, и почувствовалъ себя нехорошо.

Парень покачивался въ ладъ ея словамъ. Вдругъ новая спазма боли рѣзко схватила его. Онъ закричалъ хрипло-ревущимъ голосомъ:

— Подсыпала, стерьва! — Говори чего ты мнѣ подсыпала.

Лицо оборванца покрывалося синеватою, мертвенною блѣдностью, рѣзко и подъ слоями грязи и загара. Капли пота, такія крупныя, какихъ Елена еще никогда не видала, липко выступали на его низкомъ подъ взмокшими плоскими

черными прядями волосъ лбу, и медленно ползли на взъерошенныя брови.

Быстро слабѣя, парень повалился животомъ на землю. Онъ весь судорожно сотрясался, то визгливо скулилъ, то невнятно бормоталъ нелѣпую ругань.

XV.

Елена прислонилась къ стволу березы, и замерла въ напряженномъ молчаніи. Пальцы отведенныхъ немного назадъ рукъ судорожно постукивали по корѣ дерева, у самой земли.

Вдругъ, подхваченный пароксизмомъ злобы и отчаянія, парень, какъ подброшенный быстрымъ толчкомъ снизу, взметнулся на ноги, и бросился на Елену, визгливо крича:

— Стерва, отравила!.. Задушу!..

Голосъ его звучалъ мертво и пусто, какъ бы не изъ груди выходя, а рождаясь на губахъ. Елена вскочила, схватила вилку, коротко и рѣзко вскрикнула:

— Не подходи!

И бросилась бѣжать, дѣлая быстрые, неожиданные повороты между деревьями. Она думала:

«Если догонитъ, — всажу вилку въ горло или въ животъ. Не догонитъ. А и догонитъ, не хватитъ у него силъ задушить».

Страха въ ея душѣ не было,—только почти спортивное желаніе уйти отъ преслѣдующаго, выиграть и въ этой игрѣ. Ея сердце ускоряло свои біенія нисколько не сильнѣе, чѣмъ на теннисъ-гроунтѣ въ короткой, но энергичной погонѣ за трудно и коварно брошеннымъ мячомъ, летящимъ стремительно и низко.

Но этотъ живой, грузный мячъ не долетѣлъ до подставленной для него острогой стальной ракетки. Парень запутался въ широкихъ вѣтвяхъ шаршавой ели, ослабѣлъ, и тяжело свалился на землю. Онъ повернулся страшнымъ, зелено-чернымъ лицомъ кверху, и лежалъ, то судорожно вскидываясь, то падая. Казалось, что его руки и ноги двигаются отдѣльно отъ туловища, несогласованно съ нимъ.

XVI.

Елена подошла къ нему, остановилась у ногъ, и съ дикимъ любопытствомъ смотрѣла на его корчи. Лицо его принимало все болѣе грязно-зеленый цвѣтъ. Глаза стеклянѣли. Рѣзкія судороги сотрясали все тѣло, и движенія его были похожи на движенія картоннаго паяца, котораго подергиваетъ за веревочку каждый мимо-идущій на веселомъ маскарадѣ.

— Стерьва! Мерси, размилашка! Собакѣ собачья... Потрафила, стерьва! Одинъ конецъ. Шабашъ. Поцѣлуй, стерьва. Значитъ, я прощаю. Доволенъ. Поцѣлуй, простись.

Елена стала на колѣни, нагнулась, но вдругъ странная мысль заставила ее опять выпрямиться.

— Я стану цѣловать его, а онъ откуситъ мнѣ носъ.

Елена всмотрѣлась, — въ тусклыхъ, едва живыхъ глазахъ парня слабо мерцалъ отблескъ какой-то злой мысли.

Парень хрипѣлъ:

— Цѣлуй, стерьва. Травить умѣла, умѣй проститься.

Елена склонилась къ нему, пружинно сгибая въ локтяхъ упертыя въ землю руки и готовая каждую секунду отпрянуть. Она быстро поцѣловала парня въ губы, и въ тотъ же мигъ зубы его судорожно лязгнули. Укусить онъ не успѣлъ, — лицо Елены было уже далеко. Онъ забился руками, ногами, задергался всѣмъ тѣломъ. Только хриплый, прерывающій ревъ вылеталъ изъ его горла. Глаза смотрѣли, мертвые, уже не видя.

Елена пугливо проводила руками по лицу, — нѣтъ ли крови. Думала, что, можетъ быть, онъ успѣлъ укусить ее, и только въ первый моментъ она не чувствуетъ боли. Но крови не было, и боль не приходила. Елена успокоилась. Подумала:

— Сейчасъ это кончится.

Она сѣла поодаль, бокомъ къ умирающему, охватила колѣна руками, смотрѣла на деревья за рѣкою, прислушивалась, ждала. Изрѣдка бросала короткій взглядъ въ ту сторону, гдѣ лежалъ онъ.

XVII.

Минуты шли за минутами, но это не кончалось. Парень корчился въ судорогахъ, хрипѣлъ, вращалъ мертвыми глазами, и уже лицо его приняло цвѣтъ [illegible] почти до черноты, но все еще зеленыхъ листьевъ,—но все еще былъ живъ.

Елена тоскливо оглядѣлась кругомъ. Лѣсъ былъ тихъ, какъ всегда. Только слышался веселый, гулко-звучный плескъ воды на камняхъ въ быстрой рѣчкѣ. Даже вѣтеръ не разводилъ широкаго гула въ далекихъ лѣсныхъ вершинахъ отъ опушки.

На версту кругомъ нигдѣ не было живой души,—но какъ пришелъ этотъ, чтобы погибнуть, такъ могъ притти и другой, чтобы погибла Елена. Елена подумала, что пора кончать? Но какъ? Она быстро взвѣсила нѣсколько возможностей и остановилась на одной. И тотчасъ же начала дѣйствовать.

Елена подошла къ лежащей на землѣ корзинѣ. Рядомъ съ корзиною на землѣ валялась еще не развернутая салфетка. Елена подняла салфетку, расправила ее, подошла къ парню. Разсчитала точно всѣ свои движенія. Потомъ Елена быстро опустилась колѣнями на грудь умирающаго, накинула салфетку на его лицо, надавила ее пальцами обѣихъ рукъ на его ротъ и ноздри, и налегла всею тяжестью тѣла на свои умертвляющія руки.

Когда Елена почувствовала, что подъ руками ея только трупъ, голова ея закружилась. Елена тяжело свалилась на землю рядомъ съ трупомъ. Въ полузабытьи пролежала она съ полчаса, и ея нѣжная, слегка загорѣлая рука, лежала на

грязныхъ лохмотьяхъ, и кончикъ ея легкой, красивой ноги прикасался къ черной, громадной ступнѣ умерщвленнаго.

Сквозь полуопущенныя рѣсницы увидѣла она, какъ изъ-за деревьевъ на берегу вышелъ Пасходинъ. Сердце ея замерло отъ ужаса. Бѣжать! Но руки и ноги не двигались, тѣло не повиновалось бѣшенымъ усиліямъ ея воли. Таиться, —можетъ быть, не увидитъ.

Но въ эту минуту глаза Пасходина устремились на Елену, и съ обычнымъ тупымъ упорствомъ приковались къ ней. Не спуская съ нея тяжелаго взора, онъ подошелъ къ ней, и сказалъ своимъ обычнымъ, деревяннымъ и въ то же время слащавымъ голосомъ:

— Еще разъ обращаюсь къ вамъ, Елена Алексѣевна, какъ къ интеллигентной женщинѣ.

Елена съ ужасомъ подумала, что сейчасъ Пасходинъ увидитъ трупъ, и что онъ уже видитъ ея слишкомъ высоко открытыя ноги. Она попыталась повернуться въ сторону отъ трупа, чтобы встать и увести его подальше. Но какъ она ни напрягала всѣ свои силы, она не могла сдѣлать ни малѣйшаго движенія,—словно кто-то злой и проказливый перерѣзалъ проводъ отъ ея воли къ ея нервамъ.

А Пасходинъ упрямо повторялъ:

— Отдайте мнѣ мой ядъ!

«Кошмаръ!»—подумала Елена.

И отъ мысли ей вдругъ стало радостно. Но все-же проснуться, проснуться!

Безсильна была скованная воля, безсильно лежало оцѣпенѣлое тѣло.

И вотъ Пасходинъ отвелъ свои глаза отъ нея и увидѣлъ трупъ. Онъ заговорилъ плачущимъ голосомъ:

— Этому мальчику вы отдали мой ядъ! Зачѣмъ вы отдали этому мальчику мой ядъ?

Странно хныкая, онъ повернулся и сталъ уходить. Елена подумала:

«Скажетъ людямъ».

И страхъ снова охватилъ ее. Внезапно выйдя изъ своего

тягостнаго оцѣпенѣнія, она вскочила, оглядѣлась вокругъ, —гдѣ же Пасходинъ? Но никого ни гдѣ вблизи не было, не слышно было ничьихъ шаговъ. Елена съ облегченіемъ вздохнула,—кошмаръ, только кошмаръ! И кто же, какъ не Пасходинъ съ его тяжелымъ, тупымъ взглядомъ, способенъ быть явленіемъ кошмара?

XVII.

Однако, надобно прибрать. Елена схватила бѣло-мерцавшую на темныхъ мхахъ бутылку,—водка почти вся вытекла, впиталась въ землю. Елена швырнула бутылку въ рѣку. Легкій всплескъ донесся. Все остальное быстро посовала въ корзинку,—салфетку дома сжечь, курицу, огурцы гдѣ-нибудь въ лѣсу забросить въ дикія заплетенія кустарниковъ.

Потомъ забота самая тяжелая, — убрать трупъ. Елена потащила его къ рѣкѣ, волокомъ по землѣ. Очень тяжело было, трупъ словно прилипалъ къ землѣ, и даже на склонѣ берега цѣплялся за кусты, за корни. И противно было смотрѣть близко въ лицо трупа, волоча его подъ мышки. А за ноги тащить было еще труднѣе.

Нѣсколько разъ Елена садилась на землю отдохнуть и плакала отъ усталости и отъ страха. Ей казалось, что больше часа прошло, пока ея ноги не ступили на мокрый песокъ береговой, смѣшанный съ вязкою глиною.

Еще одно отчаянное усиліе,—и голова трупа окунулась затылкомъ въ воду. Тогда Елена проворно раздѣлась, вошла во воду, и потащила за собою трупъ. Ногамъ было жестко отъ прибрежныхъ камней, остро и больно вдавливавшихся въ кожу,—но зато трупъ все легчалъ. Вотъ уже онъ покатился по камнямъ, поворачиваясь съ боку на бокъ, —вотъ повлекся быстрымъ теченіемъ по рѣчному дну,— вотъ скрылся изъ глазъ. Елена одѣлась, поднялась наверхъ, захватила корзинку и пошла домой.

XVIII.

Вечеромъ за ужиномъ Елена смотрѣла на Скрынина влюбленными глазами. Все въ немъ казалось ей чрезвычайно изысканнымъ, элегантнымъ. Самая томность и вялость его имѣли для нея теперь очаровательную прелесть.

Ночью Елена пришла къ мужу, какъ уже давно не приходила. Она была съ нимъ такъ нѣжна и обнимала его съ такою страстностью, какъ это бывало только въ первые дни ихъ увѣнчанной любви.

И потому Скрынинъ нисколько не удивился, когда узналъ въ свое время, что Елена беременна. Въ свое время съ гордостью отца онъ взялъ на руки новорожденнаго, который потомъ росъ красивымъ, сильнымъ и веселымъ мальчикомъ.

Дитя, которое никогда не узнаетъ о своемъ безъименномъ отцѣ.

САМЫЙ СИЛЬНЫЙ.

Всѣ съ раздраженіемъ и нетерпѣніемъ говорили о только что возвращающемся домой изъ дѣловой поѣздки въ Америку Алексѣѣ Павловичѣ Ровинѣ. Это былъ молодой, красивый человѣкъ, владѣлецъ большого торгово-промышленнаго предпріятія. Въ этомъ богатомъ приморскомъ городѣ онъ вращался въ лучшемъ обществѣ, и мамаши взрослыхъ барышень мечтали о немъ, какъ о завидномъ женихѣ. А теперь, когда Ровинъ, спасшійся съ тонувшаго въ океанѣ парохода, вернулся живъ и невредимъ, всѣ въ городѣ вдругъ стали презирать его за его возмутительный поступокъ.

Маленькое общество, собравшееся въ ясный день ранней осени въ красивой гостиной Елены Моисеевны Климентовичъ, все еще молодой жены популярнаго мѣстнаго адвоката, было настроено такъ же враждебно къ Ровину.

Докторъ Полонскій, черноволй кумиръ этихъ дамъ и усердный въ послѣднее время поклонникъ Елены Моисеевны, говорилъ, дѣлая плавные жесты:

— Мнѣ всегда онъ былъ какъ-то подозрителенъ. И вотъ, оказывается, предчувствіе меня не обманывало. Вѣдь именно въ трагическихъ случаяхъ, передъ лицомъ смерти, познается истинная природа человѣка.

— Но что онъ, собственно, сдѣлалъ ужаснаго? — спросилъ сѣдоусый инженеръ Макаренко.—Спасалъ свою жизнь? Что же тутъ подлаго? Можетъ быть, многіе изъ насъ на его мѣстѣ поступили бы не лучше.

Но всѣ напали на стараго Макаренко.

— Какъ что сдѣлалъ? — кипятилась Мери Дугинская, очаровательная дама, младшая сестра хозяйки.—Пользуясь своею силою, онъ отталкивалъ женщинъ и дѣтей, и одинъ изъ первыхъ бросился въ спасательную лодку! И вы хотите его оправдывать! Дѣти и женщины многія погибли, а онъ спасся. Это ужасно!

И всѣ, кромѣ Макаренко и одной дѣвушки, почтенные господа и милыя дамы, согласнымъ, хотя и нестройнымъ хоромъ дюжины голосовъ, восклицали:

— Возмутительно!

— Низко!

— Омерзительно!

Докторъ Полонный авторитетно сказалъ:

— Никто послѣ этого не подастъ ему руки!

И всѣ согласились съ нимъ,—всѣ, кромѣ Макаренко.

Хитро улыбаясь, Макаренко крутилъ сѣдые длинные усы, и насмѣшливо посматривалъ на разгорячившихся собесѣдниковъ. И еще молчала красавица Катя, молодая дѣвушка, хозяйкина дочь. Она стояла у широкаго окна, не принимала участія въ разговорѣ, и смотрѣла на пламенноцвѣтущіе розовые кусты въ саду и на мѣрно вскипающія за садомъ и за пляжомъ широкія морскія волны.

Макаренко спросилъ ее:

— А вы, что скажете, Катерина Львовна?

И, подмигнувъ хозяйкѣ, сказалъ вполголоса:

— Какъ время то идетъ! Выросла дѣвочка, ужъ и неловко называть ее Катею.

Хозяйка, не отвѣчая, стала смотрѣть на дочь, и на лицѣ ея было такъ много любезности,—къ гостю,—и ласки,—къ дочери,—словно она усиленно старалась скрыть, что слова Макаренко ей не понравились.

Катя медленно отвернулась отъ окна, и сказала неторопливо, глубокимъ и звучнымъ голосомъ:

— Я думаю, Ронинъ и самъ понимаетъ свое положеніе, и врядъ ли станетъ показываться въ нашемъ обществѣ. Ему лучше уѣхать отсюда.

— Не будетъ показываться, вы думаете?—спросилъ Макаренко.—Ну, а если кто-нибудь его пригласитъ?

Катя молча пожала плечами и опять отвернулась къ окну. Ея молчаливость никого не удивила: она пользовалась репутаціею дѣвицы спокойной и неболтливой. Но зато многіе подумали, что обращеніе Макаренко къ Катѣ очень безтактно: всѣмъ было извѣстно, что Ронинъ ухаживалъ за Катею, и что въ этомъ домѣ онъ былъ хорошо принятъ. И потому поспѣшно заговорили о другомъ.

Прошло нѣсколько минутъ, и уже забыли о Ронинѣ. И вдругъ впечатлѣніе разорвавшейся бомбы произвели тихія слова появившагося въ дверяхъ лакея:

— Алексѣй Павловичъ Ронинъ.

Катя вздрогнула, и совсѣмъ близко приникла къ окну. Докторъ Полонный проворчалъ:

— Ну и наглецъ!

Дамы и мужчины переглядывались и пожимали плечами. Елена Моисеевна поблѣднѣла, и не знала, что сказать. Ея мужъ, великолѣпно выхоленный и вскормленный человѣкъ, безпокойно задвигался въ своемъ креслѣ. Прошло полминуты неловкаго молчанія, и вдругъ Климентовичъ, какъ-будто сообразивъ что-то, торопливо и смущенно сказалъ лакею:

— Просить.

Всѣ посмотрѣли на него съ удивленіемъ. Даже Катя на мигъ показала гостямъ раскраснѣвшееся лицо быстро глянула на отца, и усмѣхнулась не то насмѣшливо, не то смущенно.

Когда лакей скрылся за синею портьерою, Елена Моисеевна воскликнула:

— Левъ Марковичъ, зачѣмъ ты велѣлъ его принять! Никто здѣсь не хочетъ быть съ нимъ вмѣстѣ.

—Ну, и мы это ему покажемъ,—все такъ же смущенно говорилъ Климентовичъ.

Его великолѣпная, рослая фигура словно уменьшалась и сжималась, и онъ смотрѣлъ куда-то мимо людей, словно произнося рѣчь во враждебно-настроенномъ собраніи.

Макаренко говорилъ, хитро посмѣиваясь:

— Нельзя не принять, ужъ разъ, что сами приглашали.

Елена Моисеевна воскликнула съ дѣланнымъ ужасомъ:

— Левъ Марковичъ, что я слышу? Неужели это правда?

— Душа моя,—оправдывался Климентовичъ,—я встрѣтился съ нимъ въ паркѣ, совершенно неожиданно. Онъ самъ ко мнѣ подошелъ, и я такъ растерялся отъ неожиданности...

— Ну довольно, онъ идетъ,—сказала Елена Моисеевна.

Всѣ настороженно замолчали. Было жуткое ожиданіе скандала, и подъ притворно равнодушными лицами гостей закипало злорадство.

Катя еще разъ глянула на гостей, и тихонько разсмѣялась, заглушая смѣхъ приложеннымъ къ губамъ платкомъ.

Въ гостиную вошелъ Алексѣй Ронинъ, молодой, красивый человѣкъ, съ тою свободою и легкостью движеній, которыми отличаются преданные спорту люди. Быстро глянувъ рѣшительными, упоенно-наглыми глазами на всѣхъ собравшихся здѣсь, онъ неторопливо подошелъ къ Еленѣ Моисеевнѣ, поцѣловалъ ея руку, и заговорилъ спокойно и увѣренно, какъ-будто ничего особеннаго въ его жизни не произошло,—заговорилъ тѣ легкія и простыя фразы, которыя не сочиняются заранѣе, приходятъ въ голову сами собою, и такъ же легко потомъ забываются, оставляя за собою впечатлѣніе пріятной бесѣды.

Съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ тою же увѣренностью обратился онъ потомъ и къ другимъ. Какъ бы слѣдуя примѣру хозяйки, всѣ отвѣчали на его привѣтъ съ обычною свѣтскою любезностью.

Ронинъ подошелъ къ Катѣ. Она холодно поклонилась

ему, едва на мигъ оторвавшись отъ созерцанія широкаго морского простора.

— Любуетесь моремъ?—тихо спросилъ Ронинъ.

Гости, разговаривая между собою, исподтишка наблюдали за ними.

Катя молчала. Ронинъ говорилъ:

— Я понимаю, почему вамъ нравится смотрѣть на эти волны. Волны лучше людей.

Катя вопросительно глянула на него.

— Онѣ равнодушны, — продолжалъ Ронинъ,—имъ все равно, но они никогда не измѣняютъ своему закону, своей волѣ, и не могутъ измѣнить. Ихъ непреклонность такъ прекраснѣе людской неискренности.

Катя засмѣялась. Смѣхъ ея звучалъ хрупко и нервно. И вдругъ стало замѣтно, что она очень взволнована.

Преодолѣвая волненіе, задерживая дыханіе въ поднявшейся груди, Катя сказала:

— Что жъ, скажите вотъ этимъ людямъ, что вы думаете о нихъ и о волнахъ. Это имъ будетъ интересно.

— Слушаю,—сказалъ Ронинъ, наклоняя голову.

Онъ обернулся къ Еленѣ Моисеевнѣ. Замѣтивъ, что онъ хочетъ говорить, всѣ замолчали, и у всѣхъ въ глазахъ было жадное и нетерпѣливое любопытство.

Ронинъ сказалъ громко:

— Екатерина Львовна выразила желаніе, чтобы я разсказалъ о томъ, какъ мнѣ удалось спастись при этомъ ужасномъ кораблекрушеніи. Когда-нибудь я это исполню подробно и точно. А теперь ужасы этой ночи такъ еще живы въ моей душѣ, что я не могу разсказывать связно.

Докторъ Полонный угрюмо проворчалъ что-то. Ронинъ повернулся къ нему, и казалось, что его нагло-спокойный взоръ закупорилъ во рту очаровательнаго доктора всѣ тѣ слова, которыя онъ собирался сказать. Ронинъ продолжалъ, гипнотизируя доктора прозрачно-ясными, словно пустыми глазами:

— Я хорошо знаю, что многіе меня осуждаютъ. Но ска-

жу одно,—я увидѣлъ въ эти страшные часы такія картины людского озвѣрѣнія...

Катя перебила его:

— Героизма, хотите вы сказать!—пылко воскликнула она.

Ронинъ на мгновеніе потупилъ глаза. Было жуткое молчаніе, и почти слышно стало, какъ расклеиваются уста освобожденнаго отъ тягости упорнаго взора доктора. Но не успѣли расклеиться. Ронинъ тихо заговорилъ:

— Героизма! Да, если хотите, были и трогательные примѣры героизма. Герои погибали, спасая слабыхъ и робкихъ. Да, что было, если вы хотите это знать. И вотъ потому, что были погибающіе герои и спасающаяся дрянь, никому ни на что на свѣтѣ не нужная, вотъ потому я почувствовалъ такое презрѣніе къ этимъ спасающимся, что рѣшилъ...

— Не быть героемъ?—прервала его вопросомъ Катя.

Ея щеки багряно пылали. Ронинъ усмѣхнулся, быстро глянулъ на нее упоенно-наглыми глазами, и рѣшительно сказалъ:

— Да, не быть героемъ.

И у него былъ такой видъ, словно онъ принялъ вызовъ на бой и увѣренъ въ побѣдѣ.

Катя обвела глазами всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ. Сквозь застилавшій ея глаза багровый туманъ она видѣла знакомыя лица,—и всѣ они теперь смотрѣли на Ронина съ внезапнымъ сочувствіемъ. Смотрѣли почти угодливо. Въ поднявшемся смутномъ гулѣ голосовъ, звучавшихъ льстиво, не послышалось ни одного негодующаго крика.

Катя различала отдѣльныя фразы:

— Помилуйте, передъ нимъ вся жизнь...

— Молодой, богатый...

— Погибать изъ-за чего?..

Самъ докторъ Полонный потерялъ свою самоувѣренность, забылъ свою угрюмость, и его, наконецъ, расклеив-

шіяся губы сложились въ липкую, благожелательную улыбку.

Тихо, тихо, вся дрожа отъ злости, сказала Катя, — такъ тихо, что только Ронинъ могъ ее слышать:

— Вы знаете, что сдѣлали выборъ между героизмомъ и подлостью.

И въ эту минуту она любила себя, потому что голосъ ея не дрожалъ, глаза были гнѣвны и темны, и она знала, что она прекрасна, какъ лицо воплощенной въ красоту совѣсти.

Но не смутился Ронинъ. Такъ же тихо, какъ она, отвѣчалъ онъ ей:

— Я—смѣлый человѣкъ. Я сдѣлалъ выборъ, который дастъ мнѣ долгую и счастливую жизнь. И никто не посмѣетъ повторить мнѣ то, что вы сказали.

Катя быстро отвернулась отъ него, вышла на террасу, сошла въ садъ. За нею звучали оживленные голоса.

Катя знала,—Ронинъ сумѣетъ побѣдить общество, которое вздумало было его презирать. Покоритъ не тѣми глупыми и подлыми словами, которыя сумѣетъ придумать и сумѣетъ сказать, а просто тѣмъ, что онъ богатъ, молодъ и самоувѣренъ до наглости.

Но чего же стоятъ эти люди, и какъ съ ними жить?

Катя, томимая горькими мыслями, долго ходила по песочнымъ аллейкамъ. Уже она не чувствовала себя побѣдительницею. Упоенно-дерзкій взглядъ Ронина словно еще тяготѣлъ на ея рѣсницахъ, застя отъ нея шарлаховыя, пунцовыя и карминныя очарованія розъ.

Прошло съ полчаса. Заслышавъ за рѣшеткою сада скрипъ колесъ по песку тихой Липовой улицы, Катя поднялась по четыремъ ступенькамъ въ бесѣдку у рѣшетки. Изъ этой бесѣдки видна была улица. Вывернувшись изъ-за угла отъ подъѣзда, пара великолѣпныхъ вороныхъ плавно несла коляску. Въ колескѣ сидѣлъ Ронинъ.

Вдругъ мысль о томъ, что онъ можетъ уѣхать, и никогда не вернуться, пронизала Катино сердце. Не думая, что дѣлаетъ, Катя крикнула:

— Остановитесь!

Ронинъ улыбнулся почти нѣжно, приподнялъ шляпу, и что-то сказалъ кучеру. Коляска остановилась. Ронинъ вышелъ изъ нея, и подошелъ къ забору. Катя сказала:

— Войдите въ садъ. Вотъ здѣсь, направо, калитка.

Ронинъ крикнулъ кучеру:

— Поѣзжай домой,—я пройдусь.

И вошелъ въ садъ. Катя ждала его, стоя у калитки. Брови ея хмурились, но на лицѣ ея не было прежняго рѣшительнаго и враждебнаго выраженія.

— Ну, что, какъ тамъ обошлось? — спросила она дѣловитымъ тономъ.

— Очень мило,—отвѣчалъ Ронинъ, улыбаясь слегка насмѣшливо, — меня такъ ласкали и утѣшали, какъ-будто бы я спасъ цѣлую сотню утопавшихъ.

— А вы спасли только одного,—неопредѣленнымъ тономъ сказала Катя.

— Да, но зато этотъ спасенный былъ я самъ,—сказалъ Ронинъ.

— И вы это очень цѣните?—спросила Катя.

— Да,—сказалъ Ронинъ,—какъ же мнѣ не цѣнить этого! Вѣдь жизнь выше всего, не правда-ли, Катя? Мы должны любить жизнь, не правда-ли, Катя? Любить жизнь, цѣнить ея блага, стремиться къ счастью, не правда-ли, Катя?

— Достойную жизнь,—сказала Катя, — только достойную жизнь надо любить.

— О, Катя! — воскликнулъ Ронинъ, — простите, что я васъ такъ называю, но вы знаете, что я васъ люблю.

Катя приложила руки къ своимъ пылающимъ щекамъ.

— Называйте меня, какъ хотите,—сказала она,—я достаточно молода для того, чтобы и чужіе люди иногда забывали, что я уже не дѣвочка.

Чуть-чуть усмѣхнувшись на слово «чужіе», Ронинъ продолжалъ:

— Вы говорите, Катя,—достойная жизнь! Съ дѣтскимъ идеализмомъ вы мечтаете о жизни, полной подвиговъ.

— А развѣ нѣтъ такой жизни?—спросила Катя.—Развѣ мы не слышимъ о подвигахъ?

Ронинъ пожалъ плечами.

— Конечно,—сказалъ онъ,—но что же дѣлать, если не каждый способенъ быть героемъ! Да и никто необязанъ быть героемъ. Мы живемъ, какъ умѣемъ, беремъ жизнь, какъ она есть, а не какъ она должна быть. Если нѣтъ намъ достойной жизни, развѣ и эта жизнь, такая, какъ есть, не хороша? Солнце грѣетъ всѣхъ одинаково, и прекраснѣйшія розы благоухаютъ не для того, кто ихъ достоинъ, а для того, кто можетъ ихъ купить.

— Не надо, не надо такъ говорить!—воскликнула Катя.

— Почему не надо?—спросилъ Ронинъ.

— Развѣ эти слова не обжигаютъ вамъ губы?—отвѣтила Катя вопросомъ, и пристально посмотрѣла на Ронина.

— Послушайте, Катя — тономъ ласковаго убѣжденія заговорилъ Ронинъ,—вотъ, я спасъ свою жизнь, сумѣлъ спасти,—Катя, какъ вы думаете, если бы вы были со мною, сумѣлъ ли бы я спасти и васъ?

Катя засмѣялась, и промолчала.

Ронинъ говорилъ нѣжно и страстно, и глаза его потемнѣли и приняли повелительное выраженіе:

— Катя, любите меня, любите. Катя, хотите раздѣлить мою сульбу, мою жизнь, все, что я имѣю?

Катя постояла съ минуту молча, съ опущенными глазами. Потомъ сказала:

— Я люблю васъ, вы это знаете, и потому мнѣ было такъ больно въ эти дни. Я думала, что никогда больше васъ не увижу. Можетъ быть, такъ было бы лучше. Но вотъ, мы встрѣтились. Люди не отвернулись отъ васъ.

— Какъ же бы они посмѣли отвернуться!—воскликнулъ Ронинъ. — Развѣ они сами — герои? Гдѣ же ихъ самоотверженные поступки? Это все—сытые люди, Катя. Они любятъ жизнь они «къ ея минутнымъ благамъ прикованы привычкой и средой».

— Да, — сказала Катя,—вы — самый сильный изъ тѣхъ.

кого я знаю. Я люблю васъ опять. Если вы не боитесь, что къ моей любви будетъ примѣшиваться и другое чувство, хорошо, я буду вашею женою.

— Я знаю, о какомъ чувствѣ вы говорите,—сказалъ Ронинъ,—но, милая Катя, мы всѣ болѣе или менѣе презираемъ себя и другихъ, презираемъ потому, что вся наша жизнь слагается изъ ряда поступковъ ничтожныхъ и порою нехорошихъ. И по улицѣ не пройдешь безъ того, чтобы одежда не запылилась а ужъ душа наша, что о ней и говорить!

Онъ смотрѣлъ на Катю нагло-веселыми глазами, любуясь тѣмъ, какъ нѣжно румянятся ея щеки. Потомъ вдругъ онъ привлекъ ее къ себѣ, и поцѣловалъ прямо въ губы.

Катя не сопротивлялась. Она знала, что это не опасно для ея платья и для ея прически. И точно, Ронинъ тотчасъ же отпустилъ Катю, распрощался съ нею корректно, и ушелъ.

Катя опять поднялась въ бесѣдку, и долго смотрѣла, какъ онъ неторопливо шелъ по улицѣ, спокойный и элегантный. Потомъ она вернулась въ гостиную. Тамъ было теперь только трое,—отецъ, мать и Мери Дугинская.

Катя, отодвинувъ синюю портьеру, остановилась въ дверяхъ, и спокойно сказала:

— Папа, мама, тетя Мери, Ронинъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, я дала согласіе.

Всѣ радостно засмѣялись. Мери Дугинская воскликнула:

— Но послушайте, какъ она спокойно говоритъ это! Точно ее пригласили на туръ вальса!

— Она у насъ невозмутимая,—сказалъ отецъ, опять по прежнему великолѣпный и веселый.

Всѣ были рады. Папа, мама, тетя Мери цѣловали и поздравляли Катю. Катя казалась невозмутимо-счастливою.

А вечеромъ, оставшись одна, Катя долго плакала. Она думала, что любитъ Ронина, но и презираетъ его. Какъ же ей всю жизнь прожить съ этимъ человѣкомъ?

Не лучше ли убить себя?

У Кати былъ маленькій, очень красивый револьверъ,

всегда заряженный,—ея самый большой секретъ отъ родителей. Въ эту ночь Катя не разъ вынимала хорошенькую стальную игрушку. Она даже прикладывала холодное дуло то къ виску, то къ тому нешироком мѣсту на груди, подъ которымъ тогда усиленно начинало колотиться испуганное сердце.

Прикосновеніе холодной стали къ горячему тѣлу каждый разъ было тупое и жесткое. Каждый разъ Катѣ было страшно сдѣлать то маленькое движеніе пальцами, которое вызоветъ смертельный выстрѣлъ.

Когда подъ утро, подойдя къ окну, Катя увидѣла розоватый налетъ зари на вскипающей пѣнѣ волнъ, она почувствовала всѣмъ своимъ ослабѣвшимъ отъ безсонницы тѣломъ, что не умретъ, и не откажется отъ счастія съ Рониным. То слабое презрѣніе къ самой себѣ, которое почувствовала Катя, потонуло въ остромъ и радостномъ чувствѣ любви къ своей жизни и къ ея благополучію и довольству.

«Расталкивая тѣхъ, кто послабѣе, тамъ, въ ужасную ночь, онъ выбился къ жизни. Ну, что же,—думала Катя,—вотъ, люди перестанутъ его осуждать. Люди думаютъ, что ихъ жизнь—борьба за существованіе. Сильные побѣждаютъ, будетъ и онъ всегда побѣдителемъ».

Засыпая, Катя упрямо думала:

«Ну и пусть, пусть буду презирать и его, и себя,—и все-таки буду счастлива».

Катя осталась жить,—не для того, чтобы жить достойною и прекрасною жизнью, сливая свою волю и свою жизнь съ волею и съ жизнью множествъ, а только для того, чтобы выйти замужъ за богатаго, молодого, краснваго, любимаго ею человѣка, и вмѣстѣ съ нимъ наслаждаться радостями себялюбиваго существованія, наслаждаться всѣмъ, что можно купить за деньги.

Грубая, жестокая жизнь еще разъ торжествовала свою побѣду надъ очаровательною мечтою о высокомъ подвигѣ.

КРУТИЛЬДА И СЕМЬ ДРУГИХЪ.

Въ это ясное апрѣльское утро Стаканъ Ивановичъ проснулся, какъ всегда, подъ гудящее пѣніе жены своей Крутильды. Занавѣски уже были отдернуты, въ спальнѣ было свѣтло, и изъ открытой форточки вѣяло холодомъ, и слышенъ былъ шумъ голосовъ на дворѣ.

Низкимъ контральто, не то, чтобы пріятнымъ, но привычнымъ Стакану, Крутильда пѣла за его спиною,—онъ лежалъ у стѣны на правомъ боку, спиною къ Крутильдѣ. Давно знакомыя слова на привычный мотивъ слушалъ Стаканъ не безъ удовольствія. Крутильда пѣла:

Любви неодолима сила.
Противиться кто смѣетъ ей?
Она Стакана превратила
Въ прекраснѣйшаго изъ мужей.

Улыбка озаряла помятое сномъ и пятью десятками жизни, но все же счастливое лицо Стакана. Не поворачиваясь къ Крутильдѣ и даже пока еще не открывая глазъ, Стаканъ Ивановичъ запѣлъ отвѣтный куплетъ. Голосъ у него былъ рѣзкій теноркъ, Стаканъ часто фальшивилъ, высокія ноты бралъ тончайшимъ фальцетомъ,—но едва онъ запѣлъ все тѣ же, сотни разъ повторенныя слова, на смугломъ Крутильди-

номъ лицѣ показалась улыбка. Крутильда легла поудобнѣе, подложила подъ голову полныя, крѣпкія руки, смотрѣла въ розетку потолка почти немигающими, темно-сѣрыми, крупными глазами, и слушала. Стаканъ пѣлъ:

Любви непобѣдима сила.
Противиться не думай ей.
Она меня преобразила
Въ счастливѣйшаго изъ мужей.

И повернулся на спину, чтобы вмѣстѣ съ Крутильдою пропѣть,—она:

Стаканъ прекраснѣйшій изъ всѣхъ мужей.

А онъ:

Да, — я счастливѣйшій изъ всѣхъ мужей.

Послѣ краткой паузы запѣла опять Крутильда:

Любви непобѣдима сила,
Она капризнѣе всего,
Она служанку превратила
Въ царицу дома твоего.

И опять, отвѣчая ей, запѣлъ восторженно и громко теперь уже совсѣмъ проснувшійся Стаканъ:

Любви неодолима сила,
И прихотливѣе всего.
Она Крутильду превратила
Въ царицу сердца моего.

И потомъ опять запѣли вмѣстѣ,—она:

Да, я — царица дома твоего.

А онъ:

Да, ты — царица сердца моего.

Это пѣніе было какъ бы призывнымъ сигналомъ. Едва замолкли, замерев на высокихъ нотахъ, послѣдніе звуки любовнаго дуэта, какъ тотчасъ же въ дверь постучались.

— Войдите, — крикнула Крутильда голосомъ громкимъ и веселымъ.

Явилась горничная, молодая, веселая дѣвушка съ не-

обыкновенно-правильно-круглымъ лицомъ, румяная, чуть-чуть курносенькая, чуть-чуть веснушатая, по прозвищу Сыръ-Дарья.

Она сказала, остановясь у дверей:

— Стаканъ Иванычъ, Крутильда Малофѣевна, съ добрымъ утромъ. Сегодня третій день праздника.

— Знаю, знаю,—отвѣчала Крутильда.

Стаканъ, какъ всегда забывая значеніе этого дня, проворчалъ:

— Ну, такъ что жъ?

Сыръ-Дарья пояснила:

— Званы нонче къ обѣду семь другихъ. Какъ всегда, на третій день.

Крутильда весело улыбалась. Стаканъ нахмурился. Крутильдина затѣя—разъ въ годъ собирать семь другихъ—никогда ему не нравилась, хоть онъ и подчинялся этому безъ спора. Иногда онъ думалъ сердито:

«Хоть бы ихъ вѣтромъ какимъ сдунуло, хоть бы къ чорту въ пекло».

Но ни одна изъ семи другихъ не умирала, не уѣзжала въ другой городъ. Какое-то странное чувство заставляло ихъ каждый годъ принимать приглашеніе счастливой соперницы и пріѣзжать на ея пиръ.

Стаканъ Ивановичъ сказалъ сурово:

— Сыръ-Дарья, удались, сейчасъ я возстану отъ сна.

Сыръ-Дарья удалилась. Крутильда же, все еще лежа на спинѣ и глядя на розетку потолка, спросила, какъ всегда:

— А вотъ еще есть слово имманентный,—что значитъ?

Каждое утро Крутильда узнавала отъ Стакана значеніе еще одного ученаго слова.

Въ пять часовъ вечера семь другихъ собрались, но Стаканъ еще ихъ не видѣлъ. Онъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, строгомъ и чинномъ, какъ и подобаетъ быть каби-

нету солиднаго адвоката въ квартирѣ, за которую платится три тысячи въ годъ.

Стаканъ уже былъ во фракѣ, но ему не хотѣлось выходить къ этимъ милымъ гостьямъ, притворно-веселымъ, но въ душѣ опечаленнымъ. Когда-то, въ прежніе годы, каждой изъ нихъ по-очереди Крутильда открывала двери этой квартиры и потомъ никого не впускала, оберегая тайну нѣжнаго свиданія. И была тогда Крутильда молодою, стройною дѣвушкою въ бѣломъ передникѣ и въ бѣломъ чепчикѣ. А вотъ теперь она—хозяйка въ этомъ домѣ, и уже не она помогаетъ гостьямъ снимать ихъ верхнюю одежду, а другая, нехитрая Сыръ-Дарья, которая никогда не мечтала о томъ, чтобы сдѣлаться дамою, ѣздить на Ривьеру, и разговаривать съ американскими банкирами на англійскомъ языкѣ.

Лихорадочно-веселые голоса милыхъ гостій проникали за тяжелыя портьеры на дверяхъ Стаканова кабинета, —и эти голоса смущали и тревожили его. Гостиная была рядомъ съ кабинетомъ, и семь другихъ сидѣли тамъ.

Пріоткрылась дверь, Стаканъ глянулъ, среди складокъ колыхающейся портьеры стала блѣдная, очень красивая дама въ бѣломъ платьѣ. Въ ея рукѣ былъ букетъ бѣлыхъ розъ.

— Марія!—радостно сказалъ Стаканъ.

Онъ пошелъ къ ней на встрѣчу, и долго цѣловалъ ея руки.

— Я принесла вамъ цвѣты,—сказала она,—я знаю, вы любите бѣлыя розы.

— Я ихъ любилъ, когда вы меня любили, — отвѣчалъ Стаканъ.

— Я и теперь васъ люблю, милый,—сказала она,—хотя вы измѣнили мнѣ. Конечно, Крутильда очень красива.

— Вы гораздо красивѣе Крутильды!—воскликнулъ Стаканъ.—Вы—прекрасны, и я опять люблю васъ.

Марія засмѣялась невесело.

— Однако,—сказала она, — вы не скажите Крутильдѣ, чтобы она ушла, не позовете меня.

Стаканъ задумался. Онъ вспомнилъ сладкія минуты, проведенныя имъ съ Маріею. Ласковая и прекрасная, — но теперь ея красота казалось ему почему-то слишкомъ успокоенною, слишкомъ законченною. Когда онъ первый разъ пожелалъ близости съ Крутильдой? Она мыла полъ въ буфетной комнатѣ, гдѣ не было паркета, а онъ стоялъ и смотрѣлъ на ея слишкомъ высоко открытыя ноги, смотрѣлъ на игру сильныхъ мускуловъ подъ эластичною, порозовѣвшею отъ холода кожею. Она выпрямилась, поглядѣла на него улыбаясь, спросила:

— Вамъ вина? Сейчасъ подамъ.

Стаканъ уже забылъ, зачѣмъ пришелъ въ буфетную, и обрадовался Крутильдиной находчивости. Она подала ему вино, и грудь ея тяжко дышала, и улыбающееся лицо раскраснѣлось. Красива ли она была? Не очень, такъ себѣ, миволидная, но во всей Крутильдѣ не было тогда ни одного успокоеннаго мѣстечка, и вся она была живая и сильная, и нельзя было не захотѣть быть съ нею. Но онъ тогда ничего не сказалъ ей, взялъ вино, и ушелъ. А Крутильда черезъ минуту принесла ему стаканъ, хлѣбъ и сыръ,—все такъ же растрепанная, розовая, улыбчивая. Пришла, поставила на столъ передъ диваномъ подносъ, и ушла, оставивъ за собою незабываемое впечатлѣніе силы и воли.

Стаканъ задумался такъ глубоко, что и не замѣтилъ, какъ Марія ушла. Когда онъ поднялъ глаза, передъ нимъ стояла уже другая, Елена, веселая, милая дама. И она принесла цвѣты, и говорила весело и ласково, напоминая минувшія встрѣчи, когда было такъ весело, молодо и нѣжно.

И она была красивѣе и веселѣе Крутильды. Но опять вспомнилъ Стаканъ, какъ онъ стоялъ въ коридорѣ и слушалъ заразительно-веселый Крутильдинъ смѣхъ.

«Съ кѣмъ она?»—подумалъ онъ тогда.

Оказалось, что Крутильда одна, и хохочетъ заливается, читая маленькіе разсказы Чехова, — тѣ, въ которыхъ еще такъ много молодости и веселости.

И опять не замѣтилъ Стаканъ, какъ ушла Елена. И одна

за другою приходили въ его кабинетъ его прежнія возлюбленныя, всѣ семь перебывали, и каждая принесла ему подарочекъ: веселая Елена — алыя розы, умная Лариса — свою новую книгу о народныхъ домахъ, заботливая Наталья— электрическую грѣлку для краснаго вина, добрая Татьяна десять тысячъ папиросъ для того лазарета, гдѣ Стаканъ былъ попечителемъ, насмѣшливая Вѣра—попугая, который кричалъ:

— Стак-канъ, поцѣлуй Крут-тильду!

Элегантная Раиса принесла полсотни галстуковъ, одинъ необыкновеннѣе другого, и нѣкоторые изъ нихъ столь экстравагантные, что на нихъ и смотрѣть нельзя было безъ восторга.

Каждая что-нибудь подарила, сказала какое-нибудь ласковое слово, напомнила о миломъ, невозвратномъ прошломъ, каждая дала понять, что она лучше Крутильды,—и всѣ онѣ были и на самомъ дѣлѣ очень хороши, вполнѣ превосходны. Но каждое посѣщеніе милыхъ прелестницъ погружало Стакана опять въ воспоминанія о первыхъ Крутильдиныхъ очарованіяхъ. Не такая умная, какъ Лариса, но зато какая гибкость и воспріимчивость, какая жажда узнавать! Не такая заботливая какъ Наталья, и даже какъ-будто совсѣмъ легкомысленная,—но, однако, все во время и въ мѣру. Не такая добрая, какъ Татьяна,—но ужъ, если поможетъ кому, то основательно. Не такая насмѣшливая, какъ Вѣра, но ужъ, если скажетъ про кого словечко, то удачнѣе и смѣшнѣе никто не придумаетъ. Далеко не такая элегантная какъ Лариса,—гдѣ ужъ ей, дочери пьянаго сапожника! —но что ни надѣнетъ и какъ ни повернется, все къ лицу, и къ мѣсту, и ко времени.

И когда всѣ перебывали, еще нѣсколько минутъ сидѣлъ Стаканъ, вспоминалъ и улыбался.

Вошла принарядившаяся для гостей и праздника горничная Сыръ-Дарья сказать, что обѣдъ поданъ. Былъ забавенъ Стакану бѣлый чепчикъ надъ ея слишкомъ круглымъ лицомъ. И вслѣдъ за нею, не успѣлъ еще Стаканъ подняться

съ кресла, вошла Крутильда и онъ услышалъ ея низкій, какъ-будто бы слегка хриплый, голосъ:

— Хорошъ хозяинъ! Дамы два часа сидятъ въ гостиной, а онъ одинъ въ кабинетѣ. Да что я! Не одинъ,—то одна, то другая къ тебѣ шмыгали. Всѣ побывали? Цвѣты-то Сыръ-Дарья въ вазы поставила? Да ужъ вижу, хороши, хороши подарки. Потомъ покажешь, теперь итти пора.

И уже потому, что она такъ непрерывно говорила, и потому, какъ гудѣлъ напряженно ея голосъ, и потому, какъ напрягались мускулы на ея обнаженныхъ рукахъ, замѣтно было, что она вся дрожитъ и взволнована,—и тѣмъ взволнована, что вотъ онъ видѣлъ своихъ возлюбленныхъ, всѣхъ, кого она сама знала,—о другихъ она и не спрашивала,—поговорилъ съ каждою наединѣ, и сравнивалъ ее съ каждою,—и тѣмъ взволнована, что въ ней нѣтъ и никогда не будетъ увѣренности и успокоенности, а всегда чуткая настороженность хотящей и ожидающей женщины. Останется ли онъ съ нею, или увлечется опять одною изъ семи, или, взволнованный этимъ смотромъ прелестей, потянется къ иной любви и найдетъ другую, а ее броситъ,—она не знала, и не хотѣла знать, и вся она была тревога и желаніе.

И потому, ощущая всю силу этой взволнованности и тревоги, Стаканъ почувствовалъ, что онъ любитъ только Крутильду, и никакую другую женщину никогда не любилъ и не полюбитъ. Отъ сознанія неразрывности этой связи ему стало вдругъ и весело, и страшно.

За обѣдомъ, окруженный восемью нарядными, красивыми и веселыми женщинами, Стаканъ чувствовалъ себя очень хорошо.

«Крутильда — хитрая,—думалъ онъ,—сумѣла всѣхъ собрать, и всѣ къ ней пришли, и уже какъ-будто совсѣмъ забыли про тѣ полтинники и рубли, которые когда-то совали въ ея руку, когда она открывала передъ ними дверь на лѣстницу».

А какъ чувствовала себя Крутильда? Раскраснѣвшаяся очень, такая взволнованная, что казалось иногда подурнѣв-

шею и поглупѣвшею, она все время словно шла по самому краю бездны. Ей надо было опять и опять побѣдить всѣхъ этихъ красавицъ, и порой ей становилось страшно,—вѣдь каждая изъ нихъ чѣмъ-нибудь лучше ее. Но великое напряженіе воли и силы держало ее все время на высотѣ, и приступы страха все время смѣнялись радостною увѣренностью въ томъ, что въ сердцѣ человѣка побѣждаетъ ея вѣрная сила.

Подъ конецъ обѣда и Стаканъ почувствовалъ возрастающее волненіе. Предчувствіе хоровода, которымъ каждый годъ кончался этотъ вечеръ, было опять непріятно ему, и опять онъ думалъ:

«Напрасно Крутильда затѣяла это».

И опять, какъ всегда, ему казалось, что семь другихъ не встанутъ, не закружатся, только засмѣются.

Послѣ обѣда перешли въ гостиную. Разговоры затихали, всѣмъ стало какъ-то неловко и жутко. Упала минута молчанія, и вдругъ Крутильда запѣла:

Любви непобѣдима сила,
Любовь господствуетъ надъ всѣмъ.
Въ любви служанка побѣдила
Всѣхъ дамъ прекраснѣйшихъ, всѣхъ семь.

Дамы молчали, и сидѣли слегка поблѣднѣвшія. Крутильда обвела ихъ кругъ блестящими, настойчивыми глазами, встала и взяла за руки двухъ ближайшихъ справа и слѣва. Встали и онѣ. И одна по одной поднялись всѣ восемь, сцѣпясь руками,—и Стаканъ оказался въ серединѣ. И онѣ всѣ закружились и запѣли:

Любви преодолима сила,
Любви сопротивляться грѣхъ.
Мы всѣ прекрасны, — побѣдила,
Однако же, Крутильда всѣхъ.

Онѣ кружились все быстрѣе и быстрѣе, на Стакана вѣяло ароматами ихъ духовъ, складки ихъ одежды иногда задѣвали его, все ближе и ближе къ нему проносились онѣ,

голова его томно кружилась, сердце билось больно и сладко, и наконецъ онъ потерялъ сознаніе.

Какъ сквозь сонъ слышалъ онъ испуганные голоса дамъ.

— Ничего, ничего, сейчасъ это пройдетъ, — говорила Крутильда.

Съ трудомъ онъ приподнялся со своего кресла,—и уже все было, какъ въ туманѣ. Полусознательно говорилъ что-то, цѣловалъ чьи-то руки. Гостьи прощались и уходили, потомъ Крутильда куда-то его повела, чѣмъ-то его поила, послала за чѣмъ-то въ аптеку Сыръ-Дарью. Потомъ опять стало тихо и темно.

Когда Стаканъ совсѣмъ очнулся, онъ лежалъ на диванѣ въ кабинетѣ. Передъ нимъ стояла на колѣняхъ Крутильда, раздѣтая, въ одной рубашкѣ. Лицо ея было опять мило и румяно, и голыя руки ея тянулись къ нему, и грудь поднималась такъ напряженно, такъ страстно.

— Милая, милая!—шепталъ Стаканъ. — Желанная моя, родная, единственная, навсегда моя!

И привлекъ ее къ себѣ, и обнялъ порывисто и торопливо, словно еще не вѣря своему безмѣрному счастію, своей радости непомѣрной. Во-истину родная, та, которой всегда жаждала душа!

МЫШЕЛОВКА.

I.

Это—разсказъ о старомъ поэтѣ, который поставилъ въ своей комнатѣ мышеловку.

Старый, конечно, относительно. Въ Россіи люди рано переходятъ въ разрядъ старыхъ. Восемьдесятъ лѣтъ, возрастъ, когда нормальный человѣкъ, кушающій болгарскую простоквашу и отрѣзавшій себѣ половину кишекъ, чувствуетъ себя едва только вступившимъ въ полное обладаніе душевными и тѣлесными силами,—этотъ возрастъ у насъ уже кажется глубокою старостью, и мы говоримъ:

— Пора, пора старымъ косточкамъ на покой.

Моему поэту, Сергѣю Григорьевичу Ланину, далеко еще было до этого возраста, но уже въ волосахъ его виднѣлось не мало серебристыхъ нитей, и въ углахъ глазъ притаились мелкія морщинки.

Денегъ у Сергѣя Григорьевича всегда водилось мало, потому что мало кому нравились его скромные, томные, нѣжные стихи. Въ нихъ не было ни экзотическихъ мотивовъ, ни слишкомъ повседневныхъ, ни техническихъ терминовъ, вообще, ничего рѣзкаго, задѣвающаго вниманія. Это была поэзія интимная. Кому же она нужна! И мало кто покупалъ книжки стиховъ Сергѣя Ланина. Потому онъ былъ бѣденъ.

Но изъ тѣхъ небольшихъ денегъ, которыя у него были,

значительную часть онъ тратилъ на покупку книгъ. И вотъ, книгъ у него накопилось много. Такъ много, что его небольшая о трехъ крохотныхъ комнатахъ квартира въ седьмомъ этажѣ, на дворѣ громаднаго дома на одной изъ столичныхъ невидныхъ улицъ, была загромождена этими грузными конденсаторами пыли. Книги стояли и лежали въ шкапахъ, на открытыхъ полкахъ, на диванахъ, на стульяхъ и просто на полу. Многія были еще даже неразрѣзаны: купить книгу легче, чѣмъ прочесть ее.

Въ часы вечерняго досуга Сергѣй Григорьевичъ бралъ изъ кучи книгъ одну постарше, садился съ нею, читалъ и дремалъ. Иногда и засыпалъ надъ книгою, тутъ же, въ креслѣ. Надоѣдливый шорохъ осторожной мышки не безпокоилъ его,—крѣпокъ былъ золотой сонъ, навѣянный свѣтлыми грезами искусства.

Но вотъ однажды, разбирая на полу груду книгъ, увидѣлъ Сергѣй Григорьевичъ, что переплетъ одной изъ книгъ попорченъ,—подгрызенъ чьими-то острыми зубами. Сергѣй Григорьевичъ понюхалъ книгу,—и съ очаровательнымъ для книголюбца запахомъ стараго переплета, клея, слежавшихся листовъ смѣшался противный, стремительно-хитрый, тепловатый, подпольный запахъ грызуна.

Старый поэтъ опечалился.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ внимательно прислушиваться къ шорохамъ и мягкой топотнѣ мышьихъ ногъ. Заслышавъ приходъ непрошенныхъ гостей, онъ принимался стучать о полъ палкою,—нарочно для этого купилъ толстую, суковатую трость.

Сначала мыши пугались внезапнаго сердитаго стука, и разбѣгались. Потомъ привыкли. Неутомимая грызня ихъ день и ночь томила поэта. И уже сталъ думать поэтъ о томъ, что надобно бы ему перемѣнить квартиру.

Но думать объ этомъ непріятно и скучно было поэту. Онъ такъ привыкъ подходить вотъ именно къ этому окну и смотрѣть на закатѣ вотъ именно на эти сѣровато-розовыя въ мглистомъ туманѣ кровли.

II.

Вечеромъ, когда поэтъ только что зажжетъ лампу, иногда приходила къ нему Анночка Алѣева,—его поклонница, барышня, служившая въ какой-то технической конторѣ. Поэтъ любилъ ее за то, что она любила его стихи, и многіе знала на память. Поэтому ему радостно было смотрѣть на ея не очень красивое лицо, на ея слабо-розовѣющія щеки, худенькія, съ милыми ямочками, и на скромную прическу темнорусыхъ волосъ. Ему радостны были ея нечастыя посѣщенія, и для нея онъ покупалъ барзакъ и шафрановый ранетъ.

Съ каждымъ днемъ онъ любилъ ее все нѣжнѣе. О своей любви сказать ей онъ не рѣшался,—онъ старъ, она молода и, можетъ быть, любитъ другого или полюбитъ. Но ему было тоскливо думать, что когда-нибудь она перестанетъ ходить къ нему, потому что полюбитъ молодого. Досадливо думалъ, что это будетъ какой-нибудь пошлякъ, чиновникъ или конторщикъ.

Однажды вечеромъ Анночка спросила поэта:

— Что васъ безпокоитъ нынче, Сергѣй Григорьевичъ?

Поэтъ не удивился. Онъ уже зналъ, что Анночка—чуткій и внимательный человѣкъ. Онъ сказалъ:

— Анночка, ты угадала.

— Отчего же вы мнѣ не скажете?—съ нѣжнымъ упрекомъ сказала Аня.—Можетъ быть, я могла бы что-нибудь сдѣлать.

Поэтъ улыбнулся.

— Милая Анночка, — сказалъ онъ,—если бы ты была чародѣйною царицею, которой подвластны тѣ, кто живутъ съ нами! Если бы ты знала слова заклинаній!

Анночка уже давно привыкла къ способу выраженій Сергѣя Григорьевича. Этотъ наивный способъ говорить даже восхищалъ ее. Впрочемъ, и все, что было связано съ

поэтомъ, приводило ее въ восторгъ. Анночка, сама того не замѣчая, мало-по-малу влюбилась въ поэта.

Она легко поняла его и теперь. Прислушавшись къ легкому шороху въ углу за грудою книгъ, она сказала:

— Ну, вотъ, я знаю, что васъ безпокоитъ. Эти мыши, которыя тамъ скребутся? Да, правда?

— Правда, Анночка, — сказалъ поэтъ.—Ты—умная, и всегда угадываешь все сразу.

— Я принесу вамъ мышеловку,—сказала Анночка.—А теперь позвольте хоть немножко похозяйничать въ вашихъ книгахъ, привести ихъ въ порядокъ.

— Ну, это лишнее!

Сергѣй Григорьевичъ боялся, что Анночка куда-нибудь засунетъ нужныя ему теперь книги. Но онъ не умѣлъ спорить, Анночка принялась за уборку комнаты.

III.

На другой день мышеловка была принесена и поставлена въ углу за книгами. Поэтъ простодушно радовался и благодарилъ Аню. Онъ говорилъ:

— Одну за одною, мы ихъ всѣхъ переловимъ.

Въ этотъ вечеръ сидѣли долго поэтъ и Анночка. Онъ выпилъ весь барзакъ, она разсказала, — въ который разъ? —всю свою жизнь, и какъ ей скучно служить въ конторѣ, гдѣ каждый день одно и то же. И поплакала, а онъ утѣшалъ ее. Его глаза сіяли такою участливою ласкою, что для Анночки онъ вовсе не казался старымъ.

Прощаясь, Сергѣй Григорьевичъ нѣжно обнялъ Анночку, и поцѣловалъ въ щеку и въ губы, и Анночка задрожала, прижимаясь къ нему. Онъ погладилъ ее по мягкимъ, густымъ волосамъ, и въ тѣсной передней помогъ ей надѣть ея старенькое осеннее пальто. Заспанная Маша, заслышавъ голоса, вышла изъ кухни, и заперла дверь за Анночкою.

Поэтъ еще посидѣлъ, помечталъ. Прислушиваясь къ паденію осенняго дождя, онъ думалъ, что Анночка милая, и что было бы радостно, если бы она его полюбила. Онъ не зналъ, что Анночка уже давно любила его.

IV.

На другое утро Сергѣй Григорьевичъ проснулся поздно. Когда онъ пилъ чай, Маша радостно сказала ему:

— Ну ужъ и попалась крысища, — громадная! Какъ только въ мышеловку влѣзла.

— Что же вы съ нею сдѣлали, Маша?—спросилъ поэтъ.

— Извѣстно что,—кипяткомъ обварила, и на помойку выбросила.

Поэтъ вздрогнулъ. Какая жестокость! Онъ сказалъ досадливо:

— Что вы, Маша! Какъ это можно! Зачѣмъ же такъ мучить!

— Вотъ,—сказала Маша смѣясь,—чего ихъ жалѣть!

Веселая улыбка разлилась на ея веснущатомъ лицѣ, и она съ восторгомъ разсказывала:

— Визжала, какъ ребенокъ! Ей Богу! Вотъ то смѣху было! Я ее поливаю изъ крана, а она лапками умывается и визжитъ, визжитъ. Вся кожа пузырями пошла.

— Перестаньте, Маша!—сердито сказалъ Сергѣй Григорьевичъ.—Какъ вамъ не стыдно говорить такія гадости! И дѣлать!

Онъ всталъ изъ-за стола, не допивъ чаю, и быстро ушелъ въ кабинетъ. Онъ ходилъ по тѣсной комнатѣ быстрыми шагами изъ угла къ углу, и ему было тошно и страшно. Онъ старался не думать объ ошпаренной крысѣ, но воображеніе настойчиво ставило передъ нимъ все тотъ же образъ, создавая недосказанныя Машею подробности.

...Въ тускломъ полусвѣтѣ осенняго пасмурнаго утра въ кухнѣ Маша поставила самоваръ на плиту, краномъ къ себѣ,

на полъ ведро подставила подъ краномъ, чтобы въ него кипятокъ стекалъ, и поливаетъ кипяткомъ мышеловку, наклоняя ее такъ, чтобы мордочка пойманнаго звѣрька была кверху, и чтобы кипятокъ лился прямо въ эти маленькіе, блестящіе глаза...

Невольное содроганіе пробѣгало по всему тѣлу стараго поэта, точно его самого обливали кипяткомъ, и въ ушахъ настойчиво дребезжалъ призракъ крысьяго предсмертнаго визга.

Сергѣй Григорьевичъ метался по комнатѣ, натыкаясь на углы стола и шкапа, ушибаясь и почти не чувствуя ушибовъ. Эта тѣсная комната съ однимъ окномъ, за которымъ сѣрѣло тоскливое, безконечнымъ дождемъ плачущее небо, казалось ему большою мышеловкою, въ которую попался онъ, бѣдный поэтъ. Вотъ придетъ сейчасъ дебелая, грубая баба, ошпаритъ его кипящими струями, и измученный, изуродованный трупъ его выброситъ въ смрадную яму.

И чья же вина? Не онъ ли самъ—злой, безпощадный? Не онъ ли самъ захотѣлъ, чтобы умирало то, что жило не имъ и не отъ него? Не онъ ли самъ поставилъ эту мышеловку?

V.

Цѣлый день томился бѣдный поэтъ злыми, мучительными противными представленіями. Когда насталъ вечеръ, онъ нетерпѣливо ждалъ прихода Анночки.

«Но вѣдь она была вчера и третьяго дня, — наконецъ припомнилъ онъ,—сегодня, пожалуй, и не придетъ».

И отъ этой мысли ему стало страшно. Сходить за нею? Но еще разойдешься съ нею, она не станетъ ждать, уйдетъ. Послать Машу? Но съ Машею ему не хотѣлось говорить,— онъ сегодня ненавидѣлъ ее, и за весь день не сказалъ ей ни одного слова.

Наконецъ, когда уже стало поздно, и не въ мочь было ждать, Сергѣй Григорьевичъ вдругъ рѣшился. Торопливо

написалъ записку, и уже вложилъ ее въ конвертъ, какъ вдругъ въ передней звякнулъ звонокъ. Онъ бросился въ переднюю. Маша уже отворяла. Онъ нетерпѣливо спросилъ:

— Кто это?

— Это—я, Анночка.

У нея былъ веселый голосъ, и глаза вспыхнули радостью. Она опять у своего поэта! И, словно оправдываясь, заговорила:

— Вотъ какъ я зачастила. Это я пришла узнать, какъ мышеловка работаетъ.

Маша захохотала и принялась разсказывать. Сергѣй Григорьевичъ торопливо увелъ Анночку къ себѣ, и на лицѣ его было мученіе.

VI.

Опять сидѣли долго, и тосковали оба, и жаловались другъ другу, каждый на свою темную, одинокую долю. И говорилъ поэтъ:

— Милая Анночка, я весь день сегодня метался по этой комнатѣ, и думалъ, думалъ. Не то страшно, Анночка, что есть смерть, есть страданія, — но ужасно то, что мы погибаемъ, какъ въ мышеловкѣ, одиноко. О, безуміе одиночества! О, Сахара мансардъ!

Заплакала Анночка, стала на колѣни передъ своимъ поэтомъ, положила голову на его колѣни, и, плача горько, сказала:

— Милый, любимый, поэтъ, въ Сахарѣ есть оазисы, въ жизни есть любовь. Вы не знаете, вы не смотрите на меня, я для васъ—ничто, жалкая дѣвочка. Но я люблю, люблю васъ. Позвольте мнѣ быть съ вами, утѣшать васъ.

VII.

Маша подсматривала, улыбалась и думала:

«То плакали въ три ручья, то цѣловаться стали. И все изъ-за крысы поганой! Чудные!»

VIII.

Обрадованный поэтъ вдругъ вспомнилъ, что онъ не приготовилъ сегодня ничего для Анночки.

— Анночка, чѣмъ же я тебя угощу? Барзакъ мы выпили вчера, а сегодня я на улицу не выходилъ, съ Машей не разговарилъ...

— Изъ-за крысы? — спросила Анночка, блестя веселыми слезинками на заплаканныхъ и уже смѣющихся глазахъ.

— Ну, да. Да и забылъ.

— Ничего, ранеты еще остались,—дѣловымъ тономъ сказала Анночка.

СКАЗКА ГРОБОВЩИКОВОЙ ДОЧЕРИ.

Ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что молодой чиновникъ Леонтій Васильевичъ Ельницкій влюбился въ молодую мѣщанскую дѣвушку Зою Ильину. Она же была дѣвица образованная и благовоспитанная, кончила гимазію, знала англійскій языкъ, читала книги, и давала уроки. И, кромѣ того, была очаровательна. По крайней мѣрѣ, для Ельницкаго.

Онъ охотно посѣщалъ ее, и скоро привыкъ къ тому, что вначалѣ тягостно дѣйствовало на его нервы. Скоро онъ даже утѣшился соображеніемъ, что какъ никакъ, а все-же Гавріилъ Кирилловичъ Ильинъ, Зоинъ отецъ, былъ первымъ въ этомъ городѣ мастеромъ своего дѣла.

Гавріилъ Кирилловичъ говорилъ:

— Дѣло мое не какое-нибудь эфемерное. Это вамъ не поэзія съ географіей. Безъ моего товара ни одинъ человѣкъ не обойдется. И притомъ же дѣло мое совершенно—чистое. Гробъ не пахнетъ, и воздухъ отъ него въ квартирѣ крѣпкій и здоровый.

Зоя часто сидѣла въ складочной комнатѣ, гдѣ хранились заготовленные на всякій случай гробы. Одѣтая пестро и нарядно,—у отца много оставалось атласа, парчи и гла-

зета,—и даже со вскусомъ, Зоя часто звала туда и своего друга.

— Пойдемте въ складочную, Леонтій Васильевичъ,— говорила она,—тамъ тепло и сухо, и тамъ хочется говорить сказки. Тамъ каждая доска пахнетъ вымысломъ.

Они шли въ складочную. Тамъ Зоя разсказывала Леонтію Васильевичу вычитанныя изъ книгъ исторіи и сказки, очень сильно измѣняя и дополняя ихъ своими вымыслами. Ельницкій сначала неловко поеживался, и хмуро посматривалъ кругомъ, а потомъ принимался развивать передъ Зоею свои взгляды.

Порою Зоинъ отецъ приходилъ сюда, за дѣломъ или просто такъ, послушать ихъ разговоры. Если за дѣломъ, Зоя и Ельницкій уходили въ другія комнаты. Если просто такъ, они продолжали разговаривать, а онъ слушалъ, поглаживая сѣдые длинные усы и весело сверкая синими, какъ у дочери, все еще молодыми глазами. Кто всмотрится внимательно въ эти глаза, тому понятно станетъ, что они многое видѣли, и многое привыкли замѣчать.

Старикъ и самъ сказалъ однажды Ельницкому, когда они сидѣли всѣ трое въ складочной:

— Я все вижу, я все знаю. Конечно, мелкотою мнѣ, по моей популярности, заниматься не приходится, но что касается почтенныхъ жителей нашего города, я знаю срокъ каждому и размѣръ. Какъ только умеръ, у меня все готово. Конечно, для видимости прикинешь мѣрочку, но только, скажу съ интимною откровенностью, могъ бы и не безпокоить покойника. Только поставить приборъ по желанію родственниковъ.

Леонтій Васильевичъ недовѣрчиво усмѣхался, а старикъ продолжалъ:

— Видите, здѣсь сложены гробы разныхъ размѣровъ; длина, ширина, все къ кому-нибудь пригнано. Глазъ у меня наметанный, а мѣрка у меня живая.

Зоя слегка покраснѣла и улыбалась, а Леонтій Васильевичъ спросилъ:

— Какая мѣрка?

Старикъ объяснилъ охотно:

— Зою мою вожу, въ церковь, на гулянье, въ театръ. Станетъ рядомъ съ кѣмъ надо, а ужъ мнѣ и видно, какая разница въ ростѣ, въ ширинѣ. На одинъ сантиметръ не ошибусь. Конечно, людей въ городѣ много, есть и совпаденія въ размѣрахъ, и на иную домовину у меня по нѣсколько кандидатовъ. Списочки веду.

Леонтій Васильевичъ вспомнилъ, какъ на-дняхъ Зоя подошла и стала рядомъ съ нимъ, и старикъ смотрѣлъ на нихъ внимательно. Холодокъ пробѣжалъ по его спинѣ. Онъ укоризненно посмотрѣлъ на Зою. Она отвернулась, и легкимъ движеніемъ гибкой руки показала на одинъ изъ гробовъ.

— Вотъ мой размѣръ,—сказала она равнодушно.

— А вамъ не жутко?—спросилъ Ельницкій.

— Я вѣдь здѣсь выросла,—спокойно отвѣтила она.

Когда Ельницкій уходилъ въ тотъ вечеръ домой, ему казалось, что онъ никогда не перешагнетъ порога складочной. Но на другой же день Зоя опять повела его туда, и онъ послушно пошелъ за нею. Невеселыми глазами онъ окинулъ рядъ гробовъ, и спросилъ, стараясь говорить шутливо:

— Который же тутъ по моему размѣру?

И съ досадою услышалъ, какъ дрогнулъ его голосъ. Зоя спокойно улыбнулась, и сказала:

— Срокъ настанетъ еще не скоро.

Сказала такъ увѣренно, какъ-будто бы знала. И звукъ ея словъ внесъ удивительное успокоеніе въ душу молодого человѣка. А Зоя ласково погладила края своего гроба, и сказала:

— И въ этотъ ляжетъ кто-нибудь другой, не я. Мнѣ почти жаль,—я къ нему привыкла, и запомнила узоръ его досокъ.

Все отчетливѣе съ каждымъ днемъ понималъ Ельницкій, что любитъ Зою. Онъ былъ увѣренъ, что и она любитъ его. Ихъ встрѣчи были часты и радостны, ихъ разговоры—

довѣрчивы и ясны. Они иногда говорили другъ другу ты, почти не замѣчая этого. Но о любви своей еще молчали. Что-то удерживало Ельницкаго. А Зоя спокойно ждала, терпѣливая и увѣренная, точно и въ самомъ дѣлѣ знающая всѣ сроки.

Однажды Ельницкій спросилъ ее:

— Зоя, ты—мечтательница. Но въ этой мрачной обстановкѣ можно ли мечтать о любви?

Зоя посмотрѣла на него внимательно и нѣжно, и голосъ ея былъ сладокъ и звонокъ, когда она говорила:

— На могилахъ цвѣтутъ розы, надъ гробами возникаетъ любовь. Мать земля сырая любитъ насъ и тогда, когда мы цвѣтемъ, и тогда, когда мы отцвѣтаемъ. Она радуется и славитъ Бога каждый разъ, когда рождается человѣкъ.

Въ серединѣ декабря однажды Ельницкій пришелъ къ Зоѣ вечеромъ. Горѣли лампы, было тихо. Онъ прошелъ въ складочную. Зои было не видно. Онъ проходилъ мимо гробовъ, чтобы сѣсть у печки, погрѣться, подождать,—въ передней ему сказали, что Зоя дома. Взоръ его дотолѣ невнимательный, вдругъ остановился на одномъ гробу, стоявшемъ на скамейкѣ: тамъ онъ увидѣлъ Зою, вздрогнулъ и остановился.

Дѣвушка спала, лежа прямо на доскахъ; ея голова покоилась на сложенныхъ рукахъ; губы нѣжно улыбались, и дыханіе было безмятежно-ровное.

Ельницкій тихо позвалъ:

— Зоя!

Дѣвушка открыла глаза.

— А, это—ты,—сказала она, приподнимаясь.—Сегодня я очень устала. А если очень устанешь, то всего слаще отдыхать на голыхъ доскахъ.

— Выходи,—сказалъ онъ хмуро.

Взялъ ее за плечи, и потянулъ къ себѣ. Она легко и ловко спрыгнула на полъ.

— Я чуть не упала, — сказала она. — Ты такъ сильно меня потянулъ. Или вы всѣ такіе жестокіе?

— Жестокіе? Почему? — съ удивленіемъ спросилъ Ельницкій.

— У людей все такъ,—говорила Зоя,—во всемъ проявляется жестокость, только по-разному, посильнѣе, послабѣе. Ударъ кинжаломъ въ сердце или въ глазъ, укусъ, поцѣлуй,—разныя звенья одной цѣпи. Ты читалъ сегодня о томъ, что они сдѣлали съ сестрою милосердія?

— Что? Нѣтъ я не читалъ,—сказалъ Ельницкій.

Зоя взяла развернутый листъ газеты Рѣчь. Показала ему.

— Читай, вотъ здѣсь.

Онъ прочелъ. Крикнулъ, внезапно охваченный гнѣвомъ:

— Какіе мерзавцы!

Зоя говорила:

— Ты только представь себѣ весь ужасъ ея муки! Въ холодную ночь стоитъ нагая, привязанная къ дереву. На нее свѣтятъ фонарями, десятокъ молодыхъ, сильныхъ парней, хохочутъ и бросаютъ въ нее ножи. Потѣха длится долго, кровь течетъ по тѣлу, ножъ торчитъ въ ея глазу,— подумай, представь себѣ это! Теперь скажи мнѣ,—можетъ быть, это—неправда, или непровѣренный, преувеличенный слухъ? Тогда какъ смѣетъ газета печатать объ этомъ? Или это—правда? Тогда отчего весь міръ не содрогнется, не возстанетъ, не уничтожитъ злое племя?

— Такъ нельзя разсуждать, Зоя,—возразилъ Ельницкій, —это—злодѣи, преступники, которые могутъ быть въ каждой странѣ.

Зоя покачала головою.

— Если это можетъ быть въ каждой странѣ, если такъ надругаться надъ сестрою можетъ французъ и англичанинъ, такъ вѣдь это—такой ужасъ, отъ котораго можно съ ума сойти или проклясть все человѣчество. Я знаю, люди прочтутъ это такъ же, какъ они читаютъ о всякомъ преступленіи. Кое-кто немножко поволнуется. Но всѣмъ все равно.

Пока насъ не тронули, намъ все равно. Мы всѣ—жестокіе звѣри.

Ельницкій почувствовалъ, что мысли его разбѣгаются. такъ много можно было бы спорить противъ этихъ нелѣпыхъ и несправедливыхъ словъ, но ему не хотѣлось почему-то говорить.

Зоя посмотрѣла на него, и засмѣялась невесело.

— Вижу, ты несогласенъ со мною. Вотъ, слушай, я разскажу тебѣ сказку изъ этой книги. Читалъ эту книжку?

Ельницкій взялъ съ некрашеннаго березоваго столика у печки книгу въ бѣлой обложкѣ съ зелено-золотымъ рисункомъ, и прочелъ ея титулъ: «Тути—Намэ. Сказки попугая. Москва. Кн-ство К. Ф. Некрасова».

— Не читалъ.

Зоя, переиначивая, какъ всегда, прочитанную сказку, говорила неторопливымъ и ровнымъ голосомъ:

— Одинъ добрый и богатый купецъ въ Багдадѣ, по имени Халисъ, роздалъ все свое имущество дервишамъ, бѣднымъ и сиротамъ. У него не было дѣтей, куда беречь деньги! Но, видишь ли, когда дѣлаешь что-нибудь, то легко увлечься чрезмѣрно. Онъ все роздалъ, понимаешь, буквально все, такъ что у него остался только домъ съ голыми стѣнами, и нечего ѣсть, и не на что купить пищи. И онъ подумалъ: ну что жъ, домъ продамъ, деньги роздамъ, самъ какъ-нибудь проживу, — одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна. И уже онъ условился съ другимъ купцомъ, что тотъ завтра принесетъ деньги, а Халисъ передастъ ему домъ. Тотъ купецъ былъ жадный, онъ видѣлъ, что Халисъ торопится кончить это дѣло, онъ и воспользовался случаемъ неправо обогатиться, и предложилъ Халису гораздо меньше денегъ, чѣмъ сколько стоилъ домъ. Ну, Халисъ торговаться не сталъ. Но вотъ онъ ночью увидѣлъ во снѣ человѣка, одѣтаго въ блестающія одежды. Очень испугался, думаетъ,—пришелъ за моею душою. А потомъ успокоился, подумалъ опять, — ну, чтожъ, на землѣ я ничего не оставляю. Но свѣтозарный мужъ узналъ его мысли и сказалъ

ему: «Не хочетъ Богъ твоей смерти и твоей нищеты. Ты останешься въ этомъ домѣ, и у тебя будемъ жена, и она родитъ тебѣ сыновей и дочерей. Слушай,—завтра я приду къ тебѣ, принявши обликъ брамина. Ты ударь меня палкою по головѣ, и я разсыплюсь золотомъ». Такъ онъ говорилъ, и Халисъ запомнилъ всѣ его слова. Но ты подумай, другъ мой,—надо нанести ударъ, чтобы обрѣсти свое сокровище. Какой вѣрный образъ нашей злобы и жестокости!

Зоя замолчала. Потомъ сказала тихо:

— Не стоитъ, пожалуй, досказывать сказку. Ты самъ догадаешься, что все такъ и случилось. Добрый былъ награжденъ, жадный наказанъ.

Но, увлекаясь разсказомъ, продолжала:

— Спросишь, какъ былъ наказанъ жадный? А вотъ какъ. На утро пришелъ купецъ съ деньгами,—поторопился притти пораньше, чтобы кто-нибудь другой не далъ больше. А слѣдомъ за нимъ вошелъ въ домъ Халиса браминъ. Онъ былъ одѣтъ въ желтый шелкъ, лицо у него было сморщенное и желтое, изъ-подъ желтой парчевой шапки видны были рѣдкія пряди золотистыхъ волосъ, и руки его были желты, и весь онъ былъ словно сбитъ изъ золота. И сказалъ онъ Халису: «Халисъ, прогони этого купца, онъ даетъ тебѣ мало денегъ». Халисъ сказалъ: «Мы условились съ этимъ человѣкомъ, и я долженъ принять его деньги и отдать ему домъ». Но браминъ сталъ между Халисомъ и жаднымъ купцомъ, и мѣшалъ имъ приступить къ расчету. Тогда Халисъ вспомнилъ свой сонъ, схватилъ палку, и закричалъ: «Уйди отсюда, или я тебя поколочу». Вѣдь онъ былъ человѣкъ добрый, и рука его не поднималась ударить человѣка безъ предупрежденія. Но браминъ не уходилъ, и настаивалъ на своемъ. Тогда Халисъ ударилъ брамина по головѣ. Браминъ заблестѣлъ, голова его зазвенѣла, онъ осѣлъ, и вдругъ разсыпался громадною кучею золотыхъ монетъ. Халисъ отсчиталъ девяносто девять монетъ, отдалъ ихъ жадному купцу, и сказалъ: «Теперь ты и самъ видишь, что я долженъ поступить такъ, какъ мнѣ приказывало это

золото, пришедшее ко мнѣ во образѣ брамина. Возьми эти деньги, и никому не говори о томъ, что ты здѣсь видѣлъ». Купецъ сказалъ: «Хорошо, я откажусь отъ нашей сдѣлки за эти девяносто девять монетъ, но въ придачу дай мнѣ твою палку». Халисъ согласился. Онъ зналъ, что не въ палкѣ сила. А жадный купецъ вздумалъ, что въ этой палкѣ заключена чудесная сила, и что стоитъ ударить ею любого брамина, и тотъ разсыплется золотомъ. Пошелъ жадный купецъ домой, и послалъ своихъ слугъ ко всѣмъ браминамъ того города, которыхъ онъ зналъ, звать ихъ на пиръ въ тотъ же вечеръ. Брамины пришли, и купецъ далъ имъ много вина. Когда они упились, онъ затѣялъ съ ними ссору, схватилъ Халисову палку, и принялся бить ихъ по головамъ. Крови пролилось не мало, а золота не было ни одной монеты. Брамины подняли страшный крикъ, сбѣжалось много народу, купца взяли подъ стражу, и утромъ привели къ судьѣ. Судья спросилъ: «За что ты билъ браминовъ?» «Купецъ отвѣчалъ: «Халисъ научилъ меня этому». И разсказалъ, что видѣлъ у Халиса. Послали за Халисомъ, и судья сказалъ: «Слушай, что показываетъ на тебя этотъ человѣкъ». Халисъ выслушавъ разсказъ купца, и сказалъ судьѣ: «Господинъ, спроси у сосѣдей моихъ, кто видѣлъ брамина, вошедшаго въ мой домъ, и спроси у браминовъ, не исчезъ ли кто-нибудь изъ нихъ, кого ищутъ и не находятъ». И никто не видѣлъ брамина, вошедшаго въ домъ Халиса, и не было среди браминовъ никого пропавшаго, кого искали и не находили. И велѣлъ судья бить купца палками, все золото его взяли и роздали обиженнымъ браминамъ.

Зоя замолчала. Ельницкій сказалъ:

— Каждый день, Зоя, ты разсказываешь мнѣ сказки. А самая лучшая сказка, знаешь, какая?

— Знаю,—сказала Зоя,—та, которую мы дѣлаемъ изъ своей жизни.

— Зоя,—спросилъ онъ,—ты любишь меня?

— Не знаю,—сказала Зоя,—вѣдь ты еще не ударилъ

меня ни разу ни по головѣ, ни по сердцу, чтобы я стала твоимъ сокровищемъ, золотомъ твоей жизни.

Она смѣялась, и смотрѣла на него дерзкимъ, вызывающимъ взглядомъ.

— Какъ же я могу тебя ударить?—спросилъ онъ смущенно.

— Никакого клада не возьмешь просто,—отвѣчала Зоя.

Она стояла передъ Ельницкимъ, дразня его все тою же дерзкою усмѣшкою и настойчивымъ взоромъ потемнѣвшихъ, злыхъ глазъ.

— Какъ же можно бить тебя?—спросилъ Ельницкій.— Ты слабѣе меня.

Онъ чувствовалъ, что голова его кружится и сердце замираетъ. Злое навожденіе овладѣвало имъ. Зоя засмѣялась. Непріятно-рѣзокъ былъ ея смѣхъ.

— О!—воскликнула она,—я вовсе не такая беззащитная. Видишь, ножъ на столѣ лежитъ. Онъ острый, и конецъ его тонокъ. Онъ легко войдетъ въ твое сердце, если ты оплошаешь.

Она поблѣднѣла, губы ея задрожали, и рука потянулась къ ножу.

— Злая вѣдьма!—закричалъ Ельницкій.

Точно движимый чужою волею, онъ ударилъ Зою по щекѣ. Ударъ былъ неожиданно силенъ и звонокъ, и подъ своею рукою почувствовалъ Ельницкій зной вдругъ вспыхнувшей нѣжной дѣвичьей щеки. Зоя покачнулась, метнулась въ сторону. Ельницкій ужаснулся тому, что случилось.

«Что я сдѣлалъ? Я ударилъ любимую дѣвушку! Какой позоръ!»—коротко подумалъ онъ.

Зоя вдругъ пронзительно закричала, схватила ножъ, и бросилась на Ельницкаго. Лицо ея было искажено бѣшеною злобою, синіе глаза казались слитыми въ малые круги нестерпимо острыми молніями. Съ ужасомъ и восторгомъ глянулъ на нее Ельницкій,—никогда не была такъ прекрасна Зоя, какъ въ эту гнѣвную минуту. Онъ схватилъ одною рукою кисть ея правой руки, въ которой сверкалъ ножъ,—

едва успѣлъ схватить и отвести внизъ,—конецъ ножа уже разрѣзалъ его одежду, и остро царапнулъ кожу на груди, — другая его рука тяжело легла на ея плечо и шею. Она бѣшено рвалась въ его рукахъ, налетая всѣмъ тѣломъ на его грудь. Вдругъ онъ почувствовалъ боль въ лѣвой ногѣ, вскрикнулъ и упалъ, увлекая за собою Зою. Онъ ушибся головою о край скамьи, и, теряя сознаніе, услышалъ надъ собою отчаянный Зоинъ вопль.

Когда онъ очнулся, онъ лежалъ въ гостиной на диванѣ. Зоя стояла передъ нимъ на колѣняхъ, плакала и цѣловала его руки. Старикъ смотрѣлъ насмѣшливо, и говорилъ:

— Пустяки, двѣ легонькія царапины. До свадьбы заживетъ.

Ельницкій вспомнилъ, что именно этими словами въ дѣтствѣ утѣшала его старая няня. Онъ засмѣялся.

— Зоя,—сказалъ онъ,—ты—мое сокровище. Когда же ты доскажешь мнѣ твою сказку?

— Зоя—сказочница,—отвѣчалъ за нее старикъ, — своимъ дѣтямъ она наскажетъ сказокъ.

— Своему сыну Зоя разскажетъ, — тихо говорилъ Ельницкій,—какъ его отецъ пошелъ на войну. Видишь, Зоя, я догадался, — жаль, немного поздно, — какъ тебя надо ударить,—по сердцу,—уйти отъ тебя, уйти, чтобы наносить удары и побѣждать.

— Ты ко мнѣ вернешься,—со странною увѣренностью сказала Зоя.

— Не знаю, Зоя,—отвѣчалъ онъ,—да и не все ли равно!

Старый пробовщикъ покачивалъ головою, и говорилъ:

— Еще не скоро, дѣти, настанетъ вашъ срокъ уйти въ тѣсные дома.

ГОЛОСЪ КРОВИ.

I.

Алексѣй торопился поскорѣе уѣхать изъ Косоура въ Юрьевъ Логъ. Косоуръ не понравился Алексѣю, хотя это былъ его родной городъ. А можетъ быть, именно потому и не понравился, по несходству съ дѣтскими воспоминаніями. Эти воспоминанія казали Косоуръ очаровательнымъ, — но вѣдь то были воспоминанія первыхъ шести лѣтъ его жизни. Ровно двадцать лѣтъ Алексѣй не былъ въ этихъ мѣстахъ.

Нелѣпымъ показался Косоуръ. На вокзалѣ ошалѣлые, безтолковые носильщики,—вокзалъ темный и грязный,—отъ вокзала до города надобно ѣхать нѣсколько верстъ на извозчикѣ. Рѣка Косоурка плескала на заболоченный берегъ грязную малярійную воду. Обыватели имѣли сонный и тупой видъ, и казалось, что всѣ ихъ духовные интересы сводились къ игрѣ въ преферансъ. Городъ съ населеніемъ около ста тысячъ имѣлъ только одну газетку, да и ту мѣстные жители презирали.

Встрѣчаясь съ косоурцами, Алексѣй спрашивалъ ихъ:

— Отчего вы такіе? Почему у васъ такъ сонно?

Обыватели угрюмо отвѣчали:

— Губернаторъ у насъ нехорошъ, ничего не разрѣшаетъ.

Алексѣй думалъ, что бѣда не въ одномъ губернаторѣ. Онъ говорилъ:

— Сами вы очень равнодушны.

Ему отвѣчали:

— Мы очень даже неравнодушны, а только что ходу намъ нѣтъ.

Алексѣй былъ радъ, когда, покончивъ съ дѣлами и съ болѣе необходимыми визитами, выѣхалъ въ свое имѣніе, Юрьевъ Логъ, верстахъ въ сорока отъ этого гиблаго города, гдѣ тоже съ дѣтства не былъ.

Подъѣзжая къ имѣнію, вспоминалъ. Было привычное въ странномъ, такое привычное, что надолго умертвило охоту спрашивать: «почему?—охоту, теперь опять зажигавшуюся. А странно было то, почему послѣ смерти отца цѣлыхъ двадцать лѣтъ мать и сама не хотѣла ѣхать ни въ Косоуръ, ни въ Юрьевъ Логъ, ни Алексѣя туда не пускала.

Алексѣй вспоминалъ отца, — живое воспоминаніе шестилѣтняго мальчика амальгамировалось съ долгимъ любующимся наглядѣніемъ на его портреты, нѣсколько фотографій и одинъ живописный. Это былъ очень красивый человѣкъ съ обворожительными манерами, съ обаятельною улыбкою и съ такою необычайною силою ласковыхъ глазъ, что не послушаться его казалось невозможнымъ.

Умеръ онъ неожиданно и случайно. Онъ былъ превосходный наѣздникъ. а въ тотъ несчастливый день лошадь сбросила его, и онъ разбилъ голову о придорожный камень.

«Одинъ изъ такихъ камней», — съ волненіемъ думалъ Алексѣй, глядя на остроребрый выбѣленный известью кубикъ съ красною цифрою, что-то кому-то понятное знаменующій.

Сначала Алексѣй думалъ, что мама потому не хочетъ ѣхать въ Юрьевъ Логъ, что эти кубики у края дороги напомнятъ ей ужасное. Потомъ, по какимъ-то намекамъ и умолчаніямъ, онъ сталъ догадываться, что главная причина не въ этомъ. Сначала онъ спрашивалъ у матери, въ чемъ

дѣло, почему не ѣдутъ въ Юрьевъ Логъ, но скоро понялъ, что спрашивать не надобно и безполезно.

Въ прошломъ году мать умерла. За недѣлю до смерти она сказала Алексѣю:

— Ты соберись какъ-нибудь въ Юрьевъ Логъ. Что-жъ тебѣ! Тамъ все хорошо. Анна Дмитріевна—очень хозяйственная женщина. Настоящая экономка, хоть изъ простыхъ крестьянокъ. Танюшка пока учится на курсахъ, ты ей стипендіи не прекращай, да и потомъ объ ней позаботься,—она вѣдь на нашемъ попеченіи выросла.

Анна Дмитріевна, хозяйничавшая въ Юрьевомъ Логѣ, и дочь Танюшка были для Алексѣя миѳическія существа. Танюшка училась въ Москвѣ, Алексѣй кончилъ петербургскій университетъ. Онъ видѣлъ Танюшку раза два мелькомъ въ гостиницѣ Метрополь въ Москвѣ,—она приходила благодарить его мать за стипендію въ гимназіи и на курсахъ; да у матери видѣлъ ея фотографическіе снимки. Впечатлѣніе осталось такое: ничего себѣ, недуренькая дѣвушка, только смѣшно, не къ лицу причесанная и очень застѣнчивая.

II.

Когда коляска, подъѣзжая къ старому каменному двухъэтажному дому, медленно катилась по березовой аллеѣ, Алексѣй увидѣлъ выходившую съ боковой дорожки къ цвѣточной круглой куртинѣ передъ домомъ стройную дѣвушку въ бѣлой блузкѣ и въ перетянутой широкимъ поясомъ короткой синей юбкѣ. Лицо загорѣлое и веселое, черные волосы заплетены въ косу, голова не покрыта.

Дѣвушка остановилась и смотрѣла на подъѣзжавшую коляску. На ея лицѣ двигалась отъ вѣтокъ дерева, подъ которымъ она стояла, рябая тѣнь съ дрожащими солнышками, изъ которыхъ два трепетали на самой улыбкѣ румяныхъ губъ, а одно играло съ вѣкомъ праваго глаза, порою сбѣгало чуть пониже и золотило край чуть щурящагося

тогда зрачка. Сильный свѣтъ милаго на живомъ тѣлѣ солнца лежалъ на ея облитыхъ золотистымъ загаромъ ногахъ.

Алексѣй глянулъ на ея лицо. Оно показалось ему незнакомымъ, но похожимъ на чье-то другое лицо. Алексѣй подумалъ почему-то, что это и есть курсистка Танюшка, та самая дочь вдовы-экономки, которой онъ продолжалъ выдавать стипендію. Алексѣй приподнялъ шляпу. По тому легкому и веселому спокойствію, съ которымъ дѣвушка отвѣтила на его поклонъ, онъ увѣрился, что это и въ самомъ дѣлѣ Танюшка.

Дѣвушка звонко кричала, сзывая кого-то, да и сама проворно побѣжала къ крыльцу за коляскою. Она остановилась на нижней ступенькѣ крыльца и, улыбаясь, смотрѣла, какъ ахающія и восклицающія работницы вынимали изъ коляски и стаскивали съ козелъ Алексѣевы чемоданы.

— Татьяна Петровна?—спросилъ Алексѣй, выходя изъ коляски.

Дѣвушка засмѣялась и сказала Алексѣю:

— Танюшка.

И удареніе сдѣлала на ю.

Алексѣю стало весело и просто. Онъ сказалъ, пожимая теплую Танюшкину руку, пріятную на ощупь, какъ всегда бываетъ пріятна для осязанія загорѣлая кожа не искаженныхъ грубою работою рукъ, не загрубѣлая, но все же не вялая, какъ у малокровныхъ дамъ:

— Здравствуйте, Танечка.

— Съ пріѣздомъ,—говорила Танюшка.—Мама на хуторѣ. Я ужъ сказала, за нею побѣжали. А пока пойдемте, я васъ провожу, для васъ приготовлены комнаты.

Алексѣй всматривался въ Танюшку. Нѣтъ смѣшной не къ лицу прически, нѣтъ непріятной фотографической нарочности выраженія.

— Какая глупая фотографія!—сказалъ Алексѣй.

И, что рѣдко бываетъ, сказалъ то самое, что и думалъ. Танюшка, слегка задержавшись на порогѣ дома, спросила:

— Почему глупая?

— Да какъ же не глупая! — оживленно говорилъ Алексѣй,—я видѣлъ недавно вашу фотографическую карточку, а сейчасъ едва узналъ, скорѣе догадался, что это—вы. Сходство очень внѣшнее, совсѣмъ не передаетъ впечатлѣнія.

И теперь уже Алексѣю совсѣмъ не хотѣлось словами фотографировать свою мысль,—слова такъ же огрубятъ ее, какъ фотографія огрубляетъ черты милаго лица. Словами приблизительными по необходимости онъ сказалъ бы ей, если бы захотѣлъ говорить:

— Судя по этому снимку, я думалъ, что ты—смазливенькая, смѣшная простушка, а вотъ увидѣлъ тебя лицомъ къ лицу и вижу, что ты очаровательна.

И сказалъ бы такъ, потому, что уже былъ влюбленъ въ Танюшку. И даже почти уже зналъ это.

Танюшка сказала:

— Ну, конечно, что же фотографія можетъ!

Пошла впереди Алексѣя по комнатамъ нижняго этажа, гдѣ была гулкая прохлада, и, призадумавшись, спросила:

— А какъ вамъ больше нравится?

Посмотрѣла искоса на Алексѣя, пощипывая передъ своей блузы, и казалось, что ждетъ отвѣта съ волнующимъ ее вниманіемъ.

Алексѣй, не задумываясь, сказалъ:

— Теперь лучше.

— Да? почему?

Алексѣю нравилась та свобода, съ которою Танюшка говорила это темное для него слово «почему». Онъ сказалъ:

— Тамъ какая-то невѣрность, нѣтъ жизни. Тамъ вы не та, совсѣмъ не та, другая какая-то.

— Можетъ быть, это потому,—сказала Танюшка,—что тогда я была одѣта, какъ барышня-курсистка, и притворялась городскою барышнею, а здѣсь я босая и простая, крестьяночка, какъ и по паспорту значусь дочь крестьянина Косоурской губерніи.

Алексѣй думалъ:

«Милая, настоящая крестьяночка съ душою привѣтливой царицы, истинная госпожа и повелительница».

— А вотъ и ваши покои,—сказала Танюшка.

Она показала Алексѣю гостиную, кабинетъ, спальню. Говорила:

— Все сама прибирала, за всѣмъ присмотрѣла, вамъ будетъ удобно.

— Спасибо, милая Танечка.

— У васъ въ гостиной и въ кабинетѣ вчера сама и полы помыла,—весело говорила Танюшка.

— Милая Танечка, зачѣмъ же!—воскликнулъ смущенный Алексѣй.

— Не повѣрила нашимъ бабамъ,—сказала Танюшка,—неловкія онѣ у насъ. Еще разроняли бы, побили бы вещицы хорошенькія. Одно слово—косоурскія.

— Но мнѣ, право, совѣстно,—говорилъ Алексѣй, поглядывая на Танюшкины руки, которыя совсѣмъ не казались руками работницы.

— Ну, что тамъ!—бойко возразила Танюшка. Я вѣдь лѣтомъ отдыхаю отъ зимней учебы, ничего не дѣлаю, живу себѣ бездѣльницею.

III.

Вечеромъ, разговаривая о дѣлахъ хозяйственныхъ, которыя его, впрочемъ, мало занимали, съ Анною Дмитріевною, Алексѣй вдругъ прервалъ ее на полусловѣ и сказалъ:

— Танюшка-то у васъ красавица выросла.

Анна Дмитріевна слегка покраснѣла и сказала:

— И я молода была не уродъ.

Гордость слышна была въ ея голосѣ. Анна Дмитріевна еще и теперь была красива, какъ можетъ быть красива мать двадцатилѣтней дѣвушки. Но все-таки Танюшка была не совсѣмъ на нее похожа. Танюшкина очаровательная, солнечная улыбка напоминала Алексѣю кого-то, а кого, онъ не могъ

припомнить, почему и былъ такъ разсѣянъ и невнимателенъ.

«На кого же она похожа?—настойчиво думалъ онъ, перебирая въ памяти красивыхъ дамъ и образы, созданные живописцами и ваятелями.—Не на одного ли изъ ангеловъ Бернардино Луини,—очаровательно свѣтлаго ангела?»

И все яснѣе чувствовалъ Алексѣй, что любитъ Танюшку.

«Да вѣдь я же ея совсѣмъ не знаю!»—порою упрекалъ онъ себя.

Но зналъ, что она ему безконечно мила и дорога, и что ея улыбка его не обманетъ.

IV.

У кого-то изъ русскихъ писателей Алексѣй читалъ однажды, что сближеніе влюбленныхъ шло гигантскими шагами. Это выраженіе пришло ему на память, когда онъ съ Танюшкою бѣгалъ въ саду на гигантскихъ шагахъ.

Оставивъ лямку, Алексѣй стоялъ на песчаной дорожкѣ, смѣялся и смотрѣлъ на Таню. Она подошла къ нему, и спросила:

— Вы опять надо мной смѣетесь?

— Что вы, Танечка!—воскликнулъ Алексѣй,—когда же я надъ вами смѣялся?

А Танюшка стояла передъ нимъ и смѣялась. Алексѣй вдругъ притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ губы. Она покраснѣла очень, стыдливо засмѣялась и убѣжала.

И потомъ цѣлый день она ходила, какъ въ бреду, улыбалась и напѣвала, а вечеромъ, ложась спать, вдругъ поплакала немножко. Но слезы ея были счастливыя, и заснула она съ радостною улыбкою.

V.

Сладкія слова любви были сказаны опять, ужъ въ который разъ отъ сотворенія міра, и все-таки опять новыя, нетлѣнныя слова!

А ночью, оставшись одинъ, Алексѣй вдругъ вспомнилъ

что-то очень значительное. Сначала неясно вспомнилось, но уже страшно стало. Что это такое? Вѣдь милый вспомнился образъ,—лицо покойнаго отца,—отчего же страхъ? И съ нимъ рядомъ сталъ другой образъ, еще болѣе милый,—очаровательное Танюшкино лицо,—и обаятельная улыбка юныхъ дѣвичьихъ устъ на одно мгновеніе слилась съ обаяніемъ улыбки губъ увядающихъ, но все еще прельстительныхъ.

«Танюшка похожа на отца,—думалъ Алексѣй,—что же это значитъ?»

И вотъ страхъ его осмыслился въ опредѣленной мысли:

«Неужели она—моя сестра?»

Но онъ упрямо думалъ:

«Все-таки люблю, люблю, люблю! Моей любви не уступлю темному призраку».

И не могъ уснуть. Въ садъ вышелъ. Подошелъ къ флигельку, гдѣ жила Танюшка съ матерью. Въ Танюшкино окно стукнулъ вѣткою сирени,—легохонько стукнулъ, но она услышала, встала съ постели, на плечи гарусный платокъ накинула, окно открыла. Тихо шепнула:

— Что ты стучишься, безумный! Мама услышитъ.

— Пусть услышитъ,—трагическимъ шопотомъ отвѣчалъ Алексѣй.—Секрета отъ нея нѣтъ.

Танюшка поежилась плечами подъ платкомъ, глянула на темное небо, гдѣ мерцали узоры звѣздъ, и спросила:

— Ну что, гулять въ саду хочешь?

Алексѣй молчалъ. Не зналъ, что сказать. Танюшка отошла въ глубину комнаты, надѣла юбку, и легко выпрытнула въ окно.

Пошли къ рѣкѣ. Соловья слушали. Говорили что-то. Танюшка смотрѣла на Алексѣя влюбленными глазами.

— Любишь?—спросилъ Алексѣй.

— Люблю,—тихо отвѣчала Танюшка, и звукъ ея голоса словно растаялъ во влажной темнотѣ ночной.

— Какъ брата? — опять спрашивалъ Алексѣй.

— И еще больше,—отвѣчала Танюшка.

И спрашивалъ:

— А не разлюбишь?

И отвѣчала:

— Не разлюблю никогда.

— Будемъ вмѣстѣ навсегда?

— Навсегда вмѣстѣ.

— А ты меня что не спросишь?—немного помолчавъ, спросилъ Алексѣй.

— Я и такъ знаю,—отвѣчала Танюшка.

— Что ты знаешь?

— Ты меня любишь. Любишь, не разлюбишь. Мы всегда будемъ вмѣстѣ.

— А если ты?..

— Что? Что если я?

Алексѣй помолчалъ и притворно-шутливо сказалъ:

— Вотъ и спросила.

Засмѣялись оба. Настаивала Танюшка:

— Ну, что такое «если я?» Безсовѣстный, началъ и не кончаешь. Дразнишь. Я заплачу.

— Любопытненькая,—говорилъ Алексѣй, нѣжно поглаживая ее по спинѣ.

— Да, вотъ и любопытненькая. А ты скажи, ненагляденькій.

Алексѣй, очень волнуясь, заговорилъ:

— Слушай, Танюшка, мнѣ иногда кажется странное что-то. Вѣдь вотъ я тебя до этого лѣта почти совсѣмъ не зналъ. А теперь такъ вдругъ люблю, такъ люблю, какъ что-то дорогое и близкое.

— И я тоже,—тихо сказала Танюшка.

Она смотрѣла на него, не отрываясь, и его волненіе передавалось ей и ускоряло стукъ ея сердца. Алексѣй говорилъ:

— А почему такъ, Танюшка? Тебѣ это нестранно?

— Что-жъ страннаго?

— Вотъ то, что такъ вдругъ. Не удивляетъ это тебя?

Танюшка прижалась къ Алексѣю, сказала шутливо, побѣждая жуткое непонятное волненіе:

— Вотъ еще придумалъ. А развѣ меня не стоитъ любить? Крестьяночка босоножка, такъ и ужъ полюбить меня странно! О, какой ты строгій сталъ!

И засмѣялась весело, цѣлую Алексѣя.

— Нѣтъ, ты слушай, Танюшка, — говорилъ Алексѣй, — а вдругъ вся эта внезапность оттого, что мы близки. Что, если ты—моя сестра?

Танюшка призадумалась, потомъ звонко засмѣялась.

— Все-то ты придумываешь! Если бы мы родные были, развѣ бы я могла въ тебя влюбиться? Ахъ, люблю, люблю тебя, милый мой, ненаглядный!

Въ кустахъ надъ рѣкою просидѣли они до зари, тихо разговаривая, нѣжно и невинно цѣлуясь. И уже не вспоминали объ этой Алексѣевой затѣѣ.

Когда уже легли на землю первыя чуткія тѣни и встрепенулись влажные кустарники, заторопилась Танюшка домой.

VI.

Она заснула крѣпко и счастливо. А утромъ вспомнила Алексѣеву догадку ночную, и призадумалась надъ нею. И все утро ходила невеселая, смутная. Съ Алексѣемъ старалась не встрѣчаться.

Передъ обѣдомъ Танюшка улучила минуту, осталась наединѣ съ матерью, и прямо спросила:

— Мама, скажи мнѣ, я—чья дочь?

Анна Дмитріевна слегка покраснѣла, чуть принахмурила крутыя брови, и сказала:

— Нашла, что спросить! Моя дочка, рожденная, не подкидышъ.

— Это я знаю, мама, — продолжала Танюшка, — а кто мой отецъ?

Анна Дмитріевна глянула на дочь, глянула въ сторону, и сказала:

— Мужъ покойникъ, кто же еще?

Потомъ вспыхнула ярко, разсердилась, крикнула:

— Да что ты мать вздумала допрашивать! Учена больно много, думаешь о себѣ извѣсть что. Поди-ка, какъ съ матерью заговорила! Вотъ какъ возьму...

Начала,—и не кончила. Танюшка смотрѣла на нее пристально. Анна Дмитріевна смущенно подошла къ окну. Слезы побѣжали изъ ея глазъ. Танюшка, не двигаясь съ мѣста, голосомъ холоднымъ и звучнымъ говорила:

— Мама, голубушка, ты прости меня, что я спрашиваю, но мнѣ это надобно знать, очень надобно. Ты скажи мнѣ, Алексѣй—братъ мнѣ или нѣтъ?

Анна Дмитріевна молчала. Танюшка увидѣла по ея неловкимъ движеніемъ, что она плачетъ. Танюшкино сердце упало.

Не стала больше спрашивать, вышла Танюшка въ садъ, прошла къ рѣчкѣ, въ кусты, гдѣ они съ Алексѣемъ нынче ночью сидѣли, гдѣ ей было такъ хорошо. Сѣла на камешекъ, смотрѣла на воду, шептала беззвучно похолодѣвшими губами:

— Радость, радость моя, что же ты, гдѣ же ты?

И плакала долго. Любви несбыточной было жалко.

VII.

А въ это время Алексѣй пригласилъ къ себѣ Анну Дмитріевну, и принялся допрашивать ее о томъ же. Анна Дмитріевна, улыбаясь сквозь слезы, раскраснѣвшаяся, говорила:

— Только что Танюшка меня пытала, а тутъ и вы съ тѣмъ же вопросомъ. Что ужъ скрывать, сами видите: Танюшка вся въ покойника папеньку вашего.

Сталъ мраченъ Алексѣй. Поспѣшно ушелъ въ лѣсъ ходилъ тамъ долго. Буйное кипѣніе страсти томило и мучило его.

Къ вечеру, возвращаясь домой, вдругъ встрѣтилъ онъ у калитки сада Танюшку. Подумалъ съ болью въ душѣ:

«Чѣмъ я ее утѣшу? Ахъ, и зачѣмъ она знаетъ!»

Ему стало тяжело. Онъ подошелъ къ Танюшкѣ, заглянулъ въ ея потупленное, раскраснѣвшееся лицо, и удивился, — гдѣ же Танюшкины слезы? гдѣ же ея печаль?

Подняла на него глаза Танюшка, улыбнулась свѣтло, сказала:

— Братикъ миленькій.

Охватила его шею руками, поцѣловала, — сладкій, невинный поцѣлуй, какъ сестра цѣлуетъ милаго брата. Клонящееся къ закату солнце облило ея щеку такимъ теплымъ, такимъ нѣжнымъ потокомъ весело алыхъ и золотыхъ лучей, и такъ легко легла на Алексѣевы плечи стройность Танюшкиныхъ голыхъ рукъ, и такое сладкое благоуханіе вдругъ обвѣяло его, набѣжавъ съ рѣзвымъ вѣтеркомъ отъ рѣчки, что радостнымъ и свѣтлымъ показался Алексѣю весь міръ. И гдѣ же страстность, только что бушевавшая въ немъ? Ея нѣтъ.

— Милая сестра моя, — спросилъ Алексѣй, — я радъ, что ты не опечалена, но скажи, — тебѣ не жаль той, другой любви нашей?

— Я плакала объ ней, — отвѣчала Танюшка, — глупая! И вдругъ, точно тихая молнія съ неба, на меня упала радость. Вѣдь я нашла въ тебѣ брата!

— А я? — спросилъ Алексѣй, не то Танюшку, не то самого себя.

Танюшка засмѣялась. Сказала:

— Все-то ты спрашиваешь!

— Другихъ мало спрашивалъ, — говорилъ Алексѣй, — только тебя. Но знаю, знаю самъ, — вотъ увидѣлъ тебя здѣсь, на этихъ дорожкахъ, и душа моя узнала тебя. Что-то родное влекло меня къ тебѣ, и если бы мы не узнали

тайны нашей, то мы всю жизнь были бы влюблены другъ въ друга, какъ бываютъ иногда влюбленные другъ въ друга и такіе схожіе между собою мужъ и жена. И я хотѣлъ обладать тобою, и ты хотѣла быть моею!

Танюшка засмѣялась.

— Хотѣла ли? Спросилъ бы у меня прежде, чѣмъ говорить.

Алексѣй продолжалъ:

— Мы тянулись другъ къ другу, сладко влюбленные, очарованные своею влюбленностью. Но тайна открыта, и влюбленность наша преобразилась въ братскую любовь. Какъ-будто бы знаніе гаситъ страсть.

Танюшка смотрѣла на него, нѣжно улыбаясь.

— Ну, вотъ и объяснилъ, — сказала она.

И потомъ заговорила очень тихо:

— А все-таки мнѣ очень горько было сегодня, когда я сидѣла одна тамъ, въ кустахъ надъ рѣкою. Даже плакала. Еще не сразу поняла, какая радость — найти себя, найти брата.

Вслушался Алексѣй въ голоса своей души, и понялъ, что въ немъ ликуетъ отвѣтная радость, — такое счастье найти сестру! Страстная, плотская любовь его, сгорая, таяла въ отрадномъ пламени глубокаго и тихаго чувства.

ПРАЧКА СЪ ДЛИННОЮ КОСОЮ.

I.

Сусанна была самая молодая изъ прачекъ, работавшихъ въ прачечной Мирзоева, у самаго берега бухты, гдѣ такая фосфорически-зеленая, словно крашеная размытою ярью, вода. И самая красивая. Ни у кого изъ ея товарокъ не было такой длинной косы. И никто изъ нихъ не умѣлъ такъ сладко пѣть и такъ звонко смѣяться.

Пять прачекъ стирали бѣлье въ лоханкахъ, поставленныхъ на дворѣ у берега. Отъ улицы дворъ былъ отдѣленъ невысокою сквозною изгородью, и всякій идущій по улицѣ могъ увидѣть, какъ хороша Сусанна, какія у нея стройныя и сильныя руки, и какъ румяны ея смуглыя щеки, и какъ въ открытыхъ деревянныхъ сандаліяхъ объ одномъ ремешкѣ красивы ея быстрыя ноги.

Молодой Георгій шелъ мимо. Къ вечеру онъ каждый разъ проходилъ здѣсь, останавливался у изгородки и заговаривалъ съ Сусанною и ея подругами.

— Сусанна! — окликнулъ онъ молодеиьмую прачку. — Скоро кончишь?

— А тебѣ что? — отвѣтила Сусанна.

Засмѣялась, рѣзвая, и вдругъ почему-то вздрогнула, словно кто-то провелъ холодною рукою по ея спинѣ отъ плеча къ плечу, засунувъ костлявые пальцы за широкій воротъ бѣлой рубашки. Глянула на Георгія, и нахмурилась.

Красивъ былъ молодой Георгій и любъ Сусаннѣ. А сейчасъ почему-то ей стало томно и тяжко смотрѣть на него. Слишкомъ ярки показались ей его губы, и зубы сверкнули, чрезмѣрно бѣлы и остры, и непомѣрно жгучъ былъ огонь его черныхъ глазъ.

Смотрѣла на него Сусанна, и казалось ей, что огненныя невидимыя струи льются на нее отъ этихъ чародѣйныхъ глазъ, — струи огня, перемежаемыя струями обжигающаго холода.

— Не гляди, окаянный! — крикнула она — что ты на меня холодъ и жаръ наводишь!

Прачки засмѣялись. А одна изъ нихъ постарше, и уже съ пробивающеюся кое-гдѣ сѣдиною въ черныхъ волосахъ, сказала:

— Да ужъ не лихорадка ли къ тебѣ пристала, Сусанна? Что-то ты блѣдная такая вдругъ стала.

Сусанна ярко покраснѣла, и сказала сердито:

— Пристанетъ, когда тутъ остановятся да смотрять. Иди, иди себѣ, Георгій, мимо, — сегодня вечеромъ мнѣ надо итти къ бабушкѣ.

Георгій засмѣялся.

— О, сердитая какая ты сегодня, Сусанна! — сказалъ онъ. — Какъ царица.

Прачки засмѣялись:

— И правда, какъ царица.

— Красивая, зато ужъ и гордая.

— Думаетъ, нѣтъ ей равныхъ.

Георгій подмигнулъ имъ, и сказалъ Сусаннѣ:

— Сусанна, слушай, — хочешь быть царицей?

Обидно стало Сусаннѣ, потемнѣло у нея въ глазахъ, голова закружилась, въ ушахъ зашумѣло. Стиснувъ зубы,

наклонилась она надъ лоханкою, напрягая мускулы стройныхъ нагихъ рукъ, и словно издалека откуда-то доносились до нея голоса и смѣхъ.

II.

Вечерѣло, и темнѣе становилось. Зной и холодъ бичевали дрожащее тѣло прачки съ длинною косою. Все передъ глазами ея было, какъ бредъ. Толстый хозяинъ ходилъ по двору, зеленолицый и злой, и голосъ его звучалъ, противный, визгливый. Голоса подругъ были рѣзки, и лица ихъ казались гнусными и враждебными. Кто-то прозрачный и льдяно-холодный давилъ порозовѣвшіе подъемы ея ногъ.

А по улицѣ мимо гремѣли бубны и литавры, проносились тускло-красные языки факеловъ, и шли пестро-наряженные люди, — во всю ширину тихой улицы шли, смѣялись и пѣли что-то.

Но что же это? Никого на улицѣ нѣтъ. Пригрезилось это Сусаннѣ?

Нѣтъ, опять идутъ, шумятъ, несутъ пестрыя знамена.

Георгій идетъ впереди всѣхъ. И уже вотъ онъ во дворѣ, и стоитъ передъ Сусанною. Гдѣ же его рваная куртка? На немъ яркій, красный нарядъ, и на головѣ его золотая шляпа съ красными перьями. Изъ глазъ его льются два пламени, и онъ говоритъ:

— Прачка съ длинною косою, хочешь быть царицей міра?

— Хочу, — шепчетъ Сусанна.

Но гдѣ же Георгій? И гдѣ же остальные? Холодѣетъ вода въ лохани, и опять напряжены въ спѣшной работѣ нагія руки, и покрикиваетъ хозяинъ:

— Живо, живо. Время не ждетъ.

Сусанна блѣднѣетъ и падаетъ на землю и подруги съ рѣзкими криками окружаютъ ее, опираясь въ бока мокрыми руками со сморщенными отъ стирки пальцами.

III.

Опять блескъ, шумъ, великолѣпіе, — и такъ шумно, и такъ ярко, что Сусанна едва различаетъ предметы, и голова ея томно кружится.

Она сидитъ высоко-высоко,—передъ нею возвышаются бѣлыя, столпообразныя колонны, какъ въ храмѣ, — надъ нею, высоко-высоко, изъ темнѣющаго купола спускаясь, горятъ огни въ громадной люстрѣ, какъ въ городскомъ каѳедральномъ соборѣ. Пахнетъ сладко и томно, какъ въ храмѣ. Слышно медленное торжественное пѣніе.

«Что же мнѣ дѣлать?» — думаетъ Сусанна.

И странная тоска объемлетъ ее, и смѣняется равнодушною скукою. Кажется ей, что она уже нескончаемо долго сидитъ на своемъ превысокомъ тронѣ. Она оглядываетъ себя, — на ней бѣлое, тяжелое платье изъ шумящаго глазета, и на плечахъ ея тяжелая багряная порфира, — красный бархатъ и бѣлый мѣхъ. На ея ногахъ — лиловые башмаки. Голову давитъ что-то тяжелое, — Сусанна догадывается, что на ней корона.

— Дайте мнѣ зеркало, — говоритъ она тихо.

Но какъ бы тихо ни говорила царица, слова ея услышатъ. Двѣ прекрасныя дѣвушки въ вишнево-алыхъ одеждахъ, съ маками въ черныхъ волосахъ, держатъ передъ нею зеркало, и блеститъ золотая рама. А изъ-за стекла смотритъ на Сусанну блѣдное, гордое лицо съ гнѣвно-горящими глазами. Низко на лобъ надвинута соболья шапка, и на ней многоцвѣтно сіяющая корона, золотая съ самоцвѣтными камнями, похожая на митру стараго епископа.

Какая тяжелая! И какъ блеститъ! Глазамъ больно.

И шепчетъ Сусанна:

— Не надо. Уберите.

Уносятъ зеркало. И опять ждетъ чего-то Сусанна.

Что же ей дѣлать? Что дѣлаютъ державныя царицы на своихъ превысокихъ тронахъ?

Вотъ подходятъ къ ней вельможи въ раззолоченныхъ одеждахъ и говорятъ ей что-то. Слова ихъ сливаются въ смутный гулъ.

И говоритъ кто-то льстивый, низко передъ нею склоняясь:

— Георгія сдѣлать генераломъ.

Сусанна улыбается. Георгій, который ловитъ рыбу въ морѣ?

— Ну, что же, — говоритъ она, — пусть Георгій будетъ генераломъ.

А это что блеститъ на столѣ направо? Золотыя монеты. Кто-то, похожій на хозяина прачечной, говоритъ:

— Эти деньги не отдать ли нищимъ, слѣпымъ, хромымъ, убогимъ?

Отдай, — говоритъ Сусанна.

Слышенъ визгъ нищихъ гдѣ-то внизу. Летятъ внизъ золотыя монеты. Вельможа, похожій на хозяина прачечной, броситъ горсть народу, а другую горсть сунетъ въ свой карманъ.

Сусанна хочетъ сказать что-то, и не можетъ. Она смотритъ въ другую сторону, и видитъ на столѣ длинный, широкій, острый ножъ.

— Это что?

— Это мечъ, — говоритъ ей грозный судья, — казнить злодѣя.

У грознаго судьи страшное лицо, и въ рукѣ его бумага. Онъ подаетъ Сусаннѣ бумагу, и говоритъ низкимъ басомъ, какъ дьяконъ, говорящій эктенію:

— Смертный приговоръ злодѣю. Подпиши, царица.

И видитъ Сусанна злодѣя. Блѣдный мальчишка въ лохмотьяхъ, похожій на воришку, котораго недавно поймали на рынкѣ и били. Онъ смотритъ на Сусанну, и глаза его молятъ и плачутъ.

Чьи-то ледяныя руки подъ багряницею обшариваютъ Сусаннины плечи.

— Это — злодѣй? — спрашиваетъ она.

— Злодѣй, — страшнымъ голосомъ отвѣчаетъ судья.

— И его казнятъ?

— Голову съ плечъ.

И уже палачъ въ красной одеждѣ подходитъ, а злодѣй падаетъ на колѣни, дрожитъ и воетъ.

Чей опаляющій огонь льется на Сусанну, и откуда? Не золото ли ея короны растопилось? Не самоцвѣтные ли каменья текутъ по тѣлу яркими пламенами?

Вскакиваетъ Сусанна, вопитъ неистовымъ голосомъ:

— Не хочу быть царицею.

И бросается внизъ. Какъ волна плеснула, — раздалась толпа. Какъ стекло разбилось, — зазвенѣли смѣхъ и плачъ.

«Гдѣ же я?»

Открыла глаза Сусанна, и увидѣла себя на больничной койкѣ.

IV.

Все вокругъ бѣло, тихо, чисто. Сусанна лежитъ на спинѣ, и смотритъ на высокій, бѣлый потолокъ. Потомъ опускаетъ глаза, видитъ рядъ кроватей, слышитъ тихій говоръ. Отъ дверей идетъ кто-то высокій и смуглый, — Георгій!

Сусанна улыбается и говоритъ тихонько:

— Ну, что, пришелъ? Думаешь, генераломъ сдѣлаю?

Звенитъ ложка о стекло, — дѣвушка въ бѣломъ балахонѣ приподнимаетъ Сусанну, поддерживая подъ подушками голову ея, и вливаетъ ей въ ротъ сладковато-горькое лѣкарство.

Сусанна морщится и говоритъ:

— Спасибо, сестрица.

Георгій садится на табуретъ у ея ногъ, улыбается ей такъ, что Сусаннѣ вдругъ становится радостно, и говоритъ, подмигивая дѣвушкѣ въ бѣломъ балахонѣ:

— Что-жъ, Сусанна, хочешь быть царицею?

Сестра милосердія наставительно говоритъ ему:

— А вы ее поменьше спрашивайте да и сами поменьше говорите.

Сусанна улыбается Георгію, и говоритъ дѣвушкѣ:

— Ничего, сестрица.

И потомъ милому:

— Ну, что пристали! Побыла я въ царицахъ, будетъ съ меня, больше не хочу.

— Что такъ?

— А то. Думаешь, легко быть царицею міра?

— А развѣ трудно? Пей, ѣшь, веселись.

— Глупый, ничего не знаешь.

Помолчали. Георгій подвинулъ табуретъ поближе, пригнулся къ Сусаннѣ, спрашиваетъ:

— А моею царицею хочешь быть?

Сусаннѣ сладко-сладко, — и больно-больно. Она закрыла глаза. Слезинка на щекѣ блеснула, и тихо покатилась мимо края нѣжно улыбнувшихся губъ.

Тихо-тихо сказала Сусанна:

— Царицей себѣ меня ставишь, а держать будешь рабою. Пожалуй, ужъ и плетку на меня припасъ.

Георгій вспоминаетъ, какъ рыжій англичанинъ здоровался съ женою консула. Смуглый красавецъ беретъ сусаннину правую руку въ застегнутомъ у ладони на двѣ пуговки бѣломъ тонко-полотняномъ рукавѣ, и нѣжно цѣлуетъ эту большую, теперь блѣдную, но еще съ красноватыми, не успѣвшими отойти отъ работы пальцами. Говоритъ:

— На рукахъ носить буду.

Сусанна слушаетъ и улыбается. На душѣ ея рай, и въ сердцѣ поетъ ярко-перая птичка.

Но Сусанна еще слаба. Она закрываетъ глаза. Въ ея ушахъ шумъ. Ей снится, что это шумитъ, по камнямъ мутно-бѣлою прядая пѣною, горная рѣчка. Тамъ, гдѣ она разлилась пошире, отъ порожка до порожка, можно перейти на

ту сторону. Георгій беретъ Сусанну на руки, и входитъ съ нею въ воду.

— А на томъ берегу что? — спрашиваетъ его Сусанна.

— Увидишь, — отвѣчаетъ онъ.

Голосъ его звучитъ бодро, — голосъ сильнаго мужа. Вода мчится быстро, и бьется о его сильныя нагія ноги. Сусанна знаетъ, что не одолѣетъ его волна, что онъ выйдетъ съ нею на берегъ. Но ей все-таки страшно, и тихо-тихо спрашиваетъ она, къ его уху наклоняясь:

— Что тамъ, жизнь или смерть?

— Узнаешь, — отвѣчаетъ онъ.

Нѣжный и суровый, милый другъ.

Улыбается Сусанна, и засыпаетъ крѣпко. Дѣвушка въ бѣломъ балахонѣ говоритъ Георгію:

— Пусть спитъ. Еще слаба. Завтра придете, больше поговорите.

СОЛНЫШКО.

Молодая мать работала усердно и радостно, и улыбалась. Четкимъ почеркомъ покрывались листы бумаги. Поджидала сына. Вотъ сейчасъ придетъ изъ гимназіи свѣтлый отрокъ, солнечный ея сынъ, Богомъ ей данный, зачатый въ минуту великаго счастія, упоенія и восторга.

Они только двое. Она ушла отъ мужа года два тому назадъ. Почему, онъ понять не могъ. Разспрашивалъ обстоятельно, прежде чѣмъ отпустить, — точный, внимательный былъ чиновникъ.

— Разлюбила меня? — спрашивалъ онъ.

Она пожимала плечьми, улыбалась.

— Не знаю, — говорила спокойнымъ, чуть не скучающимъ голосомъ, — ужъ и любила ли когда-нибудь.

— Полюбила другого?

— Нѣтъ, никого у меня нѣтъ.

Онъ взволнованно ходилъ по комнатѣ. Хотѣлъ сдѣлать женѣ патетическую сцену, но сцены не выходило. И чувствовалъ въ глубинѣ души, что ему все равно, но что это ужасно неприлично.

— Ты подумала, что будутъ говорить?

— Подумала, — кротко отвѣчала она. — Да что думать, я твердо рѣшилась.

Ходилъ, пожималъ плечьми. Соображалъ что-то о деньгахъ.

— Если у тебя никого нѣтъ, то я не понимаю, чѣмъ ты будешь жить. Я не могу жить на два дома.

— Буду работать. Не безпокойся, ничего зазорнаго не сдѣлаю, твоего имени срамить не стану. Займусь работою вполнѣ приличною. Я для этого достаточно знаю.

И ушла отъ мужа, взяла и сына съ собою. Сына, конечно, ни за что бы мужу не оставила. Вѣдь изъ-за сына и отъ мужа ушла.

Что больше выросталъ мальчикъ, то яснѣе становилось для нея, да и для посторонникъ, ихъ разительное несходство. Матери даже больно было видѣть своего сына, ясное свое солнышко, рядомъ съ этимъ чужимъ, холоднымъ, роднымъ человѣкомъ? Ея солнышко, — и этотъ начальникъ отдѣленія!

И вотъ теперь они одни.

Мать посмотрѣла на свои маленькіе часики, — скоро придетъ ея солнышко,—вложила листъ рукописи въ англійскій лексиконъ, и подошла къ камину подбросить дровъ.

Пылали сухія полѣнья, тая и распадаясь на яркіе уголья. Знойною теплотою вѣяло отъ широкаго устья камина. Не зажигая лампы, она сидѣла въ качалкѣ, грѣя блѣдныя руки, успокоенныя на колѣняхъ. И размечталась, опять унеслась мечтою къ далекому, къ невозвратному, къ тому единственному, благостному мигу. Единственная, сладостная встрѣча!

И не знала она, что это было, любовь или внезапное вдохновеніе, нантіе силы, движущей мірами и сердцами. Былъ ясный день, и волны морскія торжественно и звучно бились о пустынный берегъ. Въ прибрежной рощѣ они были вдвоемъ, она и онъ, невѣдомый, первый разъ увидѣнный, и сразу взявшій ея душу и поднявшій ее выше звѣздъ. Забылся міръ, померкло солнце, и голосъ волнъ казался непостижимо далекимъ, — и только его слова, его дивная рѣчь о томъ, о чемъ ни отъ кого другого она не слышала. Глубокія, быть можетъ, соблазнительныя слова о человѣкѣ.

Къ вечеру, прощаясь съ нею, сказалъ ей невѣдомый возлюбленный:

— Я уйду отъ тебя навсегда, и ты меня больше не увидишь.

— Кто же ты? — спросила она.

Лицо его было, какъ ясный ликъ восходящей зари, когда онъ говорилъ:

— Я тотъ, кто приходитъ только однажды.

— Какимъ же именемъ мнѣ называть тебя, когда я буду о тебѣ молиться?

И онъ отвѣчалъ:

— Я съ тобою всегда буду, и всякая твоя мысль будетъ молитва, и всякая твоя молитва будетъ обо мнѣ.

— Что же со мною будетъ? — спросила она.

И онъ отвѣчалъ:

— Ты родишь сына, и въ немъ узнаешь меня, и онъ будетъ тебѣ солнцемъ и жизнью.

Гдѣ-то недалеко послышались людскіе голоса и людской смѣхъ за деревьями; слышно было, что кто-то идетъ лѣсомъ къ берегу. Тогда невѣдомый возлюбленный поцѣловалъ ее поцѣлуемъ долгимъ и пламеннымъ, и быстро пошелъ отъ нея прочь. И скоро скрылся за деревьями, а она вернулась въ свой скучный домъ. И на будущую весну родила сына.

Вотъ онъ идетъ! Вотъ сталъ на порогѣ.

— Жизнь моя! Солнышко мое!

Словно еще ярче стало яркое пыланіе въ каминѣ. Не успѣла подняться ему навстрѣчу, — уже онъ обнимаетъ и цѣлуетъ мать.

— Грѣешься, мамочка? Пусти и меня погрѣться. На дворѣ морозъ ухъ какой!

Смотритъ на маму пытливымъ взоромъ, — и покраснѣла мама опять.

— Ты сегодня румяная, мамочка.

— Солнышко мое, оттого, что ты со мною.

А въ ушахъ ея все звенитъ его вчерашній вопросъ. Неужели опять спроситъ?

Первый разъ спросилъ ее вскорѣ послѣ того, какъ она ушла съ нимъ отъ мужа. Долго разсматривалъ карточки въ альбомѣ, потомъ неожиданно спросилъ:

— Мама, кто мой отецъ?

Такъ неожиданно было услышать отъ двѣнадцатилѣтняго мальчика этотъ вопросъ, что ее въ жаръ бросило. Засмѣялась принужденно, обратила въ шутку. Мальчикъ покраснѣлъ, замолчалъ. И вотъ почти два года не говорилъ объ отцѣ.

А вчера опять неожиданно:

— Мама, я думаю, что твой мужъ мнѣ не отецъ.

Мать зардѣлась.

— Солнышко мое, что ты говоришь!

— Зачѣмъ же ты ушла отъ него?

— Солнышко, развѣ намъ такъ не лучше?

— Лучше, мамочка, но вѣдь это же и показываетъ...

Но мать остановила его.

— Не будемъ сегодня говорить объ этомъ.

Сынъ замолчалъ. А она вечеромъ, ночью, утромъ все думала, сказать ли мальчику правду, или промолчать. И не знала, какъ быть.

Неужели сегодня онъ опять заговоритъ о томъ же?

И онъ началъ:

— Мама, у тебя лицо прекрасное и чистое, какъ у святой, и никто не скажетъ о тебѣ худо. Ты — тихая и кроткая, какъ ангелъ воплощенный.

— Солнышко мое, не хвали меня,—остановила она сына.

Онъ упрямо сдвинулъ брови, и продолжалъ:

— А подъ этою ангельскою личиною ты что таишь, мама? Я хочу знать.

— Солнышко, ты опять о томъ же.

— Да, мамочка, о томъ же.

— Но я же тебѣ сказала вчера, что не хочу говорить.

Онъ сидѣлъ у ея ногъ на скамеечкѣ, и смотрѣлъ на разсыпающіеся угли, на вѣяніе жаркаго пламени надъ ними. Мальчикъ задумчиво сказалъ:

— Точно красные бѣсенята скачутъ. Злое дѣло гибели и разрушенія творятъ, — а мы грѣемся. Я иногда думаю, и мнѣ какъ-то странно становится, мамочка: если бы не было зла, этой раскаленности огненной, можетъ быть, и счастья нашего не было бы.

Вспоминая слова, сказанныя ей тогда невѣдомымъ ея возлюбленнымъ, тихо сказала взволнованная мать:

— Зло добру служитъ, и демоны поклоняются Всевышнему.

Мальчикъ поднялъ на нее глаза, и лицо его пламенѣло, и глаза сверкали. И она почувствовала, какъ-будто острые мечи пронзили ея сердце. А сынъ говорилъ:

— Молчатъ о святынѣ, молчатъ и о позорѣ. А ты о чемъ молчишь?

— Кто далъ тебѣ право спрашивать? — строго сказала мать.

— Я чувствую въ душѣ моей силу очень большую. Откуда она, — добрая или злая? Отчего мнѣ такъ радостно жить, и не страшно зла и гибели? Отчего я хочу сдѣлать такъ много, много, хоть бы за это пришлось мнѣ итти на мученія, на смерть. Откуда мнѣ это?

Мать молчала. Онъ всталъ передъ нею, взялъ ея руку движеніемъ быстрымъ, словно повелительнымъ, и сказалъ съ великою силою:

— Если не хочешь сказать, кто мой отецъ, скажи мнѣ, кто ты сама, — мать или блудница?

Она порывисто вскочила со своего мѣста, схватила сына за плечи, крикнула:

— Мальчишка, что ты говоришь! Ну хорошо, хорошо!

И повела было его къ дверямъ. Но посрединѣ комнаты

остановилась, всмотрѣлась въ лицо сына, — оно было спокойно и почти радостно, и глаза его смотрѣли на нее зорко и пытливо, словно видѣли въ глубинѣ ея души ея сладостную и страшную тайну.

Она заплакала и засмѣялась, обняла сына, и шепнула ему радостно:

— Солнышко мое, я тебѣ все разскажу, ты поймешь меня.

САМЫЙ ТЕМНЫЙ ДЕНЬ.

Самый темный день сѣверной зимы клонился къ вечеру, и на улицахъ и въ магазинахъ громаднаго города уже зажглись веселые огни, когда молодая дѣвушка, Маргарита Полуянова, торопливо поднявшись по тремъ ступенькамъ съ улицы, вошла въ банкирскую контору Клопштокъ, Ленцъ и К°. Худенькая, высокая и блѣдная, она все такъ же, какъ и на улицѣ, торопливо шла мимо загороженныхъ деревянною рѣшеткою кассъ и конторокъ съ разными надъ ними надписями, — шла въ самый дальній уголъ конторы, гдѣ на бѣломъ картонѣ, прибитомъ сбоку къ двойной, солидной, какъ все здѣсь, конторкѣ, видна была громадная черная цифра 13, а на матовомъ стеклѣ черная надпись говорила: Залогъ, выкупъ и перезалогъ.

Здѣсь Маргарита остановилась. Она вытащила изъ кармана старенькой короткой жакетки коричневый кошелекъ съ расхлябанною застежкою, и достала оттуда квитанцію. Молодые люди за конторкою были чѣмъ-то озабоченно заняты, и прошло минуты двѣ или три, прежде чѣмъ одинъ изъ нихъ подошелъ къ Маргаритѣ. Она стояла бокомъ къ рѣшеткѣ, опираясь локтемъ на ея широкій верхъ, отъ не-

чего дѣлать осматривала хорошо уже знакомую ей обстановку конторы, и думала о чемъ-то тревожно и смутно.

Всѣ вещи, которыя она видѣла, были не новы, но очень прочны и очень солидны, и потертость ихъ какъ бы особенно указывала на солидность давно существующей фирмы, имѣющей хорошее имя, обширный кругъ клiентовъ, и дѣлающей превосходныя операціи, преимущественно по продажѣ и покупкѣ процентныхъ бумагъ и по онкольнымъ счетамъ. Характеръ всей обстановки выражалъ золотую середину между щеголеватою новизною недавно-возникшихъ предпріятій, въ долголѣтнемъ существованіи которыхъ еще никто не увѣренъ, и убогою, поддѣльною роскошью предпріятій, явно для посвященныхъ клонящихся къ упадку. Здѣсь дѣло говорило само за себя, и потому не надо было прельщать случайныхъ и неопытныхъ клiентовъ рыночнымъ великолѣпіемъ столярнаго и арматурнаго модернизма, или дешевымъ лакомъ нарочной новинки.

Было очень свѣтло, — много надъ кассами и надъ конторками висѣло ярко-горящихъ лампъ. Но это не было мертвенно-щеголъское электричество: старый, добрый газъ, зажигаемый какими-то старыми, хитрыми приспособленіями, давалъ свѣтъ теплый, веселый, успокоенно-домашній.

Служащіе, все больше нѣмцы, одѣты были за-просто, въ пиджичкахъ. Но у всѣхъ у нихъ былъ упитанный видъ, и, глядя на нихъ, каждый почему-то вспоминалъ хорошее мюнхенское или пильзенское пиво, добрыя нѣмецкія сосиски съ жареною капустою, сосновыя фуфайки доктора Егера, гимнастику по Мюллеру, раскатистый гулъ шаровъ на кегельбанѣ, и прочее все такое же гигіеничное и благополучное.

Мальчики въ сѣрыхъ курточкахъ имѣли тоже домашній и довольный видъ. Когда кто-нибудь изъ-за рѣшетки возглашалъ громко:

— Мальчикъ!

Одинъ изъ сѣрыхъ, бѣлолицыхъ и чистенькихъ мальчугановъ шелъ на зовъ быстро и охотно, и потомъ отпра-

влялся, куда посылали, хотя и безъ угорѣлой торопливости лавочнаго задерганнаго мальчишки, но очень скоро и опять съ такимъ видомъ, точно это ему самому нравится. На лицахъ у нихъ было выраженіе усердія, и еще выраженіе такое, что вотъ ужо, послѣ закрытія конторы, можно будетъ и пошалить, и это будетъ весело, а теперь пока не стоитъ.

Кліенты банкирскаго дома Клопштокъ, Ленцъ и К°, тоже все были спокойные господа и дамы, хорошо, иногда богато одѣтые, и только одна Маргарита выдѣлялась своимъ потертымъ, старымъ костюмомъ, и ея черная невысокая барашковая шапка раструбомъ кверху придавала ей какой-то странный здѣсь и жалкій видъ. Но такъ какъ все здѣсь было спокойно, просто и дѣловито, то и Маргарита чувствовала себя здѣсь удобно, и не стѣснялась.

Ждала терпѣливо. Прислушивалась къ безпорядочной толчеѣ своихъ мыслей надеждъ, мечтаній.

Молодой человѣкъ, сидѣвшій за ближайшею къ Маргаритѣ конторкою, кончилъ наконецъ свои вычисленія, и подошелъ къ Маргаритѣ. Она взглянула на его лицо, и онъ показался ей такимъ розовымъ и гладкимъ, точно его сейчасъ только старательно и любовно облизала самая ласковая корова. Онъ спросилъ ее съ безграничною, дѣловою любезностью:

— Вамъ еще не дѣлаютъ?

— Нѣтъ, еще, — сказала Маргарита. — Пожалуйста, перезаложить.

Она протянула молодому гладкому человѣку синюю квитанцію. Словно торопясь заодно и сразу сказать ему все о своемъ дѣлѣ, она спросила его:

— А страховать когда надо?

Гладкій молодой человѣкъ внимательно осмотрѣлъ синюю квитанцію, — собственно только для аккуратности, такъ какъ и при бѣгломъ взглядѣ на запись синяго листка онъ уже видѣлъ, что рѣчь идетъ о заложенномъ въ конторѣ выигрышномъ билетѣ перваго займа, тиражъ котораго будетъ черезъ нѣсколько дней,—и потомъ сказалъ Маргаритѣ:

— Страховать теперь же надо.

— Пожалуйста, — сказала опять Маргарита.

И по ея блѣдному лицу было видно, что ей жалко тѣхъ семи съ полтиною, которые надо отдать за страховку, и досадно, что нельзя отложить этого расхода на нѣсколько дней, когда, можетъ быть, удастся получить гдѣ-нибудь еще сколько-нибудь денегъ.

— На сколько мѣсяцевъ желаете перезаложить?—спросилъ гладкій молодой человѣкъ.

— На одинъ мѣсяцъ, — сказала Маргарита.

Да, конечно, только на одинъ мѣсяцъ. Вѣдь можетъ случится, что именно на этотъ билетъ выпадетъ одинъ изъ главныхъ выигрышей.

Гладкій молодой человѣкъ съ озабоченною дѣловою торопливостью вернулся къ своей конторкѣ и занялся дѣломъ о перезалогѣ Маргаритина билета. А Маргарита сѣла на плетеный стулъ близъ пріятно-раскаленной печи, и погрузилась въ сладостныя мечтанія.

Странныя, глупыя мечты все о томъ же, — о выигрышѣ въ двѣсти тысячъ. Стоитъ только этому счастію пасть на ихъ билетъ,—и почему же нѣтъ!—все въ ихъ сѣрой, тусклой жизни измѣнится, и озарится тусклая, скудная жизнь блескомъ золотыхъ радугъ, и все, что было несноснымъ томленіемъ, скукою и стыдомъ, преобразится вдругъ въ праздничное ликованіе радости, счастья, веселости и смѣха.

Ахъ, эта сѣрая, тусклая жизнь! Какъ она истомила, измаяла! Какъ мало она дарила! Какъ скудно берегла свои надежды, какъ торопилась отнимать всякую мгновенную и случайную радость.

Какъ-то не то, чтобы вспомнилась, а вдругъ почувствовалась остро и больно вся обстановка ихъ жизни, такой непохожей на эту мирную любезно-дѣловую обстановку банкирской конторы, гдѣ считаютъ деньги, выплачиваютъ деньги, принимаютъ деньги, большія и малыя деньги одинаково, съ обыкновеннымъ, не жаднымъ и не злымъ внима-

ніемъ. Какъ-то вдругъ вдвинулось въ Маргаритино сознаніе все то, домашнее.

Громадный каменный домъ, на который взглянешь и сразу становится скучно и томно, и дивишься, какъ могутъ люди жить въ такомъ сѣромъ, грязномъ, скучномъ острогѣ. Преувеличенно-грубые дворники у воротъ и на дворѣ. Ненужная неряшливость на этомъ дворѣ, уныніе какихъ-то ржавыхъ, безграмотныхъ вывѣсокъ. Лѣстница, точно нарочно, чтобы дразнить и мучить, смрадная, темная и скользкая. И такъ долго поднимаешься въ ея нескончаемомъ смрадѣ до пятаго этажа. Дергаешь мѣдную ручку звонка, — и она погнутая и поломанная.

Звякнетъ звонокъ за дверью. Шаги за нею. Утомленно-ласковые глаза домашнихъ.

— Ну, что?

Ахъ, что сказать!

— Ну, ничего, все благополучно. Была тамъ-то, видѣла то-то.

Квартира съ рыночною, дешевою мебелью, къ которой привыкли, и которая потому мила. Ахъ, все такое привычное, — и это смрадное томленіе на лѣстницѣ, и это чадное томленіе изъ кухни, гдѣ ворчитъ на что-то глупая, грязная и злая кухарка, и это тихое томленіе дома, въ защитѣ стѣнъ, всегда унылыхъ, въ бѣдномъ уютѣ домашняго очага!

Рядъ милыхъ, утомленно-блѣдныхъ лицъ, и на каждомъ напряженное выраженіе бодрости, словно говорящее:

— Ничего, что жъ, жить можно.

Или еще:

— Сыты, одѣты, обуты, — чего же больше?

Чего же больше!

Мать, — у нея молодое лицо, сѣдые волосы, бодрая улыбка, усталые глаза. Шутливая жалоба:

— Нынче и рождаются мало....

Мама — акушерка: практики почему-то меньше, чѣмъ въ прежніе годы. Шутитъ:

— Скоро совсѣмъ рождать перестанутъ.

Когда же позвонятся, и войдетъ озабоченный чей-то мужъ, торопя, она оживится, соберется живо, захватитъ свой большой черный саквояжъ съ наборомъ акушерскихъ инструментовъ, и исчезаетъ со словами:

— Ну, дѣтки, я въ походъ. Ужъ вы тутъ сами какъ знаете, безъ меня справляйтесь.

Мама уходитъ съ преувеличенной бодростью, отчетливо постукивая по стертымъ ступенькамъ лѣстницы сбитыми на бокъ каблуками сильно-поношенныхъ башмаковъ.

Старшая сестра, Евгенія, замѣчаетъ скептически:

— Судя по лицу и вообще по внѣшнему виду этого господина, больше двадцати пяти, много тридцати рублей не дадутъ. А заставятъ ходить всѣ десять дней по два раза. А капризовъ сколько у такихъ женщинъ, какими бываютъ жены у этихъ людей!

Евгенія служитъ въ торгово-промышленной конторѣ братьевъ Луцкеръ. Занимаетъ она тамъ положеніе маленькое и подчиненное, такъ что ей даютъ много работы и мало денегъ, и заставляютъ высиживать много часовъ. Но такъ какъ она видитъ много людей разныхъ положеній и состояній, то она считаетъ себя большимъ знатокомъ человѣческой души, и потому очень любитъ дѣлать заключенія о людяхъ по ихъ внѣшнему виду и по ихъ манерамъ. Она безошибочно опредѣляетъ, что человѣкъ, приходившій сейчасъ за ихъ матерью, служитъ приказчикомъ въ галантерейномъ магазинѣ и получаетъ не болѣе восьмидесяти рублей въ мѣсяцъ жалованья.

Маргарита блѣдно улыбается и отвѣчаетъ Евгеніи:

— Мама умѣетъ съ ними ладить. Можетъ быть, и больше дадутъ.

— Жди! — съ обычнымъ своимъ скептицизмомъ отвѣчаетъ Евгенія, и опять погружается въ чтеніе взятой изъ библіотеки по пятому разряду истрепанной книжки, — какого-то переводного романа.

Братья, — гимназисты, Константинъ и Иннокентій, проводивши маму до нижней площадки, весело топоча сапо-

гами, вбѣгаютъ съ громкимъ смѣхомъ, и послѣ короткой возни вдругъ стихаютъ, точно смущенные чѣмъ-то, словно окунувшіеся въ тяжелыя волны унылости и томленія, и садятся за уроки. Они прилежны, и учатся съ остервенѣніемъ, чтобы поскорѣе добраться до дипломовъ, работы и денегъ, которыхъ здѣсь всегда не хватаетъ не только на разныя скучныя необходимости, но даже на сладкое, веселое и смѣшное.

Константинъ вздыхаетъ, и говоритъ, ни къ кому не обращаясь:

— Изъ маминой получки обязательно, чтобы халвы купили.

— Давно ужъ халвы не было, — съ такимъ же вздохомъ говоритъ Иннокентій, и, подумавъ немного, продолжаетъ:

— Вотъ аэропланъ я видѣлъ на-дняхъ. Вотъ бы намъ купить.

Евгенія отрывается отъ чтенія, и сурово говоритъ:

— Размечтались! Лучше у матери попросите на сапоги Константину, когда будутъ деньги, а то у него скоро сапоги каши запросятъ.

— Сапоги, сапогами, — уныло говоритъ Константинъ, и умолкаетъ, не кончивъ.

Тяжелое облако унынія окутываетъ всѣхъ. Мальчики уныло наклонились надъ своими учебниками, и лица у нихъ такія же блѣдныя, тощія, постныя, скучныя, какъ у обѣихъ сестеръ. Евгенія читаетъ, опираясь локтями на столъ и уткнувшись лбомъ въ ладони скрещенныхъ пальцами рукъ.

Маргарита подходитъ къ стѣнѣ, гдѣ виситъ портретъ третьей сестры, Екатерины. Она весною умерла отъ чахотки. Маргарита думаетъ, что скоро и у нея «разовьется», какъ говоритъ Евгенія, чахотка. Припоминаетъ ея же слова: «на почвѣ переутомленія и хроническаго недоѣданія». Маргаритины губы слабо улыбаются, а по ея плечамъ и спинѣ пробѣгаетъ холодокъ внезапнаго ужаса.

Нѣтъ, этого не можетъ быть. Ихъ билетъ выиграетъ.

И Маргарита быстрымъ усиліемъ воображенія и испуганной воли направляетъ свое вниманіе къ привычнымъ ея мечтанію картинамъ иной, свѣтлой, радостной, счастливой жизни.

Южное море которое она видѣла только на картинкѣ, плещется у ея ногъ. Волны его теплы, и цвѣтъ ихъ—цвѣтъ лазури. И лазурное небо безоблачно смѣется весело смѣющимся волнамъ и нѣжно-хрупкому песку на морскомъ берегу. Все насквозь свѣтло и лазурно,—и гдѣ же вы, унылыя тѣни безсилія и тоски? Все насквозь свѣтло и лазурно, и море, и небо, и воздухъ, вѣющій сладкими ароматами цвѣтовъ, которые такъ прекрасны, и у которыхъ такія благоуханныя имена. Маргарита не знаетъ ихъ именъ, но знаетъ, вѣритъ, что обольстительный звукъ этихъ именъ соотвѣтствуетъ очарованію ихъ легкихъ вѣнчиковъ и ихъ опьяняющаго, погружающаго душу въ сладостное самозабвеніе запаха.

Она идетъ домой по свѣтлому, нѣжному подъ ногами песку аллей, гдѣ растутъ дивныя растенія, которыя она видѣла только на картинкахъ. Такъ легко итти, точно незримая сила несетъ ее по воздуху. Такъ сладко дышать,—точно это эдемскій воздухъ вливается въ ея грудь, воздухъ радостнаго, навѣки обрадованнаго края. Этотъ легкій, благоуханный воздухъ пропитанъ щебетаніями забавно-красивыхъ птичекъ, такихъ милыхъ, какихъ Маргарита видѣла только на картинкахъ.

Передъ нею мраморныя колонны и мраморныя ступени лѣстницы, ведущей въ ея домъ. Онъ дивно-прекрасенъ, какъ одинъ изъ тѣхъ домовъ, которые она видѣла только на картинкахъ. И мраморныя статуи на широкихъ площадкахъ мраморной лѣстницы прекрасны, — гораздо красивѣе тѣхъ статуй, которыя Маргарита видѣла въ Русскомъ музеѣ. И какъ имъ не быть прекрасными! Не тяжелая атмосфера душнаго, музейнаго уныніе, — ихъ обвѣялъ радостный воздухъ безтревожнаго, безпечальнаго бытія.

Къ ней навстрѣчу идутъ мама, и сестра, и братья. Оде-

жды ихъ изысканно-прекрасны, одежды, подобныя которымъ Маргарита видѣла только на картинкахъ. И какъ они, ея милые, преобразились въ этомъ благоуханномъ раю исполненныхъ надеждъ! Какъ свѣтлы ихъ лица, какъ розовы ихъ щеки, какъ блестятъ ихъ глаза, какія улыбки цвѣтутъ на ихъ заалѣвшихся устахъ, какъ широко и вольно дышутъ ихъ груди. Гдѣ унылая блѣдность ихъ лицъ, гдѣ безсильная тоска ихъ потупленныхъ взоровъ, гдѣ скорбная усмѣшка безрадостныхъ губъ? Ахъ, все это уныло давно растаяло, давно забыто. Радостные звучатъ голоса милыхъ, — и Маргарита улыбается имъ, и спрашиваетъ вдругъ:

— А гдѣ же Катя?

И темнѣютъ вдругъ лица ея милыхъ, и говоритъ кто-то изъ нихъ:

— Кати нѣтъ. Катя умерла. Развѣ ты забыла, что Катя умерла.

— Катя умерла, — шепчетъ Маргарита.

Ахъ, скучный день опять отяготѣлъ надъ нею, и опять веселый газъ въ яркихъ лампахъ дразнитъ ее своею ненужною ясностью, своею безпощадною веселостью.

Молодой гладкій человѣкъ сдѣлалъ все, что надо. Онъ говоритъ Маргаритѣ изъ-за рѣшетки:

— Сударыня, вамъ готово.

Маргарита подходитъ къ рѣшеткѣ, и беретъ изъ рукъ молодого гладкаго человѣка синенькій тонкій листочекъ, на которомъ написано, что надо заплатить въ кассу одиннадцать рублей съ копейками. Гладкій молодой человѣкъ говоритъ:

— Въ кассу и обратно.

Маргарита торопливо идетъ въ кассу платить деньги. Мальчикъ зачѣмъ-то скользитъ мимо нея куда-то по сѣрымъ матамъ конторы, — пожилой, полный нѣмецъ съ веселымъ лицомъ и солидною лысиною на головѣ разговариваетъ съ дамою въ дорогихъ мѣхахъ и въ мѣховой громадной шляпѣ, — какой-то толстякъ неспѣшно поднимается по лѣстницѣ вверхъ, въ отдѣленіе аккредитивовъ и переводовъ

заграницу, — рѣшетки, кассы, конторки, газъ, — все это прочное, солидное, незыблемое говоритъ ей беззвучнымъ, но внятнымъ языкомъ всесильныхъ, надъ человѣкомъ вѣчно господствующихъ вещей, что все неизмѣнно, навсегда предопредѣленно,—что нѣтъ на свѣтѣ неожиданныхъ радостей, — что на ихъ долю никогда не выпадетъ крупнаго выигрыша, — что каждому изъ нихъ навѣки суждено томиться, изнывая за скучнымъ и скуднымъ трудомъ.

Маргаритино лицо вяло и блѣдно, и ея плоская грудь, кажется, совсѣмъ не дышитъ, когда она подходитъ къ полукруглому въ тяжелой частой рѣшеткѣ окошечку кассы и протягиваетъ плотному, сѣдому кассиру ордеръ объ уплатѣ. Опять роется въ кошелькѣ, и послушно исполняетъ главную обязанность кліента банкирской конторы Клопштокъ, Ленцъ и К°, — платитъ деньги, сосчитанныя и проведенныя по книгамъ конторы.

Заплатила. Стукнулъ штемпелемъ «уплачено». Маргарита идетъ обратно. Гладкій молодой человѣкъ возвращаетъ ей квитанцію, и на оборотной сторонѣ квитанціи, въ концѣ длиннаго ряда отмѣтокъ о перезалогѣ, Маргарита видитъ новую, сегодняшнюю отмѣтку. Маргарита думаетъ, что это не послѣдняя отмѣтка, и ей опять становится холодно, томно и скучно.

Маргарита вышла на улицу. Уже вездѣ были огни, и громадные шары на верхахъ чугунныхъ некрасивыхъ столбовъ свѣтились ярко, мертво и нагло. И все на улицѣ было смѣшеніемъ яркихъ пятенъ свѣта и проваловъ въ тьму, смѣшеніемъ шумной, наглой нарядности и убогой нищеты. И все было скована мертвымъ, злымъ морозомъ.

Злой морозъ пробирался сквозь плохую Маргаритину одежонку, жался къ ея худенькому, длинному и тощему тѣлу, и заставлялъ ее итти все быстрѣе и быстрѣе. Было странное несоотвѣтствіе между ея легкой, точно радующейся походкою и ея неподвижно унылымъ, безрадостнымъ лицомъ.

Вдругъ улыбка счастливой надежды мелькнула на Мар-

гаритиныхъ губахъ. Знакомое лицо изъ толпы стало передъ нею, — молодой человѣкъ въ мѣховомъ пальто съ барашковымъ воротникомъ.

— Михаилъ Александровичъ! — радостно воскликнула Маргарита. — Вы насъ совсѣмъ забыли.

Михаилъ Александровичъ Сюргучевъ, казалось, былъ смущенъ неожиданною встрѣчею. Его рука въ сѣрой мягкой перчаткѣ потянулась къ котелку, потомъ онъ стащилъ перчатку, пожалъ Маргаритину руку, и говорилъ сконфуженно:

— Вотъ все собираюсь къ вамъ, да все некогда, не собраться. Какъ здоровье вашей маменьки? Какъ вы поживаете, Маргарита Константиновна?

Его рыжеватые усики топорщились надъ неровно-вздрагивающею верхнею губою, и непонятно было, отчего это вздрагиваетъ такъ его губа, отъ холода или отъ смущенія. Его сѣро-стальные глаза бѣгали, и онъ весь какъ-то пригнулся, и даже уши его какимъ-то заячьимъ движеніемъ прижались къ причесаннымъ гладко-гладко волосамъ.

И смущеніе его передалось Маргаритѣ. Лицо ея опять поблекло, и она тусклымъ голосомъ сказала:

— Ничего, благодарю васъ. Вамъ не по дорогѣ? Пройдемте немного.

Робкая, почти безнадежная мольба засвѣтилась на минуту въ ея синихъ, покорныхъ глазахъ. Конечно, только затѣмъ, чтобы сейчасъ же потухнуть.

Михаилъ Александровичъ бормоталъ:

— Простите, сейчасъ не могу, тороплюсь. У меня тутъ дѣло есть очень спѣшное, такъ ужъ я побѣгу. До свиданія, Маргарита Константиновна. Почтеніе вашей матушкѣ. Поклонъ Евгеніи Константиновнѣ.

Онъ торопливо совалъ Маргаритѣ свою быстро покраснѣвшую на морозѣ безъ перчатки руку.

— Заходите, — коротко и робко сказала Маргарита.

Точно боялась почему-то сказать лишнее слово. Задержала его руку.

— Непремѣнно, непремѣнно, какъ же, сочту долгомъ, какъ только выдастся свободный часокъ.

И Михаилъ Александровичъ вырвалъ почти грубымъ движеніемъ свою руку изъ блѣдныхъ, тонкихъ Маргаритиныхъ пальцевъ, и помчался трясущеюся виноватою походкою, исчезая въ толпѣ.

Маргарита постояла на углу улицы, глядя ему вслѣдъ, и пошла дальше. И опять лицо ея стало, какъ блѣдная маска безнадежнаго унынія.

Тусклыя мысли пробѣгали въ ея головѣ. Вспомнила, какъ былъ у нихъ послѣдній разъ Михаилъ Александровичъ. Говорилъ ей любезности, и такъ смотрѣлъ на нее, какъ смотрятъ влюбленные, нѣжнымъ, похожимъ на страстный поцѣлуй, взоромъ.

Прощаясь, долго и нѣжно цѣловалъ ея руку. А когда онъ ушелъ, Константинъ сказалъ досадливо:

— Съѣлъ всю халву начисто.

Смѣялись тогда, и ласково глядѣли на Маргариту.

О, скудная, жадная жизнь! Всякую мгновенно мелькнувшую надежду торопишься ты отнять и опозорить. Глупое сердце жаждетъ обмановъ и утѣшеній, — глупое сердце, замолчи! Радости для тебя не будетъ, — и не придетъ влюбленный, не выпадетъ на билетъ главный выигрышъ, — и все всегда будетъ такъ, какъ было, безнадежно, тускло, темно, словно зачарованное навѣки очарованіемъ унынія, безсилія и печали.

BINDING SECT. MAR 15 1976

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3470
T4S4

Teternikov, Fedor Kuz'mich
Sliepaia babochka

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 22 07 06 003 7